

75

А. Черный

Несерьезные разсказы

ПАРИЖЪ
1928

«Посильна бѣда со смѣхом
невмочь бѣда со слезами».

(Русская пословица).

Третейскій судъ

(Шутка въ 1 бездѣйствіи)

Бездѣйствующія лица:

Третейскіе судьи.

1. Дундуковъ

2. Гулькинъ.

Тяжущіеся.

3. Анна Петровна.

4. Иванъ Сидоровичъ.

I.

Дундуковъ. Мода пошла на участки эти. Земли съ дамскую сорочку. Домишко вродѣ подержаннаго рояльнаго ящика. Плюнешь съ крыльца — вѣтромъ сосѣду на лысину отнесетъ. Хочешь на дуэль вызывай, хочешь — судъ чести устраивай. Отъ тѣсноты и грызутся.

Гулькинъ *(смотритъ на часы)*. Однако, суперъ-арбитра нашего все нѣтъ. Полагаю, какъ онъ въ ночномъ барѣ всю ночь на флейтѣ свиститъ, — не успѣлъ еще отоспаться.

Дундуковъ. Чего жъ ждать зря? И безъ акушера рожаютъ.

Гулькинъ. Неоффиціально, знаете, выйдетъ. Вродѣ супа безъ ложки.

Дундуковъ. Къ концу арбитръ нашъ и подойдетъ. Ваня! Позови-ка сюда гг. дуэлянтовъ этихъ...

(Входятъ Анна Петровна и Иванъ Сидоровичъ).

Гулькинъ. Садитесь, силь-ву-плэ.... Такъ вотъ, какъ полагается по кодексу взаимныхъ обидъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, предлагаю вамъ положа руку на сердце....

Дундуковъ. Сердце то слѣва, а вы руку направо прикладываете.

Гулькинъ *(перемѣняя руку).* Юридически разницы не усматриваю. Положа руку на сердце и прочее, предлагаю вамъ покончить дѣло миромъ. Чтобъ, какъ говорится, никакихъ двусмысленностей между вами не было.

Анна Петровна (*(зажимая уши).* Не слышу!

Иванъ Сидоровичъ. Двусмысленности все равно будутъ. Ужъ если добрыхъ знакомыхъ потревожили, сосѣдскій срамъ, по переулку размазали, будьте добры, пальмовую вѣтку спрячьте-съ...

Гулькинъ. Пунктъ первый: не желаютъ... Можетъ быть, г. Дундуковъ **вы** желаете на нихъ силу внушенія испытать?

Анна Петровна *(закрывая уши).* Не слышу! Не слышу!

Дундуковъ. Ну и песъ съ ней, если не слышитъ!

Анна Петровна Со мной?! Песъ!

Дундуковъ. Разъ вы не слышите, то я вродѣ про себя вслухъ подумалъ. Что вы со мной задираетесь? **Со мной** вы судиться пришли или съ вашимъ сосѣдомъ?...

Гулькинъ. Видите, какъ безъ суперъ-арбитра дѣло поворачивается?...

Дундуковъ. Ничего не поворачивается. Объявляю засѣданіе открытымъ. Прошу встать!

Гулькинъ. Что же это вы дѣлаете? Зачѣмъ вставать?

Дундуковъ. Ну пусть сидятъ... Какъ вы, Анна Петровна, дамской масти, то и выкладывайте первая обстоятельства вашей междоусобной брани. А вы, Иванъ Сидоровичъ, пока смойтесь.

Анна Петровна. Протестую. Вы, г. Дундуковъ, человѣкъ юридическій, бывшій судебный приставъ. Какъ же вы не соображаете, что обстоятельства всегда выгоднѣй излагать противной сторонѣ въ затылокъ.

Дундуковъ. Термина такого юридическаго не помню-съ.

Анна Петровна. Не въ военно-полевомъ судѣ сидимъ И такъ сойдетъ. Онъ вамъ тутъ послѣдній про меня наплететъ-наахаетъ,—всѣ мои предварительныя слова и завянутъ. И симпатіи всѣ на него перейдутъ. Нашли тоже симпатичнаго!

Гулькинъ. Просилъ бы, сударыня, впередъ не забѣгать. Объективно говоря, на основаніи третейскихъ традицій вы намъ оба несимпатичны.

Дундуковъ *(поправляетъ).* Безсимпатичны.

Гулькинъ. Безсимпатичны. Но разъ вы оба къ намъ обратились, оказали максимальное довѣріе и прочее, то позвольте намъ и рѣшить, кто изъ васъ ангелъ, а кто...

Анна Петровна. Это онъ ангелъ? Дѣйствительно. Вылитый ангелъ. Да развѣ ангелъ передъ дамой въ купальномъ халатѣ ходитъ расхристанный? Укропъ изъ чужого огорода щиплетъ? Газету чужую у почтальона перехватываетъ? Прочтетъ, складочки загладитъ и опять въ бандероль. Будто бы и не читалъ. Плюшкинъ средиземный!

Иванъ Сидоровичъ. Не могу выдержать! Вѣдь вотъ

же бываютъ въ другихъ мѣстахъ эпидеміи, землетрясенія разныя...

Гулькинъ. Просилъ бы не забѣгать. Иванъ Сидоровичъ, пожалуйста! А вы, Анна Петровна, посидите въ корридорѣ на стульчикѣ и остыньте. «Руководство по мыловаренію» тамъ на полкѣ лежитъ, — развлечетесь. Иванъ Сиродовичъ, прошу васъ.

Иванъ Сидоровичъ. Что жъ, я человѣкъ кроткій, я на все согласенъ.

Анна Петровна. Больно скоро, лебедь мой, согласился.... А можетъ мнѣ первой лучше начать? *(Подозрительно):* Вы же, тутъ, мужчины, конечно, будете мужскую руку тянуть... Почему ему первому начинать? Съ какой-такой привиллегіи?

Дундуковъ. Да Господи! Вамъ же предлагали. Вы же, Анна Петровна, болѣе или менѣе буйвола до обморока доведете. Или начинайте, или я пойду къ жилету пуговицы пришивать. Ухъ!

Анна Петровна. Хорошо. Ну, а какъ же я буду знать, что онъ тутъ про меня наплететъ? Скажетъ, что я его козу выдаиваю.... А я только разъ изъ жалости. Она съ тугимъ выменемъ зашла ко мнѣ въ палисадникъ. Что жъ, думаю, молоко ей въ голову бросится... Взяла да и выдоила въ кошкино блюдце.

Гулькинъ. Такъ и онъ же тоже не будетъ знать, что вы про него предварительно наплетете. Перекрестный допросъ будетъ, все и вскроется. Слава Богу, третій годъ въ квартирномъ бюро служу — и не такія дѣла разматывали.

Дундуковъ. Эхъ, Анна Петровна, зря вы только всѣ предварительныя симпатіи на противную сторону перетягиваете.

Иванъ Сидоровичъ. Да знаете... Тарантулъ!

Анна Петровна. *(испуганно).* Ухожу, ухожу... А тарантула вы въ протоколъ занесите! Глистъ овечій! *(Уходитъ).*

Дундуковъ. Н-да-съ. Можно сказать, лѣсной ландышъ... Валите, Иванъ Сидоровичъ. Только болѣе или менѣе поменьше врите. Папиросочку дайте. Изъ-за вашего дурацкаго дѣла и папиросъ купить не успѣлъ.

Гулькинъ. Неудобно, знаете, у одной изъ сторонъ папиросочку брать... Дѣло окончимъ, тогда и возьмете.

Дундуковъ. Ну, батенька, стану я ждать. Вы человѣкъ некурящій — безъ темперамента, гдѣ же вамъ понять.. *(Беретъ у Ивана Сидоровича папиросу).* Валите.

Иванъ Сидоровичъ. У меня застарѣлый мышечный ревматизмъ еще съ военнаго времени. Человѣкъ я нервный, застѣнчивый. Позвольте мнѣ въ письменной формѣ. Я даже съ покойнымъ тестемъ, когда на счетъ приданаго объяснялся, все больше въ письменной формѣ.

Дундуковъ. Хоть въ стихахъ, ангелъ мой. Валите.

Иванъ Сидоровичъ. *(читаетъ).* Имя - отчество Иванъ Сидоровичъ. Фамилія — Хрущъ. Майскіе такіе жуки въ Россіи были. Родился по старому стилю 3-го марта 1882 года. Мѣста рожденія по причинѣ морского происхожденія указать въ точности не могу.

Дундуковъ. Что жъ ты ракъ, что ли?

Гулькинъ Неудобно, знаете, съ подсудимымъ на такой фамильярной ногѣ...

Иванъ Сидоровичъ. Это они правильно. Вродѣ рака. Преждевременно родился на пароходѣ во время переѣзда матушки моей изъ Херсона въ Аккерманъ по случаю дурной погоды. Образованія классическаго: за продажу букинисту изъ гимназической библіотеки

древнихъ классиковъ уволенъ изъ пятаго класса безъ мундира и пенсіи.

Гулькинъ. Біографію вашу нельзя ли сократить?

Иванъ Сидоровичъ. О себѣ поговорить каждому пріятно. Перехожу къ предмету. 13-го августа сего года, сидя на своемъ участкѣ близъ Тулона, въ мѣстности именуемой «La brebis galeuse», по-русски, извиняюсь, «Паршивая Овца», — я, по причинѣ прозрачности воздуха и ограниченности моего участка, совершенно явственно разслышалъ, какъ сосѣдка моя по участку, Анна Петровна Малышева, выразилась про меня... *(Оглядываясь на дверь).* Очень боюсь, что она подслушиваетъ... Провѣрьте, пожалуйста, убѣдительно васъ прошу!

Анна Петровна *(за дверью)*.. Нахалъ!

Дундуковъ. Ваня! *(Входитъ молодой человѣкъ).* Запри-ка ее въ моемъ кабинетѣ, пока онъ тутъ кончитъ. *(Понижая голосъ).* Только, будь другомъ, переписку мою спрячь, а то она имѣетъ обыкновеніе иностранныя марки съ конвертовъ сдирать. Валите дальше.

(Молодой человѣкъ уходитъ).

Иванъ Сидоровичъ. Выразилась про меня: какой это оселъ на моемъ заборѣ свои письменныя принадлежности развѣсилъ?

Гулькинъ. Почему «письменныя принадлежности»?

Иванъ Сидоровичъ. Это она, извините, мужское бѣлье такъ называетъ. Я ей и говорю, не вставая съ мѣста: во-первыхъ, это не оселъ развѣсилъ, а я; во-вторыхъ, развѣсилъ подъ своей смоковницей, за которую деньги въ разсрочку сполна плачены; и въ третьихъ, если вы такого деликатнаго тѣлосложенія, можете заткнуть уши и не смотрѣть. А она на это выразилась, — я тотчасъ же на верандѣ въ письменной формѣ все это и записалъ: Какой же песъ вашу сорочку на мой за-

боръ занесъ? Почему же ваши придаточныя предложенія передъ моимъ крыльцомъ валяются? Что про меня прохожіе провансальскіе мужики теперь подумаютъ?

Гулькинъ. Виноватъ, что она подъ придаточными предложеніями подразумѣвала?

Иванъ Сидоровичъ. Депандансъ къ бѣлью, извините за выраженіе, носки. И въ поясненіе къ означеннымъ словамъ сказала, какъ бы про себя, но по причинѣ прозрачности южнаго воздуха и направленія вѣтра, совершенно какъ бы вслухъ: «Старый цыникъ!» Тутъ я, разумѣется, вскипѣлъ... И напѣлъ ей... Ахъ, цыникъ? Старый цыникъ?! А вы, сударыня, безплодная смоковница!.. Кой, говорю, шутъ про васъ подумаетъ что-нибудь, хоть цѣлый гусарскій гардеробъ перебрось вамъ на крыльцо? И, признаться, погорячился и пересолилъ... На ногахъ у васъ матушка, могу сказать, перья растутъ. Хоть бы купались въ сторонѣ... Да-съ.

Дундуковъ *(съ интересомъ).* Здорово! А скажите, Иванъ Сидоровичъ, между нами, — въ самомъ дѣлѣ, перья растутъ?

Гулькинъ. Позвольте. Вопросъ не академическій. Вы, какъ инстанція рѣшающая, не должны такихъ вопросовъ задавать.

Дундуковъ. Я что жъ. Я неоффиціально. По мнѣ хоть репейникъ расти, не то что перья....

Иванъ Сидоровичъ. Нѣтъ-съ. Это я такъ, для красоты слога преувеличилъ. Чтобъ ей печенку разбередить. А она на эти слова — хлопъ — «Девятымъ Термидоромъ» въ меня ухнула. И такъ ловко нацѣлилась, что...

Гулькинъ. Въ переплетѣ?

Иванъ Сидоровичъ. Безъ переплета-съ. Извиняюсь. Томикъ этотъ она у меня же и зачитала. А я у знакома-

го корректора. По бѣженскимъ обстоятельствамъ, какіе же переплеты? Вопросъ, простите, не юридическій. Къ тому же, ежели бы корешкомъ въ високъ, то можетъ вмѣсто третейскаго суда была бы сплошная панихида. Да-съ. Пенснэ съ меня сбила, шрамъ до сихъ поръ держится, вылинялъ только немного. Листочки вѣеромъ по всему заливу — фыръ! Ползаю я по буеракамъ, среди кактусовъ этихъ средиземныхъ, колѣнки и прочія вещи ободралъ, чуть не плачу. Листочки отъ меня по всѣмъ концамъ все дальше взлетаютъ. А она меня съ забора, на колодезь взобравшись, такъ и поливаетъ.

Дундуковъ. Кишкой?

Иванъ Сидоровичъ. Словами то-есть. Вотъ у меня полный прейсъ-курантъ записанъ: курдюкъ бараній, вобла безпартійная, рохля, индюкъ херсонскій, тухлая личность... ц ы п л я ч і й о т е ц ъ....

Гулькинъ. Почему — цыплячій?

Иванъ Сидоровичъ. Видите ли... Это я, мопассановскій одинъ разсказъ прочитавши, въ виду неограниченности свободнаго лѣтняго времени и для научной пользы и дешевизны, инкубаторъ у себя подъ мышками устроилъ.

Дундуковъ *(съ интересомъ).* Высидѣли?

Иванъ Сидоровичъ. Выносилъ то-есть. Голодаютъ же люди для спорта по 30 дней. Или, скажемъ, по 40 сигаръ выкуриваютъ... единовременно....

Дундуковъ. Фотографіи даже съ такихъ дураковъ при магніи снимаютъ.

Иванъ Сидоровичъ. Вотъ именно. Я тоже, значитъ, приспособился: карманы себѣ подъ мышками кисейные пристроилъ и выносилъ.... И вдругъ, знаете, вмѣсто научной благодарности, — «ц ы п л я ч і й о т е ц ъ».

Очень она меня этимъ прозвищемъ пронзила! Ну-съ, я тоже, само собой не сдержался.... И ахнулъ въ нее...

Гулькинъ. Мопассаномъ?

Иванъ Сидоровичъ. Мопассана, простите, подъ рукой не оказалось. Шишкой сосновой ахнулъ. Шишки подъ Тулономъ колоссальныя попадаются. Вродѣ пятидюймоваго снаряда. Съ такимъ разсчетомъ, конечно, бросилъ, чтобъ сантиметра три мимо носа ея угодить. Убивать ее преждевременно, да и отвѣтственность во Франціи большая. Она, само собой, въ азартъ. Принадлежности мои съ забора поскидала, ногами потоптала и мнѣ ихъ черезъ заборъ въ лицо. А сама послѣ того, выбравъ ровное мѣсто съ верескомъ, гдѣ помягче, въ обморокъ хлопнулась. Я же ее по человѣколюбію противофилоксеровымъ растворомъ и отливалъ.

Гулькинъ. И помогло? Надо будетъ себѣ средство это на всякій домашній случай записать.

Иванъ Сидоровичъ. Да я не столько для помощи, сколько потому, что жидкости другой подъ рукой не было. Въ колодцѣ, между прочимъ, по случаю засухи даже лягушки околѣли. Вотъ-съ. Платьице у нея, правда, отъ купороснаго раствора голубыми пятнами пошло. Я не отпираюсь. Это я откупить могу-съ... И на счетъ «Термидора», Богъ съ нимъ, книга зачитанная, я тоже не настаиваю. Но ужъ относительно «ц ы п л я ч ь я г о о т ц а» прошу ей общественное порицаніе выразить. На весь заливъ было слышно. А у насъ вокругъ по участкамъ люди интеллигентные живутъ, русскіе бѣженцы. Профессора разные, даже евразіецъ одинъ есть по горловымъ болѣзнямъ; справа отъ нея бывшій инспекторъ полевой артиллеріи, напротивъ композиторъ тоже одинъ — книгу по подводной ботаникѣ пишетъ. И всѣ смѣются. Чуть цыплята за мной къ морю сквозь

можжевельникъ потянутся, только и слышишь: «а вонъ и цыплячій отецъ со своей командой!» Невыносимо. Спрячешься въ можжевельникъ и сидишь тамъ, какъ камень въ печени...

Дундуковъ. Можжевельникъ, другъ мой, вещь важная. Англичане его въ джинъ кладутъ. Больше ничего не имѣете показать?

Иванъ Сидоровичъ. Ничего.

Дундуковъ. Въ такомъ случаѣ дайте еще папиросочку. Цыплячій отецъ! А здорово она этикетку эту приклеила.

Иванъ Сидоровичъ *(обиженно)*. Вотъ видите — даже вы надсмѣхаетесь.

Дундуковъ. Ничего, другъ, присохнетъ, какъ на собакѣ. Мы и ее взмылимъ. Ваня! *(хлопаетъ въ ладоши)*. Запри,пожалуйста, въ кабинетъ Ивана Сидоровича и приведи Анну Петровну сюда.

(Иванъ Сидоровичъ удаляется).

Анна Петровна *(входитъ)*. Во-о-бра-жа-ю, какіе онъ тутъ лунныя сонаты вамъ распѣвалъ. А еще говорятъ, что женщины преувеличиваютъ...

Гулькинъ. Вы лучше не воображайте, да разскажите толкомъ всю суть. Лаконически и въ предѣлахъ снисходительной любви къ ближнему.

Анна Петровна *(вспыхивая)*. Лаконически?! Онъ по моимъ часамъ четверть часа въ меня осиновый колъ вбивалъ, а я чтобъ въ предѣлахъ любви къ ближнему! Можетъ на ручки его взять прикажете? Я жъ вамъ не беззащитная, тургеневская дѣвушка, которая не сопротивляется...

Дундуковъ. Это толстовскія не сопротивляются, а тургеневскія — наоборотъ. А кромѣ того...

Анна Петровна. Мерси. Епархіальное училище первой кончила. Спасибо за урокъ! Разложилъ воробья на 12 блюдъ, думаетъ — философъ.

Гулькинъ. Анна Петровна! Или локализуйте ваше вниманіе на фактахъ, или я по невмѣняемости личности объявляю вамъ первое предостереженіе.

Дундуковъ. Чѣмъ въ 66 сыграть, сиди тутъ и расхлебывай бульонъ вашъ эмигрантскій... Въ Библіи жъ еще сказано: лучше блюдо зелени и при немъ любовь, нежели откормленный быкъ и при немъ ненависть...

Анна Петровна. То кто же тутъ откормленный быкъ, спрашивается? Подите въ переднюю, посмотрите въ зеркало, а потомъ и намекайте изъ Библіи....

Дундуковъ. Женщина! Да перестаньте же вы... Этакъ вы и со мной до третейскаго суда дорветесь... Не рекомендовалъ бы!... Считаю до пяти. Если не начнете толкомъ, уйдемъ всѣмъ составомъ въ кинематографъ «Роковую мозоль» смотрѣть. Разъ — два — три — четыре...

Анна Петровна. Пять! 13-го августа въ 3 часа пополудни лежу я, какъ тихій ангелъ, мирно и интеллигентно, въ гамакѣ надъ своей землей, рядомъ съ участкомъ, этого самаго пирата....

Гулькинъ. Выражайтесь, пожалуйста, объективно.

Анна Петровна. Я объективно и выражаюсь... Этого самаго разбойника. Никого не трогаю. Сосны себѣ надо мной качаются, можжевельникъ шипитъ. Смотрю однимъ глазомъ сквозь гамачную дырочку, — я всегда, когда у меня невральгія, спиной кверху лежу, — и вижу, какъ этотъ самый бандитъ....

Гулькинъ. Я же просилъ васъ объективно выражаться!

Анна Петровна. Могу еще объективнѣе... Этотъ самый дѣтоубійца посмотрѣлъ въ мою сторону и сплюнулъ. Опять, говоритъ, скалопендра эта въ гамакѣ пейзажъ портитъ! Вѣтеръ въ мою сторону, каждое слово, какъ по безпроволочному телеграфу, доноситъ... Разумѣется, я на такую рецензію, хотя и сказанную въ третьемъ лицѣ на своемъ участкѣ, въ долгу не осталась. Если бъ, говорю, было это въ Россіи въ довоенное время, — я бъ объ такого сосѣда всю швабру изломала!.. «У того, говорю, лопнетъ глазъ, кто не любитъ насъ». У меня, говорю, сколько въ Крыму десятинъ было, столько чтобъ тебѣ фурункуловъ на затылокъ!

Гулькинъ. Почему же именно вы швабру бы объ него изломали?

Анна Петровна. Арфу я для него держать стану, что ли? Тоже скажете... А онъ на вѣтру сталъ, халатъ купальный зубами придерживаетъ, стыдъ все-таки не весь потерялъ и прямо мнѣ въ профиль: «Отъ швабры, говоритъ, слышу!» Это я — швабра! Да я у насъ въ Керчи епархіальное училище съ золотой медалью кончила, вице-губернаторъ въ меня влюбленъ былъ, только по случаю разрыва сердечной сумки не успѣлъ предложеніе сдѣлать. На всемъ крымскомъ полуостровѣ карьера была обезпечена.

Дундуковъ. Гмъ...

Анна Петровна. Можете не «гмыкать»! За живую картину «Смерть Клеопатры» на маскарадѣ въ Юго-Славіи въ премію земгорское теплое одѣяло получила. Гадъ онъ цыплячій!

Гулькинъ. Ради Бога же, я просилъ васъ неоффиціально не выражаться.

Анна Петровна. Какъ умѣю, сударь. Военной академіи не кончила... Гадъ, говорю, ты цыплячій! Ну тутъ

онъ въ меня въ одинокую беззащитную женщину «Термидоромъ» и бросилъ....

Дундуковъ. Онъ?! Въ васъ?!

Анна Петровна. Не въ васъ, конечно. Что же вы хотѣли, чтобы онъ роялемъ въ меня бросилъ?

Гулькинъ. Безъ переплета?

Анна Петровна. Безъ, батюшка. Уже въ женщину, такъ непремѣнно въ переплетѣ. Могу сказать, объективно. Бросилъ... Я само собой въ обморокъ.

Дундуковъ. Купоросомъ онъ васъ, все - таки, вспрыскивалъ?

Анна Петровна. Спасибо, что вспомнили. Для насмѣшки и вспрыскивалъ. Меня теперь въ третьемъ лицѣ «филоксерой» иначе и не зовутъ У меня все тѣло потомъ голубыми тюльпанами расцвѣло, какъ мебельный кретонъ, прости Господи. Цѣлый мѣсяцъ купаться не могла... Лежу, значитъ, я въ обморокѣ, матинэ на себѣ отъ злости въ дребезги такъ и рву, такъ и деру. А матинэ гладью вышито, за крепъ-де-шинъ по тридцать шесть франковъ метръ по случаю у знакомой гадалки плочено. Даромъ ему это обойдется? А?

Дундуковъ. Позвольте, все-таки. Намъ не матинэ ваше важно, а истина. Вѣдь это вы же въ него «Термидоромъ» бросили... Вѣдь по заливу листочки онъ собиралъ? И вещественное доказательство подъ глазомъ у него сидитъ, а не у васъ.

Анна Петровна. Ага! Сговорились. Круговая порука... Браслетъ съ часиками обѣщалъ? На правую ручку?

Дундуковъ. Вы бы знаете, барыня, того-съ легче на поворотахъ. Вѣдь ляпнетъ же такое, что мужчину бы за этакое слово пишущей машинкой по головѣ хлопнулъ.

Гулькинъ. Объективно, господа, объективно. Вы, какъ рѣшающая сторона до окончанія дѣла хлопать ее не можете... Позвольте, Анна Петровна. Не волнуйтесь и хладнокровно припомните: когда Ивана Сидоровича письменныя принадлежности на вашемъ крыльцѣ очутились и онъ на счетъ вашихъ, извините, перьевъ прошелся, — развѣ вы въ него тогда томикомъ не ахнули?

Анна Петровна. Галлюцинація какая! Это — вовсе мой купальный костюмъ и лифчики на его веранду перелетѣли. Вѣтеръ прямо меня изъ гамака выворачивалъ....

Дундуковъ. Вывернешь ее, какъ же!

Анна Петровна. Заткнулись бы, г. Дундуковъ! Пробочка на столѣ лежитъ. Да-съ. А онъ и взвился, какъ ужъ на сковородѣ: Диффамація! Что теперь, молъ, провансальскія бабы про него скажутъ?.. Она говоритъ, думаетъ, что если участки рядомъ, такъ я на ней жениться для округленія земли обязанъ. Я даже позеленѣла, какъ кипарисъ какой-нибудь! Нуженъ ты мнѣ, какъ курицѣ бинокль... Осьминогъ тулонскій. Ходитъ по чужимъ дачамъ да навозъ для своего салата въ ридикюль собираетъ.

Дундуковъ. Ухъ! Крышка у меня на черепѣ подымается...

Анна Петровна. А вы придержите.

Дундуковъ. *(сердито).* Да кто-жъ въ кого бросалъ? Чьи къ кому принадлежности перелетали? Кто швабра? Кто цыплячій отецъ? Кто матинэ дралъ? Кто платить долженъ? Откуда куда вѣтеръ дулъ?!

Гулькинъ. Постойте. Судья вы или не судья? Вѣдь это мы же должны всѣ точки надъ і поставить, а не она. Кончимъ дѣло, тогда и кипятитесь.

Анна Петровна. Воротничекъ-то, ангелъ, отстегните.Ишь, красный сталъ, какъ лангустъ вареный. Кончила я. Пусть письменно съ распубликованіемъ на площади въ присутствіи мэра, почтмейстера, нотаріуса, архиваріуса и всѣхъ бѣженцевъ извинится, да заборъ свой до трехъ метровъ сплошь досками забьетъ, чтобъ я и лица его арестантскаго больше съ гамака не видѣла. Это я ему пейзажъ порчу?! Соловьи, можно сказать, на меня въ гамакѣ садятся, все равно, какъ на цвѣтущій кустъ, а онъ... И олеандръ мой, который его цыплята перепачкали, пусть отмоетъ! А дорогу я ему къ морю мимо моего дома закрываю. Пусть туннель роетъ!

Дундуковъ. Будетъ! Вѣдь вотъ подбивали же меня участокъ по другую отъ нея сторону купить... Дно бы она изъ меня вышибла. Ваня! Отомкни тамъ Ивана Сидоровича. Сейчасъ мы имъ резолюціею объявимъ. Будьте благонадежны!

Гулькинъ. Пошептаться бы предварительно слѣдовало. Я, знаете, еще никакого соломонова рѣшенія по данному казусу себѣ не рисую.

Дундуковъ. Ну! Соломона еще тревожить ему надо. *(Входитъ Иванъ Сидоровичъ).* Садитесь, Иванъ Сидоровичъ! Поспали? Нѣтъ, говорите? Вѣдь вотъ жалость какая съ вашими принадлежностями. Какъ у Овидія говорится: не имѣла баба хлопотъ, тай купила порося.

Гулькинъ. Гдѣ же это у Овидія говорится? А еще и классикъ. Это у насъ на Подолѣ говорится... Гмъ.... Прямо не знаю, какъ мы съ ними тутъ и развяжемся. Перекрестный допросъ затѣемъ, такъ она ему голову отгрызетъ....

Иванъ Сидоровичъ. *(уныло).* Заставьте ее, покорнѣйше васъ прошу, въ другой заливъ переѣхать. Я на все согласенъ.

Анна Петровна. Въ другой за-ливъ?! Фу-ты, какой генералъ-губернаторъ временнаго правительства! А, какъ лягушки прыгаютъ, видалъ?! А? Заливами - проливами распоряжаться вздумалъ. Я имъ еще про козу вашу не разсказала. Срамъ!

Деревцо у меня тамъ фиговое на нашей границѣ выросло. По игрѣ природы — стволъ на моей землѣ, а плоды надъ его участкомъ. Какъ по французски — не знаю, а по - русски, чей стволъ, того и плоды. Что - жъ онъ придумалъ?!

Козу къ стволу сквозь заборъ привязываетъ, будто для порядка. А самъ на нее изъ-за угла палкой невидимо замахнется... Коза на дыбки, веревка натянется, фиги такъ и попадаютъ. А онъ и подбираетъ. Да еще смѣется, гусь конопатый: «это, говоритъ, я опадки на своей землѣ собираю». Хорошо?

Иванъ Сидоровичъ. Вы бы заодно разсказали, какъ вы моихъ пчелъ съ вашихъ цвѣтовъ метлой гоняете...

Анна Петровна. И разскажу... Если на то пошло, зубы я всѣ вашимъ пчеламъ повыдеру. Кухмистерская у меня для нихъ, что ли?.. Обманщикъ! Голый участокъ мнѣ подсунулъ. Самъ горой прикрылся, а меня всю подъ мистраль подсунулъ. Одуванчикъ я тебѣ?!

Иванъ Сидоровичъ. Зато у васъ видъ на жительство лучше. Вы же хотите, чтобъ и не дуло и чтобъ изъ окна Корсику въ трубу видѣть. Жирно будетъ!

Анна Петровна. Шулеръ малоземельный!.. На планѣ, какъ показывалъ, такъ не дуло, а на дѣлѣ прямо внутренности выворачиваетъ.

Дундуковъ. Бросьте, женщина. Не то я сердиться начну по-настоящему, плохо будетъ... Погодите. Какъ будто въ головѣ у меня форточка раскрылась. Ну да-съ!

Полномочія даете, такъ я рѣшеніе свое съ налета, вотъ такъ отъ широкаго сердца вынесу и баста... Даете? Считаю до пяти. Разъ....

Анна Петровна. Чего жъ тамъ... Я уже остыла. Даю.

Иванъ Сидоровичъ. Рѣшайте. Все равно я съ ней помириться какъ-нибудь долженъ, иначе она у меня, какъ аппендицитъ, поперекъ горла станетъ.

Гулькинъ. Прошу безъ личностей. Съ своей стороны, — объективно разсуждая, дѣло вродѣ квартиры въ нестроющемся домѣ, которая сдана двумъ жильцамъ сразу... Валите. Пусть я вродѣ какъ бы померъ. Входъ есть, а выхода не вижу.

Дундуковъ. Бонъ. По зрѣломъ разсужденіи, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, въ настоящемъ дѣлѣ прямыхъ членовредителей не обнаруживаю. Ни Анна Петровна не причемъ, ни Иванъ Сидоровичъ. А между тѣмъ главный и можно сказать единственный членовредитель, хотя и предметъ одушевленный, но по причинѣ своихъ свойствъ, неуловимъ и потому общественному порицанію ни въ письменной, ни въ устной формѣ не подлежитъ. Въ одну дверь влетитъ, въ другую вылетитъ.

Гулькинъ. На кого же вы, однако, намекаете? У насъ здѣсь все-таки не сеансъ спиритическій, а третейскій судъ.

Дундуковъ. Если вы вродѣ, какъ померли, то и не вмѣшивайтесь. Все сейчасъ, какъ на аптекарскихъ вѣсахъ, выравнивается. Въ междоусобный день этотъ, Анна Петровна, нервы ваши были въ порядкѣ?

Анна Петровна. Землю подъ собой рыла. Матинэ вокругъ меня обвивается, словно я факелъ погребальный... Въ ушахъ скрежетъ, въ очагѣ черти въ чехарду играютъ. Распласталась я въ гамакѣ, сосны на-

до мной въ волосы другъ другу вцѣпились, рычатъ, снизу верескъ карежится, внутренности выматываетъ. По всему дому вурдалаки воютъ, печень раздуло, на зубахъ морской песокъ....

Дундуковъ. Тэкъ-съ. И все это еще при вашемъ собственноручномъ деликатномъ характерѣ. Воображаю.... А вы, Иванъ Сидоровичъ, что скажете?

Иванъ Сидоровичъ. То же самое. Можетъ, если бы не этотъ случай меня отвлекъ, я бы на своей смоковницѣ въ тотъ же день бы и удавился. Вѣдь третій день терпѣлъ, въ головѣ даже посвистывать стало.

Дундуковъ. Тэкъ-съ. Стало быть: лицомъ отвѣтственнымъ въ перелетаніи съ участка на участокъ письменныхъ принадлежностей съ вовлеченіемъ провансальскихъ мужиковъ обоего пола въ подозрительныя мысли, кто является? Лицомъ отвѣтственнымъ за вылетающіе изъ сосѣдскихъ устъ слова вплоть до швабры и цыплячьяго отца, а также за поступки вплоть до метанія другъ въ друга «Девятымъ Термидоромъ» и прочими современными романами, кто, спрашиваю я васъ, является? А?

Анна Петровна. Ей-Богу же, Соломонъ вы не Соломонъ, а я и не подозрѣвала, что вы до такой степени человѣкъ неглупый.

Дундуковъ. *(повышая голосъ).* Отвѣтственнымъ лицомъ кто, спрашиваю я васъ, является?....

Всѣ. Мистраль! Мистраль!

Дундуковъ. Фу... *(обтираетъ лицо платкомъ).* Именно. Значитъ, русскимъ людямъ, да еще добрымъ сосѣдямъ, поругавшимся на чужбинѣ при такихъ обстоятельствахъ, съ добавленіемъ въ голову летающихъ предметовъ безъ переплета, — судиться между собой по такому поводу столь же зазорно и глупо, какъ ска-

жемъ *(подчеркиваетъ)* судиться лунатикамъ, вцѣпившимся въ полнолуніе другъ другу на крышѣ въ волосы. Поэтому, голуби мои, подайте другъ другу правую руку, а вы, Иванъ Сидоровичъ, пользуясь симъ случаемъ приложитесь, вѣдь она жъ, все-таки, болѣе или менѣе дама — и идите всѣ на балконъ чай пить. Я сегодня, кстати, изъ Риги балыкъ получилъ.

Гулькинъ. Балыкъ, конечно, хорошо. Но тѣмъ не менѣе, объективно говоря, рѣшеніе вышло неофиціальное. Дрались, ругались, бросались и на-тебѣ: чай съ балыкомъ!

Дундуковъ. Что жъ вы хотите, чтобъ я ихъ на поселеніе на островъ Св. Елены сослалъ? Такъ во-первыхъ, юридически не имѣю права. А во-вторыхъ, вы думаете, тамъ мистраля нѣтъ? Онъ, подлецъ, вездѣ дуетъ!

Ваня!.. Пойди, займи у Брусковыхъ полдюжины бумажныхъ салфетокъ. Скажи, молъ, у Дундукова третейскій файфъ-о-клокъ съ балыкомъ, и васъ, молъ, звали.

Гулькинъ. Охъ, Господи! Какъ же это мы про Прохорова забыли, про суперъ-арбитра нашего? Рѣшеніе-то все-таки онъ бы оформить долженъ...

Анна Петровна. Вспомнилъ! Въ кабинетѣ спитъ вашъ сукинъ-арбитръ. Налоговымъ листомъ прикрылся и храпитъ, какъ утопленникъ.

Иванъ Сидоровичъ. Богъ съ нимъ, съ арбитромъ... Анна Петровна! Золото мое бирюзовое! Мириться, такъ мириться: участки наши ровные, домики, какъ сіамскіе близнецы похожи. Сквозь васъ дуетъ, сквозь меня — нѣтъ... Такъ чтобъ совѣсть меня не мучила, будто у васъ черезъ меня сквознякъ въ головѣ и прочее, давайте обмѣняемся участками... Въ два счета!

Дундуковъ. Ай-да, Ваничка! Вотъ это я понимаю.

Анна Петровна. Что-о?! Мѣ-няться? Да отъ меня и къ колодцу ближе.... Да чтобъ двѣ мои мимозы къ вамъ перешли?! Съ крыши у меня — весь заливъ на подносѣ, всѣхъ дачниковъ вижу: кто кофе пьетъ, кто ребенка наказываетъ... Бисмаркъ какой нашелся! Да и не дуетъ у меня совсѣмъ. Важность большая! Въ жару даже лучше, когда дуетъ. Меньше потѣешь и комаровъ оттягиваетъ...

Дундуковъ. Господи, это-жъ не женщина, а прямо фонтанъ нефтяной! Чай пить! Прошу встать! Объявляю засѣданіе закрытымъ.

1927 г.

Московскій случай

(Разсказъ обывателя).

Передъ самой войной судьба меня съ корнями пересадила изъ волынскаго чернозема въ санктпетербургскій торфъ. Еще по старому романсу извѣстно — «судьба играетъ человѣкомъ», — ничего не попишешь.

Долго не могъ привыкнуть. Очень все парадно: дворцы, проспекты, римскія тройки на крышахъ, Нева въ гранитномъ корсетѣ... Словъ нѣтъ, красота, но сердце зазябло и съежилось. Природа къ тому же на любителя — зимой черные дни, лѣтомъ бѣлыя ночи, осень и весна на одинъ салтыкъ, свѣтлой улыбки на небѣ не увидишь.. Не одобряю.

На эмигрантскомъ разстояніи пейзажецъ, правда, заголубѣлъ, солнцемъ воспоминанія насквозь омытъ, однако, въ тѣ давнія времена очень я себя неуютно чувствовалъ въ столицѣ. Все о своемъ Житомірѣ вздыхалъ: тополя, бульвары, Тетеревъ въ скалахъ, майевки за рѣкой въ «Зеленой рощѣ»... Провинціалъ? Что-жъ!.. Каждому своя смоковница симпатична.

Служилъ я въ Петербургѣ на Загородномъ. Въ Службѣ Сборовъ Варшавской дороги по отдѣлу мѣстной таксировки. Переборы и недоборы. Съ утра сидишь, сжавъ колѣнки, надъ грязными накладными, указательнымъ перстомъ по графамъ водишь, заблудшія

копѣйки разыскиваешь. А со мной въ комнатѣ двадцать три дѣвицы, одинъ я мужчина, не считая тухлаго нѣмца Циммермана. Можете себѣ представить, до чего я женоненавистникомъ сталъ!

Нѣмецъ серьезный былъ — самъ курилъ и газету читалъ, а мнѣ запрещалъ. И болтовни этой сорочьей при немъ не было. Счеты кряхтятъ, перышки шелестятъ; голову подымешь, на желтый паръ въ окнѣ уставишься и весь скорчишься, какъ райская птица въ банкѣ изъ-подъ маринованной корюшки.

А чуть Циммерманъ за дверь, — круглая язва желудка у него была, часто онъ за дверь бѣгалъ, — двадцать три дѣвицы въ двадцать три языка какъ начнутъ щелкать (меня онѣ не стѣснялись, словно я евнухомъ при ихъ счетоводномъ гаремѣ состоялъ), какъ начнутъ прищелкивать... Господи! И изъ себя къ тому же, какъ вамъ сказать, сплошное сухожиліе. Цвѣтъ лица, какъ у лежалаго бисквита, уши насквозь свѣтятся. Другая и пооснователънѣе, да все какая-то простоквашная полнота: перомъ ткнешь, сыворотка прольется.

И на улицѣ, — сколько ихъ мимо въ туманѣ промаячитъ навстрѣчу. Улица что-ли была такая незадачливая, однако, хоть и столица — далеко имъ, петербургскимъ килькамъ, до житомірскихъ лебедей.

Весной отъ пріятеля письмо изъ Москвы пришло, отъ Васеньки Болдырева, — въ одномъ полку, въ одной ротѣ вольноперами были...

Пишетъ коротко и ясно: «Живу, другъ Ѳедоръ, по-царски. Служу у архитектора Чепцова по чертежной части, сто двадцать пять цѣлковыхъ охватываю. Пріѣзжай, чортъ, погостить. Стыдно даже — русскій чело-

вѣкъ Москвы не видалъ. Мать и сестра просятъ. Заочно тебя въ ангелы произвелъ, смотри — не подведи»...

Это точно — не пью я, не курю, въ карты дальше подкидныхъ дураковъ не развертывался и къ женщинамъ, какъ выше указано, хладнокровенъ... Чѣмъ не ангелъ?

Словомъ, взмыло меня, жаворонкомъ сорвался съ причала. Счеты локтемъ отодвинулъ, пошелъ въ Личный Составъ, доложился: такъ и такъ, по домашнимъ обстоятельствамъ прошу на двѣ недѣли отпускъ, безъ сохраненія содержанія, съ выпиской мнѣ въ Москву и обратно присвоеннаго мнѣ по должности билета 2-го класса. Къ концу занятій все было готово. Не успѣлъ мнѣ Циммерманъ палку въ колеса вставить, ротъ раскрылъ, а я общій поклонъ и въ двери.

Вечеромъ къ Николаевскому вокзалу подъѣхалъ, — мгла, мокрый снѣжокъ, навозная каша, подъ штиблетъ снизу вѣтеръ пробирается... Разыскалъ свой вагонъ, залегъ на верхнюю полку падишахомъ...

Утромъ проснулся: пейзажъ! Въ стеклахъ небесный василекъ, бѣлая тучка надъ телеграфными проводами виситъ, вокругъ веселая пестрядь, грузныя рекламы на столбахъ, вокзалы шатрами, вдали горитъ позолота... лязгъ телѣгъ, ширина, солнце. Скатился я мячикомъ, визави своего на верхней полкѣ бужу: «Вставайте, что-ли, къ Москвѣ подъѣзжаемъ!»

А онъ лохматую грузинскую голову свѣсилъ, осовѣлыми глазами по вагону повелъ и подъ технологической тужуркой перстами скребетъ:

— Большинство спитъ!

Должно быть, соціалъ-демократъ былъ. Я портплэдъ кое-какъ свалялъ, продрался сквозь вокзальную гущу, на площадь вышелъ.

— Господи, Твоя воля... Да вѣдь это я домой прiѣхалъ!

***

Вахлакъ - извозчикъ меня по дорогѣ насмѣшилъ. Я во всѣ глаза вокругъ смотрю, словно давнюю дѣтскую книжку съ картинками нашелъ, вспоминаю страницу за страницей, а онъ съ разговорами пристаетъ. Къ кому ѣду? Да откуда? Да кто такой?

— Англичанинъ я, — говорю. — По-русски не понимаю.

Старикъ обидѣлся, шею въ воротъ втянулъ, какъ черепаха, и замолчалъ. Потомъ повернулся, изъ-подъ своего бураго цилиндра съ пряжкой на меня покосился и пробурчалъ:

— Чего зря врать-то... Англичанинъ... У англичанина, братъ, лицо вумственное.

Подымались въ гору, спускались. Никогда бъ я въ этихъ, одна въ другую впадающихъ, кривоколѣнныхъ улочкахъ не разобрался... Лабиринтъ! А дома! То домъ, какъ домъ, а рядомъ комодъ, на комодѣ теремъ съ пузатыми бутылками, на теремѣ гауптвахта. Точно царь Иродъ въ пьяномъ видѣ заказывалъ... И влипшiя среди толстыхъ солидныхъ стѣнъ пестрыя домовыя церковки, и зацвѣтающая черемуха надъ уѣздными палисадниками, и разношерстный людъ, неторопливый, румяный, ни кокардъ, ни петличекъ, а по обличью сразу узнаешь, кто какого сорта, кто чѣмъ занимается...

Это тебѣ не Загородный проспектъ... А солнце! А вѣтерокъ!

Сивцевъ Вражекъ... Я по названью думалъ, — закоулокъ какой-нибудь, избушки на курьихъ ножкахъ, а улица — хоть къ Невскому пристегни. Болдыревъ мой

жилъ пресолидно. Домъ пятиэтажнымъ слономъ, подъѣздъ — хоть баню въ немъ устраивай. Швейцаръ, вродѣ генерала Скобелева, съ пріѣздомъ меня поздравилъ и отправилъ съ портплэдомъ въ подъемной шкатулкѣ на пятый этажъ, подъ небеса.

Подъѣзжаю — дверь настежь. Васька мой — усы, какъ у брандмайора, отросли, — къ чесучевой рубашкѣ меня притиснулъ, облобызалъ.. За нимъ въ дверяхъ сестра его... Олимпіада Иннокентьевна. Познакомился...

Повели въ столовую къ мамашѣ ихъ. Чудесная мамаша, сидитъ за самоваромъ вся въ лиловомъ, въ черной наколочкѣ, щечки добрыя,. носикъ добрый, глаза добрые. Короче сказать, какъ я въ Москву въѣхавши, сразу ощутилъ, что д о м о й вернулся, хоть никогда и во снѣ я Москвы не видалъ, такъ и мамаша эта сразу мнѣ родной стала.

А объ Олимпіадѣ Иннокентьевнѣ рѣчь особая. Надо паузу сдѣлать....

***

Не люблю я женщинъ, дѣйствительно.... Въ Житомірѣ много случаевъ было: и хохлушки, и польки, и чистокровныя русскія. По всѣмъ бульварамъ, по всей рѣкѣ «шу-шу, шу-шу», сегодня съ батальоннымъ адъютантомъ, завтра съ семинаристомъ, послѣзавтра съ ветеринарнымъ студентомъ, благо у него воротникъ литого серебра подъ драгуна. Ужъ такого непостоянства женскаго, какъ у насъ въ Житомірѣ, и въ Венеціи не найдешь (предполагаю, ибо въ самой Венеціи не довелось быть).

Петербургскія, по совокупности климатическихъ условій, можетъ быть, и постояннѣе. Но игры никакой, одна практичность. На Службѣ Сборовъ ошибку въ на-

кладной поможешь сосѣдкѣ найти, сейчасъ же она къ тебѣ, какъ раковина къ кораблю, приклеится, внизу въ буфетѣ въ кандидаты тебя произведутъ и на законный союзъ во всѣхъ этажахъ намекаютъ.

Были, правда, у меня кой-какія и приватныя питерскія знакомства. Четыре сестры со вдовствующей мамашей интендантскаго происхожденія, у Пяти Угловъ небо коптили. Одна грусть. Мамаша спать уйдетъ и мнѣ безбоязненно дочекъ подкинетъ, — знаетъ, что умный человѣкъ зря въ капканъ головой не полѣзетъ. Старшая треска-треской, Пшибышевскимъ все козыряла, — по-моему онъ и не геній, а просто Заратустра изъ почтово-телеграфныхъ ницшеанцевъ...

Вторая пухла и малокровна, вродѣ диванной подушки: торчитъ въ углу и ждетъ, кто на нее облокотится. Третья, упаси Богъ... Въ итальянскаго шоффера въ Генуѣ влюбилась, какую-то съ нимъ идейную безпроволочную любовь крутила, а въ дневникахъ такое про него писала, что я и читать отказался. Меньшая... Даромъ, что подлетокъ, всѣхъ знакомыхъ мужчинъ по рубрикамъ разнесла, по пятибальной системѣ отмѣтки имъ вывела и качества всѣ прописала. Про меня выражалась двойственно: «Кисляй Кисляевичъ, глаза и ростъ ничего, зачисленъ въ резервъ, во вторую линію. Тройка съ минусомъ»... Сама - то... Килька въ обморокѣ, уксусъ пятнадцатилѣтній, туда же.

Какъ перейти теперь къ Олимпіадѣ Иннокентьевнѣ? Господи, благослови! Простота-то какая, лучезарность, плавность лебединая, сѣроглазое мое золото, — вишь, чуть стихами не заговорилъ. Про дурное-то словъ много найдешь, а поди-ка, опиши хрусталь...

Еще въ передней я понялъ, чуть только она на меня глазами повела: вотъ она, моя Москва, въ женскомъ об-

разѣ и подобіи, румяная моя судьба, съ которой и бороться не стоитъ. И пробовать не сталъ: внутренно руки вверхъ поднялъ, хотя наружно и держалъ себя на строгой уздечкѣ, памятуя, что какой я ей, увалень, партнеръ?..

Влипъ сразу. Предрасположеніе у меня, такъ сказать, литературное давно было... Ольгу Татьянѣ всегда предпочиталъ и Онѣгина по этой причинѣ большимъ ротозѣемъ считалъ. И по мѣстожительству пусть Татьяна хоть въ С.-Петербургѣ, хоть гдѣ угодно холодное свое гнѣздо вьетъ, а ужъ Ольга въ Москвѣ, какъ жемчугъ въ футлярѣ, какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Взглянулъ на московскій золотисто-голубой пейзажъ, на уютъ ихъ лѣнивый и теплый, на походку ея и на брови и сразу это понялъ....

И вотъ съ перваго часа, какъ пріѣхалъ, все свое расписаніе перемѣнилъ: Румянцевскій музей, подъемъ на Ивана Великаго, Кремль да окрестности, «Синюю Птицу» у художественниковъ — все отложилъ. Куда моя Ольга-Олимпіада, туда и я, какъ зонтикъ на кисти подвѣшенный. И изучалъ Москву примѣнительно къ тому, куда звонкіе каблучки поворачивали.

***

А поворачивали они... Развѣ знаетъ голубь въ небѣ, куда ему запричудится плыть черезъ минуту? Вернется съ уроковъ, узкой перчаткой меня по рукѣ хлопнетъ (перчатки ея, ей-Богу, словно плечико грудного младенца благоухали) и угонитъ за собой на буксирѣ... И только на второмъ - третьемъ перекресткѣ съ хохотомъ начнемъ разбираться, куда насъ, собственно, вольныя ноги несутъ...

То душегрѣйку себѣ дымномалиноваго бархата съ хорьковой оторочкой отправится по верхнимъ пассажамъ выбирать, а я рѣшать долженъ: къ лицу - ли цвѣтъ, хороша ли парча на подкладкѣ... Примѣритъ, — Василиса Мелентьевна, — на душегрѣйку и не глядишь, что ни надѣнетъ, все собой украситъ... То отправимся на Трубу карликовыхъ попугаевъ-неразлучниковъ въ подарокъ племянницѣ покупать, и опять я консультантомъ по попугайской красотѣ. Не зналъ я до того, что взрослый таксировщикъ мѣстнаго сообщенія подчасъ счастливѣй приготовишики можетъ быть... То въ Третьяковку забѣжимъ, — за рѣку сквозь уѣздное Замоскворѣчье нырнемъ, — и начерно обойдемъ плечо къ плечу любимыя картины, дальше да дальше — словно знаемъ, что не разъ еще къ нимъ вернемся. А оттуда въ случайную пивнушку: Олимпіада Иннокентьевна на шустовскій плакатъ удивленно уставится, пьетъ свою «Фіалку», лимонадъ былъ такой (настой жженаго сахару съ пачулями), а я трехгорное пиво потягиваю, ракамъ задумчиво клешни обламываю, съ голубого окна глазъ не спускаю и думаю: «Господи! Ужели до отъѣзда всего лишь три дня осталось?!»

Мамаша ничего, не вмѣшивалась. Даже по-своему положеніе мнѣ мое при дочери объяснила. «Липа у меня такая, и песъ къ ней, какой ни попадись, льнетъ, и кошки ее на всей лѣстницѣ обожаютъ, а ужъ про людей не говорю. Кто къ намъ ни завернетъ, ужъ непремѣнно къ ней флигель-адъютантомъ приклеится. Воробьи даже, повѣришь-ли, по утрамъ къ ней съ балкона въ комнату залетаютъ. Хоть и моя дочь, а ужъ скажу по совѣсти: кладъ-дѣвушка».

А Липа изъ другой комнаты смѣется, чашками звенитъ:

— Слыхали? Кладъ-дѣвушка! Вотъ только открыть некому...

Такъ у меня языкъ къ небу и прилипъ.... Молчи, Ѳедоръ, молчи. Нуженъ ты ей, какъ муха въ чаѣ. На кого, микробъ, глаза подымаешь?..

Въ предпослѣдній вечеръ, мрачный, какъ «Островъ смерти», шагалъ я по болдыревской гостиной. Олимпіада Иннокентьевна въ столовой чай разливала. Дядя ея пришелъ, братъ мамаши, мастодонтъ въ купеческомъ сюртукѣ, на головѣ сѣдой бобрикъ, бородка вѣеромъ, глаза строгіе гвозди, — солиднѣйшая орясина. Сидѣлъ, потѣлъ, чай съ блюдечка всасывалъ и молчалъ. Перстами поиграетъ, вздохнетъ и опять къ своему блюдцу припадетъ.

Человѣкъ навѣкъ уѣзжаетъ, а онъ тутъ, какъ насосъ, хлюпаетъ... Шагалъ я по гостиной и со злости обстановку критиковалъ. Само собой, я не профессоръ домашней эстетики и до этого вечера даже и не покосился, что у нихъ тамъ по угламъ наворочено, однако, въ злости человѣкъ легко въ критиканство впадаетъ.

Кресла, напримѣръ..., отъ прежняго купеческаго великолѣпія остались... жабы краснаго дерева, ни тебѣ пропорціи, ни тебѣ удобства, — сидѣнье, какъ у выѣздного барскаго кучера, когда на немъ 18 армяковъ для стиля намотано... Спинка у дивана покатымъ каткомъ, голову прислонишь, какъ къ могильной плитѣ... Портьеры — шаману сибирскому шубу изъ такой бы портьеры сшить. Доволенъ бы остался! А на золоченомъ пупыристомъ столикѣ ужъ совсѣмъ африканско-московская штучка... Мамашинъ вкусъ. Наполеонъ гип-

совый надъ кремлевской стѣной ручки сложилъ, штепсель ежели въ него сзади вставить, глаза краснымъ пламенемъ, какъ у вурдалака нальются, надъ кремлевской стѣной за матовымъ стекломъ пожарчикъ розовый вспыхиваетъ. И подъ сіе сооруженіе мамаша еще и граммофонъ обычно заводитъ: «Шумѣлъ — гудѣлъ пожаръ московскій, дымъ разстилался надъ землей»... Тьфу!

Вѣдь вотъ сидитъ лѣшій. Дядя, подумаешь. Нуженъ онъ здѣсь, какъ верблюду арфа. Точно у него послѣ моего отъѣзда времени не будетъ чаи свои прихлебывать...

Васька Болдыревъ въ пустую гостиную на шаги мои вошелъ и смѣется.

— Ты что, метрономъ, шагаешь?

— Скучно. Да и дядя твой, извини, подавляетъ. Экая гора добродѣтели, замоскворѣцкій бонза. Пошути-ка при такомъ...

Васька задернулъ портьеру и, усмѣхнувшись, понизилъ голосъ:

— Это ты про Савелія Игнатьевича-то? Да ты знаешь ли, что бонза этотъ раза по три въ годъ новую одалиску себѣ заводитъ. Ужъ дома у него такъ и знаютъ: не стѣсняется дядя, — чуть кабинетъ его сверху тащатъ и на ломового укладываютъ, значитъ, онъ къ новому сюжету перебирается. Безъ своего кабинета онъ, чудакъ, не можетъ, а на что ему т а м ъ письменный столъ, самъ Мартынъ Задека не разгадаетъ. Мѣсяцъ-другой пройдетъ, съ одалиской своей разругается, — глядишь — кабинетъ опять во дворъ въѣхалъ, а самъ дяденька на колѣнкахъ покаянно отъ самыхъ воротъ по лѣстницѣ вверхъ ползетъ. Доползетъ до тетенькиной спальни и до тѣхъ поръ не встанетъ, пока прощенье себѣ не вы-

молитъ. Думаешь, вру? Всей Москвѣ извѣстно... Вотъ тебѣ и гора добродѣтели. Идемъ въ столовую! А онъ, между прочимъ, старикъ добрый и очень тебѣ пригодиться можетъ.

***

Послѣдній день неотлучно при Олимпіадѣ состоялъ. И въ аптеку съ ней, и гарусъ подбирали, и по Тверскому носились — розовый рахатлукумъ искали. Часъ за часомъ уплывалъ, живымъ меня въ землю закапывалъ.

Вечеромъ поднялись домой; подъемная машина, ей-Богу, эшафотомъ показалась... въ послѣдній разъ подымаюсь. Щелкнулъ тихонько американскій ключъ, вошли, слышимъ въ зеленой гостиной потаенные дѣтскіе голоса, смѣшокъ, пискъ комариный.

Олимпіада Иннокентьевна палецъ къ губамъ, на меня обернулась, скользнули мы за портьеру, смотримъ, что за спектакль такой?

Племянникъ болдыревскій, кадетикъ, что разъ въ недѣлю въ отпускъ изъ корпуса приходилъ, собралъ у балконной двери всѣхъ своихъ знакомцевъ: швейцарскій Мишка, реалистикъ Лавръ съ верхней площадки и еще какія-то микроскопическія личности жадно уставились сквозь балконную дверь на ярко освѣщенное во дворѣ окно противъ нашего этажа. Оторваться не могутъ, хихикаютъ. На что бы, вы думали, уставились? Школа во дворѣ была пластики и художественныхъ танцевъ, по Далькрозу... Портьеры, черти, не догадались на окнахъ повѣсить. Собралось десятка два дебелыхъ московскихъ гагаръ, въ кисейныхъ сквозныхъ воскрыліяхъ распластываются надъ паркетомъ, руки лебедями, ноги — розовыми балыками, шеи словно пристяжныя. Дѣтвора въ восторгѣ...

— Ты бъ, Лаврикъ, на которой женился?

— На второй справа. Мускулы у нея какіе замѣчательные!

— Мускулы у меня у самого есть... Важность какая. А я бы на розовой женился. У нея, братъ, на Тверскомъ своя кондитерская... Я бъ цѣлый день изъ тортовъ не вылѣзалъ...

Олимпіада за портьерой губы кусаетъ, за руку меня щиплетъ, чтобъ я голоса не подалъ... Темно, душно, отъ милыхъ волосъ лѣснымъ ландышемъ и московскимъ вѣтромъ тянетъ, теплая рука меня за рукавъ теребитъ. Свѣта я не взвидѣлъ, въ темнотѣ да съ горя и божья коровка осмѣлѣетъ. Прильнулъ я губами къ пушистой жаркой щекѣ... Какъ на это рѣшился, и до сихъ поръ не пойму! И вотъ подумайте, вмѣсто того, чтобы меня за мою дерзость въ балконную дверь выставить, либо локоткомъ въ глаза, какъ полагается въ такихъ случаяхъ, двинуть, — Липа моя, подумайте, повернулась ко мнѣ всѣмъ лицомъ и...

Не приходилось мнѣ ни у одного поэта читать, чтобъ за портьерой цѣловались, однако, лучше мѣста и на свѣтѣ нѣтъ.

Понеслись мы въ столовую, хохочемъ, совсѣмъ ошалѣли.. Мамашу разбудили, на гарусной подушкѣ у окна, какъ потухающій самоваръ похрапывала.

— Что жъ, вещи сложилъ? — спрашиваетъ.

— Сложилъ! — отвѣчаетъ за меня Липа. Къ матери подбѣжала, на колѣнки передъ ней стала. — А я ихъ, мамочка, опять разложила...

Старушка такъ шарады этой и не поняла въ тотъ вечеръ. А потомъ Васенька подошелъ, еще изъ передней кричитъ:

— Ѳедоръ! Дядѣ ты очень понравился. Звѣздъ, го-

ворить, съ неба не хватаетъ, но своя, говоритъ, лампа у него въ головѣ есть... Просилъ передать, что въ правленіи Московско-Курской дороги у него большія связи; если хочешь, въ два счета тебя въ Москву переведутъ.

И опять Липа за меня отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ же ему въ Москву? Въ Петербургѣ на Службѣ Сборовъ съ нимъ въ одной комнатѣ двадцать три барышни сидятъ. Авось онъ тамъ, женоненавистникъ, судьбу свою найдетъ...

Вѣдь вотъ какая злоязычница!

Ну, сами понимаете, что въ Москву я въ скоромъ времени перевелся, т. е., собственно говоря, въ Петербургъ я только за вещами на два дня слеталъ.

Вотъ и весь мой «случай». Сколько я ни живу, сколько чего ни видалъ, сколько романовъ ни читалъ, — а я свой московскій романъ самымъ выдающимся считаю, ей-Богу. Въ два счета свѣжій вѣтеръ всю жизнь мою перевернулъ, и не разъ мнѣ съ тѣхъ поръ кажется, что я точно не на женщинѣ, не на Липѣ, а на самой Москвѣ женатъ. А вѣдь не рѣшись я тогда за портьерой....

Въ Марселѣ который годъ теперь бьемся, прачешную французскую держали, въ гавани я верблюдомъ по разгрузкѣ нанимался — все ничего. Моя маленькая Москва при мнѣ, а въ большую Москву... есть такія заповѣдныя слова, и думаешь-то о нихъ съ трепетомъ... въ большую Москву дай, Господи, хоть подъ старость вернуться. Сынишка у насъ растетъ; не въ Житоміръ, не въ С.-Петербургъ — въ Москву его съ собой повеземъ, пусть нашъ старый неоплатный долгъ выплачиваетъ...

1926. Парижъ.

Самое страшное

Конечно, «страшное» разное бываетъ. Акула за тобой въ морѣ погонится, еле успѣешь доплыть до лодки, черезъ бортъ плюхнуться... Или пойдешь въ погребъ за углемъ, уронишь совокъ въ ящикъ, наклонишься за нимъ, а тебя крыса за палецъ цапнетъ. Благодарю покорно!..

Самое страшное, что со мной въ жизни случилось, даже и страшнымъ назвать трудно. Стряслось это среди бѣла дня, вокругъ янтарный иней на кустахъ пушился, люди улыбались, ни акулъ, ни крысъ не было... Однако, до сихъ поръ, — а ужъ не такой я и трусъ, — чуть вспомню, — по спинѣ ртутная змѣйка пробѣжитъ. Ужаснешься... и улыбнешься. Разсказать?

* * *

Былъ я тогда «приготовишкой», маленькимъ стриженымъ человѣчкомъ. До сихъ поръ карточка въ столѣ: бѣлыя глаза черносливинками, лицо серьезное, словно у обиженной дѣвочки, мундирчикъ, какъ на карликѣ, морщится. Учился въ бѣлоцерковской гимназіи. Кто жъ Бѣлую - Церковь не помнитъ:

«Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой - Церковью сіяетъ...»

Рядомъ съ мужской гимназiей помѣщалась женская,

У мальчиковъ дворъ былъ для игръ и прогулокъ, у дѣвочекъ — садъ. А между ними китайская стѣна, чтобы другъ другу не мѣшали.

Помню передъ самыми рождественскими каникулами холодъ былъ дѣтскій: градусовъ всего пять-шесть. Выпустили насъ, гимназистовъ, и верзилъ и маленькихъ на большой перемѣнѣ во дворъ провѣтриться. Въ пальто, конечно, чтобы инфлуэнцы не схватить (тогда гриппъ инфлуэнцой называли).

Характеръ былъ у меня особенный. У маленькихъ собаченокъ нерѣдко такая склонность замѣчается: ни за что съ маленькими собаками играть не хотятъ, все за большими гоняются.... Такъ и я. Крѣпость-ли снѣжную шестой-седьмой классъ въ лобъ беретъ, либо въ лапту играютъ, — я все съ ними. Визжать помогаю, мячъ подаю, дѣла не мало. Привыкли и они ко мнѣ, прочь не гнали. И прозвали «Колобокъ», потому что голова у меня была круглая, а шинель очень толстая, стеганая, вродѣ подушечки для втыканія булавокъ.

Увязался я и на этотъ разъ за взрослыми. Мячъ подъ небеса, я наперерѣзъ за мячомъ. Ловить, само-собой, остерегаюсь, — литой, черный мячъ, руки обожжетъ. А такъ, если мимо всѣхъ рукъ хлопнется, летишь за нимъ чертомъ, галоши на ходу взлетаютъ, — и подаешь кому надо. Опять на свое мѣсто станешь и ноги ромбомъ поставишь. Такая ужъ позиція была любимая: передъ тѣмъ, какъ по мячу шестиклассникъ лопаткой ударитъ, его подручный мячъ кверху подбрасываетъ. А ты за нихъ волнуешься, и на кривыхъ ножницахъ, словно паяцъ на ниткѣ, дергаешься.

И вотъ на мою бѣду, ребромъ по мячу попало, полетѣлъ онъ низко надъ головами косой галкой прямо въ женскій садъ за стѣнку. Стѣнка ростомъ въ полтора

Созонта Яковлевича (надзиратель у насъ такой былъ, вродѣ складной лѣстницы). Что дѣлать?

На свое горе я сгоряча и вызвался. Приготовишки очень, вѣдь, къ героическимъ поступкамъ склонны, во снѣ на тигра одинъ на одинъ съ перочиннымъ ножомъ ходятъ... А взрослые балбесы обрадовались. Подхватили меня подъ руки и, какъ самоваръ станціонный, къ стѣнкѣ поволокли. Одинъ сталъ внизу, руками и головой въ стѣну уперся, другой на него — вродѣ римской осадной колонны.

Подхватили меня, подъ нѣкоторое мѣсто хлопнули — ухъ! — взлетѣлъ я на стѣнку, на рукахъ по ту сторону повисъ... Снѣгъ мягкій, шинель толстая — ничего! И полетѣлъ внизъ въ полной безпечности легкимъ перышкомъ на ватной подкладкѣ.

Вылѣзъ я изъ сугроба, снѣгу наѣлся, по спинѣ порція мороженаго потекла. Руки и ноги цѣлы. По поламъ себя хлопаю, снѣгъ отряхиваю, глазъ не подымаю — некогда.

И вдругъ изъ-за всѣхъ кустовъ, словно стадо поросятъ кипяткомъ ошпарили, визгъ невообразимый... Справа дѣвочки, слѣва дѣвочки, сзади дѣвочки.... Тысячи дѣвочекъ, милліоны дѣвочекъ.... Маленькія, среднія, большія, самыя большія.

А впереди краснощекая, толстая, ватрушка воинственная въ капорѣ, надсаживается — кричитъ:

— Идите всѣ сюда! Мальчикъ къ намъ въ садъ свалился!

Съежился я , какъ мышь въ мышеловкѣ. Стѣна за спиной до неба выросла. Предателей моихъ не видно, не слышно... Гдѣ моя любимая мужская гимназія? Ку-

да удирать? Какъ я изъ этого осинаго гнѣзда выдерусь?! Снѣгъ на моемъ затылкѣ горячій-горячій сталъ. Въ ушахъ сердце, какъ паровая молотилка, бьется.

А дѣвочки по всѣмъ правиламъ осады кругъ сомкнули, смолкли и смотрятъ. Синіе глаза, сѣрые глаза, каріе глаза, голубые глаза — острые, ехидные по всей моей восьмилѣтней душѣ ползаютъ... Колютъ, жалятъ, въ одинъ пестрый глазъ сливаются. Онѣ, дѣвочки, храбрыя, когда мальчикъ одинъ!

И все ближе и ближе... Это тебѣ не тигръ во снѣ Не акула въ морѣ. Не крыса въ погребѣ....

Тысяча губъ раскрываются, перешептываются: шу-шу, шу-шу... Язычки, какъ жала, высовываются. И вдругъ одна фыркнула, другая захлебнулась, третья по колѣнкамъ себя руками хлопнула и какъ прыснутъ всѣ, какъ покатятся... Воробьи съ кустовъ такъ и брызнули. А я посрединѣ — одинъ, какъ мученикъ на кострѣ.

Стянули онѣ кругъ тѣснѣе. Еще тѣснѣе.... Когда къ дикарямъ въ плѣнъ попадешь, всегда вѣдь такъ бываетъ: прежде чѣмъ плѣнника поджарить, отдаютъ его женщинамъ — помучить... Господи, до чего мнѣ страшно было! Можетъ быть онѣ меня подбрасывать станутъ? Или защекочутъ, какъ русалки? Каждая въ отдѣльности ничего, но когда ихъ тысячи, — мышей, напримѣръ, — что онѣ съ епископомъ Гаттономъ сдѣлали?!...

Но онѣ ничего. Только еще ближе подобрались. Одна постарше наклонилась, фуражку мою подняла, бокомъ на меня надѣла. Другая со щеки у меня снѣжокъ смахнула. Третья по головѣ погладила... Какая-то ехидна подскочила, еловую лапу надъ головой дернула, — всего меня снѣгомъ обкатила. Начинается!

Стою я пунцовый. И со страху въ ярость приходить начинаю. Мускулы подъ шинелью натянулъ. Какъ сталь!

Что жъ, думаю.... погибать такъ съ трескомъ! Сто дѣвочекъ на лѣвую руку, сто на правую! Брыкаться — кусаться буду... И не выдержалъ, въ позу сталъ и головой слегка впередъ боднулъ.

А онѣ опять, какъ зальются. Словно весь садъ битымъ стекломъ посыпали.

И первая, ватрушка воинственная, вдругъ сбоку нацѣлилась и рукой меня за носъ.... Чайникъ я ей съ ручкой что ли?! Обидно мнѣ стало ужасно... Посмотрѣлъ вверхъ на гимназическую стѣну, фуражку козырькомъ на свое мѣсто передвинулъ и издалъ пронзительный крикъ:

— Шестой и седьмой классъ! На помощь! Дѣвченки меня му-ча-ютъ!!!...

Да развѣ ихъ перекричишь... Такой смѣхъ поднялся, такой визгъ, такое улюлюканье, словно въ аду, когда, помните, гоголевскій запорожецъ съ вѣдьмой въ дурачки игралъ... Такъ бы я, быть можетъ, и погибъ...

Но на мое счастье, вижу издали, словно облако, сѣдая дама плыветъ — въ сѣрой шубкѣ, на головѣ серебристая парчевая шапочка. Подошла. Дѣвченки всѣ сразу ангелами, божьими коровками стали. Разступились, шубки оправили... Отъ реверансовъ снѣгъ задымился..

А я, маленькій, вросъ въ снѣжную грядку, стою посрединѣ и дышу, какъ загнанный олень.

Посмотрѣла на меня дама въ очки съ ручкой, которые у нея на шеѣ висѣли, мягко улыбнулась и спрашиваетъ:

— Вы, какъ сюда, дружокъ, попали?

Представьте себѣ — тишина кругомъ, словно на сѣверномъ полюсѣ. Всѣ смотрятъ, ждутъ, что я отвѣчать буду, а я совсѣмъ, совсѣмъ начисто съ перепугу забылъ, зачѣмъ я въ садъ свалился. Будто я и не приготовишка,

а «Капитанская дочка», и сама Екатерина Великая со мной разговариваетъ. И уши до того горятъ, что и сказать невозможно....

Взяла меня сѣдая дама пальцемъ подъ подбородокъ, подняла мою замороченную голову и опять спрашиваетъ:

— Какъ васъ зовутъ?

Ну это я кое-какъ, слава Богу, вспомнилъ. Но отъ робости ни съ того ни съ сего шепелявить сталъ:

— Шаша.

Опять вокругъ ехидныя дѣвочки захихикали. Не громко, конечно, но все равно же обидно.

Дама на нихъ строго оглянулась. Точно холоднымъ вѣтромъ смѣшокъ сдуло. Только за спиной тихо-тихо (слухъ у приготовишки острый!) шипѣніе слышу:

— Шашечка! Промокашечка... Таракашечка....

А дамѣ, конечно, любопытно. Не аистъ же меня въ женскую гимназію принесъ.

—Какъ же вы, Саша, все-таки въ садъ къ намъ попали?

И вдругъ надъ стѣнкой шестиклассная голова въ фуражкѣ появляется и баситъ:

— Извините, пожалуйста, Анна Ивановна! Мячъ у насъ черезъ стѣнку перелетѣлъ. Мы гимназистика этого въ садъ и перебросили.

Но дама его, какъ классный наставникъ, очень строго на мѣсто поставила:

— Стыдитесь! Большіе — маленькаго подвели. Да и гдѣ онъ тутъ въ снѣгахъ-сугробахъ мячъ вашъ найдетъ?

— Да онъ самъ вызвался.

— Не возражать. Сейчасъ же пришлите кого-ни-

будь къ нашей парадной двери, чтобы его въ классъ отвели. Слышите?

И шестиклассная голова сконфуженно нырнула за стѣнку.

— Вамъ тоже стыдно, медамъ! Развѣ такъ можно? Точно зайца на охотѣ обступили... Слава Богу, не всѣ же здѣсь маленькія... Могли бы и умнѣй поступить.

Тутъ ужъ дѣвченкина очередь пришла: покраснѣли многія, какъ клюковки. А одна гимназисточка, ростомъ съ меня, тихонько мнѣ руку сочувственно пожала.

Довела меня сѣдая дама сама до калитки. Руку на плечо положила. Сразу мнѣ легче стало...

Расшаркаться я даже не догадался, побѣжалъ къ парадным дверямъ: да и время было, — колокольчикъ во всю глотку заливался... Кончилась, значитъ, большая перемѣна, — кончились и мои мученія...

На елку въ женскую гимназію, какъ ни уговаривала меня няня, я не пошелъ.

— Почему?

— Не пойду.

— Да почему же?

— Не пойду, не пойду!

Няня только головой покачала:

— Фу, козелъ упрямый... Ужъ попомни мои слова, сошлютъ тебя когда-нибудь въ Симбирскъ.

Няня наша въ географіи плохо разбиралась и что Сибирь, что Симбирскъ — для нея было все едино.

Такъ я дома и остался. А поздно - поздно старшая сестра-гимназистка съ елки вернулась, цѣлый ворохъ игрушекъ мнѣ на постель вывалила —

И сказала таинственно:

— Онѣ очень раскаиваются. Очень жалѣли, что ты, козявка, не пришелъ и прислали тебѣ съ елки подарки.

А я головой въ подушку зарылся и въ отвѣтъ только голой пяткой брыкнулъ.

Парижъ, 1928.

Испанская легенда

Послѣ нуднаго конторскаго дня Бѣляевъ, совершивъ очередной рейсъ къ испанцу-фруктовщику, вернулся домой взволнованный и оторопѣлый. Бросилъ на столъ пакетъ съ мятой земляникой, схватилъ географическій атласъ сына и, разыскавъ на голубомъ средиземномъ просторѣ Балеарскіе острова, радостно крикнулъ въ корридоръ:

— Аничка!

— Ну что еще? У меня картошка горитъ!

— Пусть горитъ. Закрой газъ... Совершенно невѣроятная исторія!

Багрово - сизая Аничка хлопнула кухонной дверью и, благоухая сложнымъ ароматомъ жареннаго лука и «coeur de Jeannette», стремительно вошла въ столовую.

— Опять на скачкахъ продулся?

— Какія тамъ скачки... (Вѣрная лошадь случайно пришла четвертой, такъ она забыть второй годъ не можетъ). Ты географію помнишь?

Аничка внимательно посмотрѣла на мужа и вдругъ, дернувъ за уголъ передника, подошла къ нему вплотную.

— А ну-ка, дохни на меня!

Бѣляевъ покорно дохнулъ. Запахъ, какъ запахъ: скверный табакъ, да земляника, — должно быть, по дорогѣ изъ лавочки пощипалъ.

— Сядь. Какая географія? Въ чемъ дѣло? Женщина ты, прости Господи, или мужчина?

— Не въ томъ дѣло, Аничка. Прихожу къ испанцу, а онъ изъ кассы вынулъ пачечку фотографій и суетъ мнѣ въ носъ: родину, говоритъ, мою видали?

— Ну-съ?

— Заливы, проливы, муромскіе лѣса... Горы вверхъ, горы внизъ. Есть еще, оказывается, такіе Эдемы непроходимые на свѣтѣ... А мы, какъ дураки, по картѣ Франціи ползаемъ. Телеграммы съ уплоченными отвѣтами разсылаемъ, да проспекты выписываемъ. Тоже — коллекціонеры...

— Покороче не можешь?

— У тебя, ей Богу, Аничка, кухня всю идеологію съѣла. Покороче вотъ что: у него на островѣ Майоркѣ есть домъ, и онъ къ намъ очень симпатично относится... Вотъ и испанецъ, а душа русская.

— Видно, что симпатично. — Аничка иронически посмотрѣла на мятыя ягоды и строго спросила: — Дальше?

— Домъ въ три комнаты, кухня, вѣтряная мельница, колодецъ, право пользоваться фруктами и виноградомъ сколько влѣзетъ, и за все-про-все.... сто франковъ въ мѣсяцъ.... Что?!

Жена поблѣднѣла и сняла передникъ.

— Тетя дома? — спросилъ Бѣляевъ.

— Спитъ.

— Разбуди! Такіе случаи разъ въ жизни бываютъ. Зимой отоспится.

***

Тетя Женя долго не могла понять, въ чемъ дѣло. Терла заспанные глаза, водила, какъ слѣпая, пальцемъ по Средиземному морю, и, наконецъ, сухо и категорически отказалась:

— Вы, какъ угодно. А я еще съ ума не сошла, слава Тебѣ, Господи.

— Почему, тетечка? — мягко спросила Аня и злобно отшвырнула подъ столомъ теревшуюся объ ноги кошку.

— Объясняй тебѣ еще... Восьмой годъ въ эмиграціи, пора бы и безъ объясненій понимать. Отъ большевиковъ ушли, отъ Махно ушли, буду я тебѣ на склонѣ дней подъ бандитскія пули соваться!

— Да гдѣ же вы, тетя, бандитовъ нашли? — вѣжливо спросилъ Бѣляевъ и по безпроволочному телеграфу переглянулся съ женой: «вотъ дура-то пензенская!»

— И искать не надо. Газеты-то читаешь? Романетти или Бареннетти этого гдѣ подстрѣлили? На островѣ твоемъ... Наполеонъ еще тамъ родился, одного поля ягода. Ты думаешь, что послѣ Бареннетти этого шайка его въ монастырь пошла? Снимутъ въ горахъ часики, въ спину ножемъ пырнутъ, вотъ и будешь съ дачей... Шакаламъ на завтракъ.

Аничка рѣзко отодвинула отъ мужа пакетъ съ ягодами, которыя онъ незамѣтно одну за другой подъѣдалъ, взяла съ буфета маникюрную палочку и ткнула въ островъ Корсику.

— На Корсикѣ, тетя, бандиты, на Корсикѣ, А это островъ Майорка. Испанскія владѣнія, Балеарскіе острова.

— Другихъ, мать моя, учи! Что испанцы, что кор-

сиканцы, бандитъ на бандитѣ. Контрабандой только и живутъ... Не видала я «Карменъ» что ли? Стану я острова твои по фамиліямъ разбирать! Балеарскіе?.. У насъ подъ Пензой имѣніе было Балгарскихъ. Шулера да жулики, только и всего.

Безпроволочный телеграфъ опять заработалъ: «пылесосомъ бы тебѣ, милая, мозги провѣтрить»...

Но къ пылесосу нельзя было прибѣгать. У тети Жени была твердая, незыблемая база: сорокъ восемь англійскихъ фунтовъ. И хранила она ихъ не въ какомъ-нибудь Ліонскомъ Кредитѣ (что за Кредитъ такой, Господь его вѣдаетъ), а въ банкѣ изъ-подъ американскихъ консервовъ, вывезенной изъ Юго-Славіи...

Бѣляевъ снялъ пиджакъ, опрокинулъ въ ротъ рюмку съ русскими валерьяновыми каплями и, крѣпко поглаживая клеенку, сталъ вбивать въ тетину голову слово за словомъ.

— Клянусь вамъ, тетя Женя, своей службой и здоровьемъ жены и сына! Домъ расположенъ въ благоустроенной испанской деревнѣ. Противъ дома постъ національной гвардіи. На островѣ давно нѣтъ ни одного контрабандиста. Всѣ по курортамъ въ наемныхъ танцорахъ служатъ. Островъ, какъ вы знаете, со всѣхъ сторонъ окруженъ водой, а вокругъ острова днемъ и ночью плаваютъ броненосцы съ прожекторами.... Въ Испаніи п р а в а я диктатура. Вы же читали сами.... Всѣ Карменъ давно служатъ стенографистками и машинистками въ мѣстныхъ городскихъ управахъ. Чего же вамъ бояться, тетя Женя? Вѣдь сто франковъ въ мѣсяцъ съ виноградникомъ и палисадникомъ.

— А быки? — спросила поколебленная вѣскими доводами тетя.

— Быковъ едва хватаетъ на Севилью и Гренаду, за-

чѣмъ же ихъ будутъ держать на Майоркѣ? И вообще быки — историческій предразсудокъ, который даже, кажется, запрещенъ королевскимъ декретомъ.

Тетя Женя, облегченно вздохнувъ, посмотрѣла на свой красный сакъ и сдалась.

— Что жъ, куда люди, туда и я. Какъ ѣхать-то?

— До Марселя поѣздомъ. А оттуда моремъ два шага.

— Моремъ не поѣду.

— Какъ же, тетушка? Вѣдь островъ же...

— А качка?

— Качки въ Средиземномъ морѣ по лѣтнему росписанію никогда не бываетъ.

— А виза? — въ свою очередь спросила жена.

— Пустяки. Мужъ Нининой портнихи натираетъ въ испанскомъ консульствѣ полы. Протекція. Все равно съ Ниной ѣхать.... Позвони ей, пусть возьметъ такси на свой, конечно, счетъ, и пріѣдетъ столковаться. Время — деньги, сосѣди могутъ узнать, шишъ безъ масла получимъ....

Подруга Анички, Нина, съ которой еще съ весны, въ видахъ экономіи и дружбы, сговорились устроиться на дачѣ вмѣстѣ, русалочьей походкой вплыла въ столовую, и, томно стаскивая пальчикъ за пальчикомъ, длинную перчатку съ раструбомъ, защебетала:

— Почему такая таинственность, Аня? Бери такси, по телефону загадочные намеки.. Въ чемъ дѣло? Когда мы ѣдемъ и куда мы, наконецъ, ѣдемъ? Я изнемогаю въ Парижѣ!..

Она, какъ всегда, ни къ селу ни къ городу, захохо-

тала: женщины вѣдь такъ часто превратно понимаютъ, что имъ къ лицу и что не къ лицу.

Бѣляевъ началъ по порядку: испанецъ-фруктовщикъ, симпатичное отношеніе, русская душа, виноградникъ-палисадникъ... Но незамѣтно для самого себя сталъ пересахаривать, словно рецензію о собственной книгѣ писалъ. Въ домѣ уже было четыре комнаты, а не три. Въ саду забилъ фонтанъ, — на фотографіи, кажется, было что-то въ родѣ фонтана.... Овощами тоже можно пользоваться безплатно. А вѣдь на островѣ Майоркѣ лучшія овощи въ мірѣ. И какой климатъ! Испанецъ говорилъ, что столѣтніе старики пляшутъ въ горахъ сарабанду... И правы! Честность финляндская. Положи на крыльцо англійскій фунтъ и уйди хоть до вечера, никто пальцемъ не тронетъ. Развѣ что вѣтеръ унесетъ. И какое молоко, и какія яйца... Яйца, кажется, тоже безплатно.

Нину, впрочемъ, больше интересовала романтика.

— Боже мой, Майорка... На этомъ островѣ, да, да, я припоминаю, жила Жоржъ Зандъ съ Шопеномъ. И вдругъ мы будемъ жить въ томъ же самомъ домѣ! Вы не знаете, тамъ есть по близости дамскій парикмахеръ? Ахъ, какъ удачно все складывается. Испанскія шали выходятъ въ Парижѣ изъ моды, но въ Испаніи, извините! Испанское солнце, оранжевая шаль и кресло, въ которомъ сидѣла Жоржъ Зандъ... Аничка, если ты не ревнива, я готова расцѣловать за эту идею твоего мужа.

Но Аничка не позволила и дѣловито заторопила мужа.

— Пока твой испанецъ не закрылъ лавку, поди и разспроси подробно, сколько въ домѣ кроватей, себя не считай, пріѣдешь, привезешь съ собой гамакъ. Какая вообще мебель, есть ли газъ? Запиши подробно,

чѣмъ можно пользоваться, дай задатокъ и возьми расписку... Можно ли тамъ достать приходящую прислугу, разрѣшаетъ ли онъ стирать въ фонтанѣ, — впрочемъ, это его не касается, — что стоитъ проѣздъ... И планъ дома возьми, слышишь?

Похожая на старую черепаху консьержка сердито высунула голову изъ своей клѣтки: мало этимъ русскимъ мѣста въ своей квартирѣ, надо еще на лѣстницѣ въ догонку кричать...

***

Бѣляевъ вернулся минутъ черезъ двадцать. Долго копался въ передней и на нетерпѣливые призывы жены, тети Жени и Нины бормоталъ въ рукавъ своего пальто что-то невнятное.

Вошелъ красный, медленно пилъ воду, которой вообще никогда не пилъ и разсказывать не торопился. Жена тоже молчала, но иное молчаніе хуже плети. Надо было сѣчься, ничего не подѣлаешь.

—Ты, Аничка, напрасно, того.... сгущаешь краски. Комнаты, дѣйствительно, три, но въ одной обрушился потолокъ, а въ другой курятникъ. Не можемъ же мы запретить испанцамъ разводить куръ. И вообще, почему это эмигранты должны непремѣнно разъѣзжать по дачамъ? Поѣздили, будетъ.... Испанію имъ подавай, какъ же! А проѣздъ туда что стоитъ? А четыре визы? Опять же мебель. Везти съ собой только испанскому королю по средствамъ. Брать на прокатъ, прокатовъ ни какихъ не хватитъ. Испанецъ самъ эмигрантъ, открылъ въ Парижѣ лавочку, такъ я долженъ къ нему съ ножемъ къ горлу приставать, почему онъ тамъ для меня палисандровой мебели не заводитъ? Нѣтъ мебели и конецъ. Не могу же въ его частную жизнь вторгаться. И совсѣмъ не

сто франковъ. Съ какой стати сто? Меценатъ онъ нашъ, что ли? Ко мнѣ онъ, конечно, симпатично относится, и если бы я одинъ поѣхалъ, съ меня бы одного взялъ сто, а если цѣлая орава — съ каждаго по сто.. И деньги впередъ за сезонъ, потому что франкъ падаетъ.... то-есть летитъ. Виноградомъ и сельдереемъ, конечно, пользоваться можно, сколько хочешь за свои деньги. Потому что и палисадникъ и виноградникъ сданы въ аренду. Не можемъ же мы, Аничка, запретить испанскому эмигранту извлекать изъ своей недвижимой собственности доходы. Комаровъ дѣйствительно много, но старожилы выдерживаютъ. И вѣтряная мельница есть. А фонтана — нѣтъ... У насъ, вѣдь тоже нѣтъ, почему у него долженъ быть?

Жена выслушала до конца. Подошла поближе, принюхалась: странно, ни кальвадосомъ, ни ромомъ отъ него не несетъ...

И, глядя мимо, какъ только это женщины умѣютъ дѣлать, обошла мужа и сказала привѣтливо тетѣ:

— Одѣвайтесь, тетя Женя, пойдемъ въ ресторанъ, поѣдимъ, а оттуда въ кинематографъ. Ниночка, ты съ нами?

— А я? — смущенно спросилъ Бѣляевъ.

— Ты? — Аничка весело хлопнула перчаткой по зонтику.

— Ты сегодня можешь обѣдать на островѣ Майоркѣ со своимъ испанцемъ.

Экономка

За узорными чугунными воротами — полумракъ и прохлада. Липы сплели изогнутыя вѣтки въ темно-зеленый туннель, — дождь не пробьетъ.

Бѣлая, зигзагами вьющаяся стѣна наглухо отдѣлила усадьбу отъ пустыннаго пыльнаго шоссе, обрамленнаго тополями, отъ неоглядныхъ полей, полого спускающихся къ станціи. Кто бы сказалъ, что въ часѣ ѣзды — Парижъ?...

У входа, противъ домика консьержа — длинный кирпичный флигель. Площадка передъ кухней усѣяна темными, лопнувшими каштанами, куринымъ пометомъ и мелкой упаковочной стружкой.

За ржавымъ столикомъ въ затрапезномъ, пропахшемъ землей и курятникомъ, сѣромъ платьѣ сидитъ грузная, полусѣдая женщина въ очкахъ и тяжело дышитъ.

Поговорить бы, отвести душу съ русскимъ понимающимъ человѣкомъ... Да не съ кѣмъ. Ужъ она бы напѣла! И, какъ всегда, присѣла духъ перевести, а мысли бѣгутъ, выплескиваются, — словно сама съ собой говоритъ, остановиться не можетъ.

***

Десять гектаровъ... Тоже имѣніе называется. Въ полчаса все обревизуешь, а потомъ цѣлыя сутки сердце кипитъ.

На птичникѣ ворота настежь. Извѣстно, чьи это штуки! Въ бочкѣ — воды нѣтъ. Куры, позадравъ носы, въ кружокъ собрались, на втулку смотрятъ. Всѣ углы грязью - пометомъ позаросли. Индюки драные, худые, словно нищіе на паперти, вдоль сѣтки стоятъ. Глаза бы не смотрѣли!

Въ прачешной маляръ-испанецъ съ хохлушкой-птичницей разговоръ въ амурномъ направленіи завелъ. Скажите, пожалуйста, мезальянсъ какой! А постирушка ждетъ, цыплята по всѣмъ лавкамъ мокрые носки клюютъ... Развѣ жъ это порядокъ? Шугнула его, хахаля, конечно. Жаль только словъ настоящихъ на французскомъ языкѣ нѣтъ.

Дровъ конюхъ опять не напилилъ. Вотъ злыдень, прости Господи. Какъ теперь пироги печь? Носится на велосипедѣ, какъ скаженный, отъ усадьбы до станціи, отъ станціи до мѣстечка. Русскій конюхъ, а вишь тоже къ французскимъ романамъ приспособился! Хозяевамъ очки втираетъ: у коровы апендицитъ, надо ветеринара вызвать...

Съ овощами — бѣда. Садовникъ съ придурью, даромъ, что бельгіецъ. По четнымъ днямъ пьетъ, по нечетнымъ жену бьетъ. На огородъ никого не пускаетъ: «огородъ — это я!» Контрабандой съ хозяйскаго огорода къ хозяйскому же столу овощи таскать надо... Да и такого насажалъ, что и цыганъ ѣсть не станетъ. Тыква — лѣшему на третье блюдо. Укропъ безъ запаху, хоть бы на смѣхъ чѣмъ-нибудь пахнулъ. Ну какъ такой въ огуречный разсолъ класть? Артишоки никто не ѣстъ. Развѣ это овощь? Повыростали, какъ олухи, всѣ въ цвѣтъ пошли. Денегъ людямъ не жалко! Огурцы басурманской породы какой-то: длинные, да кривые, словно кинжалы. А на вкусъ вродѣ сырой кобылятины. Въ ротъ

возьмешь, да тихонько въ руку сплюнешь, чтобы люди не засмѣяли.

**
*

Главное, въ большомъ домѣ никто дѣломъ не интересуется. Дѣвицы теннисъ за оранжереей завели, прыгаютъ весь день, какъ оглашенныя, бюсты спускаютъ. Похудѣть, видите ли, надо!.. И что за игра такая окаянная: словно малые ребята, мячикъ съ лопатки на лопатку перебрасываютъ. Чѣмъ пойти на птичникъ поинтересоваться, почему индюшка окривѣла, какія яйца для ѣды отобрать, какія на высидку, только и знаютъ свой теннисъ, либо въ гостиной подъ граммофонъ полы натираютъ. Танцы! Изогнутъ въ три погибели животы и хребтомъ вертятъ, какъ кошки наскипидаренныя.... А то сядутъ въ лодку другъ противъ дружки и гребутъ: одна впередъ, другая назадъ. Кто кого перегребетъ. Воспитаніе!

Отецъ въ Парижѣ комиссіонную лавку держитъ. Человѣкъ ничего, кіевлянинъ. Баки, какъ у собаки, глаза шиломъ. За все лѣто два пальца далъ. Соблаговолилъ.... Полъ пальца бъ ему сдачи къ носу поднести! Въ хозяйствѣ кобылы отъ жеребца не отличитъ, а туда же... имѣніе завелъ. Въ городъ поѣдешь за покупками, явишься съ докладомъ, выслушаетъ, — только ничего кислаго ему не докладывай, огорчаться не любитъ. А пріѣдетъ въ усадьбу — бѣда. Почему на капустѣ гусеница? Съ какой статьи лодка течетъ? Почему скамейки не подкрашены?... Почему прачка беременна?

Гдѣ же это видано, чтобы экономка и за гусеницу и за лодку, и за прачку отвѣчала? Бельгіецъ-садовникъ

хитрюга, чѣмъ свѣтъ въ огородѣ розъ понарѣжетъ, длинноухой травой перевьетъ, фонарь подъ глазомъ пудрой присыпетъ и тащитъ букетъ въ столовую... Все воскресенье ходитъ за хозяиномъ слѣдомъ, какъ грачъ за плугомъ: очки втираетъ. Тотъ доволенъ, губу на локоть и сейчасъ же бельгійцу на чай двадцать франковъ. Я, говоритъ, вами «тре контанъ!» Подожди до осени, будешь ты тре контанъ... Маркизъ свинячій!

А конюхъ еще похлеще. Въ укромномъ мѣстѣ въ паркѣ хозяина высмотритъ и давай про людей наговаривать... Экономка яйца прикапливаетъ, кофе со сливками пьетъ. Неужели безъ сливокъ?! Покупать, что ли?. За собой бы, лодырь, смотрѣлъ! Кто лошадь въ водокачкѣ на всю ночь забылъ? Кто хозяйское вино бистровщику продалъ? Все извѣстно.... И про портьеры тоже, будьте покойны... На чердакѣ собралъ охапку, свезъ въ Парижъ, въ канареечный цвѣтъ перекрасилъ и своимъ кралямъ по всему округу на платья раздарилъ. Утокъ сколько, подлецъ, съѣлъ! Чикнетъ утку въ конюшнѣ объ колесо, а потомъ заявится, глаза, какъ у лѣшаго, въ разныя стороны смотрятъ: «опять, Варвара Ильишна, коршунъ утку склевалъ!...» Вотъ ужъ именно... коршунъ.

Съ самой мадамъ тоже толку не много. Распуститъ поясъ и лежитъ весь день на верандѣ, какъ майская ночь или утопленница. Тоска, видите ли, у нея. У другихъ, можетъ, три тоски, да еще камень въ печени. Однако, ничего, встаютъ до зари, топчутся. Какая жъ тоска, если хозяйство? Женщина она, словъ нѣтъ, кроткая: но какъ же такъ своимъ добромъ не интересоваться? Богъ такое, можно сказать, рѣдкое счастье послалъ... Другіе въ эмиграціи своимъ горбомъ чужую стѣну подпираютъ, а тутъ все свое: домъ, оранжерея, корова. Кло-

чекъ русской земли создать можно. Горлинки стонутъ, груши наливаются, въ пруду свои угри — одинъ другого жирнѣй. Смотрѣть тошно!

Кто человѣкъ понимающій и дѣло это самое обожаетъ, долженъ по чужимъ кухнямъ трепаться, глупымъ капризамъ потакать, а другой, какъ кротъ въ пеньюарѣ — сидитъ на верандѣ, на зеленый благословенный рай смотритъ и, сложа ручки, равнодушно зѣваетъ. Скучно имъ здѣсь!.. Принцессы свеклосахарныя!

***

Дожила, нечего сказать. Оттого и сердце кипитъ, когда всю эту безалаберщину видишь. Чужой хлѣбъ давишься-ѣшь, да еще улыбайся имъ съ утра до вечера. Отъ этихъ улыбокъ, можетъ, и годы свои сократишь.

«Варвара Ильинишна, почему кабачки невкусные?» У садовника спросить надо, мать моя... Переросшіе къ столу подаетъ, а хорошіе самъ лопаетъ, либо на станцію продаетъ. Улыбаешься, да руками разводишь, да на европейскій климатъ сваливаешь... Старшая дочка ихняя никогда головой не кивнетъ. Дождевой воды ей для волосъ принесешь, либо душистаго горошку пучекъ, — сквозь зубы буркнетъ. Догадайся тамъ — либо «спасибо», либо «пошла къ черту»... Ученая! Турецкій синтаксисъ въ гамакѣ весь день перелистываетъ. А почему куры въ вшахъ, да какъ огурцы солить,, — этому въ Сорбоннахъ не учатъ?... Вылупитъ глазенапы, какъ сова въ очкахъ, и по-англійски на мой счетъ двоюродному брату: «и чего эта кувалда тутъ околачивается?» Языкъ чужой, да по выраженію все понятно! Будьте покойны... Въ сорокъ восемь лѣтъ, персикъ мой, каждая женщина на законномъ основаніи расплывается. А вотъ, когда въ

восемнадцать руки-ноги, какъ диванные валики, это, можно сказать, не стоило и въ Парижъ прiѣзжать... А кавалеръ-то, кузенъ, жимолость въ штанахъ, туда же съ усмѣшечкой: «вы, — говоритъ, — Варвара Ильинишна, по рукѣ хорошо гадаете. Погадали бы мнѣ». И лапу свою цыплячью суетъ. Да у меня, можетъ, на пяткѣ больше линiй, чѣмъ у тебя на рукѣ! Что жъ... Улыбнешься и врешь... Пять минутъ потомъ руки дегтярнымъ мыломъ отмываешь. Богатымъ услуживаешь, хоть выгода какая, а этотъ двоюродный... Два воротничка, да подтяжки, да на сберегательной книжкѣ — дырка отъ бублика. Тьфу!

Въ кладовую надо идти, а въ поясницѣ черти жгуты вьютъ....

Конюха столуешь, такъ онъ, гадъ, еще и носъ воротитъ. «Каклеты», говоритъ, пережарены. Да гдѣ онъ, хамло, «каклеты»-то раньше ѣлъ?! Рожа — цыферблатомъ, вино пьетъ до отвалу, еще и выбирай, съ маркой ему подай! И молчишь. Садовнику яичекъ снесешь, — онъ тутъ на манеръ президентъ-министра, что подѣлаешь. Землянику въ паркѣ, спину гнешь, собираешь. Принесешь въ большой домъ, прiѣзжая племянница, кобыла сверхобхватная, и спасибо не скажетъ: пасть раскроетъ, всю миску вмигъ опростаетъ. Для тебя собирала!... Смолчишь, улыбнешься ласково, и только за угломъ, — домъ обогнешь, плюнешь съ досады....

А ужъ какъ жилось дома!... Домикъ въ Житомiрѣ за третьимъ бульваромъ — игрушка. Надъ крышей тополя до неба. Огородъ русскiй, православный: закудрявится весь, не уйдешь.... Никакой Версаль не сравнится. И не сидѣла вѣдь павой, благо, что капиталъ кое-какой былъ. Осенью вздохнуть некогда. Капусту рубятъ-шинкуютъ, огурцы горой, только бы бочекъ хватило... Со-

ленья, маринады, повидло... Рецепты такіе хозяйственные знала, что самой Молоховецъ и во снѣ не снилось!

Конюхъ свой былъ. По стрункѣ ходилъ. Придетъ въ домъ, у притолки станетъ, дѣло свое обскажетъ и будьте здоровы. Никакихъ финиковъ-пряниковъ — и безъ «каклетъ» доволенъ былъ. А когда бѣжала, онъ же первый, милый человѣкъ, лепешекъ на дорогу принесъ... А садъ какой... Господи! Однихъ яблокъ сортовъ до шестнадцати: розмаринъ, антоновка, цыганка, золотое сѣмячко...

***

— Варвара Ильинишна!

Экономка очнулась и сердито изъ - подъ очковъ покосилась на дорожку.

— Чего, дуся?

Зашуршали кусты. Изъ большого дома прибѣжалъ щелкая на ходу по вѣткамъ хлыстомъ, младшій хозяйскій сынъ, тонконогій веснущатый мальчуганъ.

— Папа звонилъ только что. Къ ужину изъ Парижа съ нимъ гости пріѣдутъ. Восемь человѣкъ... Мама проситъ, чтобы вы что-нибудь придумали поинтереснѣе... А когда же вы мнѣ маникюръ сдѣлаете? Вы жъ обѣщали!

Экономка встаетъ, на лицѣ вспыхиваютъ багровыя пятна.

Дѣйствительно, только ей и не доставало, — слюнявому индюшенку маникюръ дѣлать... Ахъ, ты Господи! Дровъ не напилили, птичница за жавелевой водой ушла, садовникъ пьянъ — въ огородѣ сидитъ, съ тыквой разговариваетъ, жена садовника пластомъ третій день лежитъ послѣ очередной потасовки, конюхъ краденымъ одеколономъ надушился, укатилъ за ветери-

наромъ... Вотъ и воюй безъ войска. Птицы безъ воды, корова не доена, печень разыгралась, а тутъ восемь человѣкъ на голову свалились... Лодыри парижскіе!

Она судорожно выдавливаетъ на лицѣ привѣтливую улыбку и, запахивая на груди капотъ, треплетъ мальчугана по плечу.

— Сейчасъ, дуся... Сейчасъ, дуся, пріймду.

И про себя добавляетъ уже безо всякой улыбки: «Сказились бы вы всѣ, громъ васъ побей съ гостями вмѣстѣ!»

Апрѣль. 1925.

Изобрѣтатели

Сидѣли они въ бистро — эмигрантъ-переплетчикъ Гуськовъ и эмигрантъ-кондитеръ Флипсъ. Пили свирѣпую французскую водку кальвадосъ и бесѣдовали.

Гуськовъ, небритый и взъерошенный, похожій на прежнюю щетку для чистки ламповыхъ стеколъ, покосился на обтянутую тусклымъ свинцомъ стойку, ткнулъ пальцемъ въ сторону радужнаго спектра ликеровъ и вздохнулъ.

— Золотыя розсыпи... На каждой рюмкѣ сто процентовъ чистыхъ. Книги только Донъ-Кихоты отдаютъ въ переплетъ, а пьетъ каждый. Стало быть, кто-нибудь это пойло и изобрѣтать долженъ.

— Со временъ Ноя изобрѣтено, — компетентно замѣтилъ Флипсъ.

— Консерватизмъ. Если взять, скажемъ, кальвадосъ, смѣшать съ куэнтро, для запаха эвкалипта прибавить, подцвѣтить шафраномъ, да бухнуть для крѣпости краснаго перцу, — вотъ тебѣ и новая марка! Патентъ взять. Названьице «Мечта негра» или «Нижегородская слеза»... Этикетку съ левитановской березкой завинтить. Ты понимаешь? Крезъ! Полъ Европы обопьется.

Флипсъ взглянулъ на дѣло трезво:

— Кальвадосъ съ куэнтро смѣшаешь, почемъ тебѣ

рюмка обойдется? Перецъ, бутылку и прочее изъ чистой благотворительности на свой счетъ ставить будешь? Брось, пожалуйста. Меценатъ спиртячій...

— Ну, ладно!.. А что если простую водку баллонами покупать и на черносмородинной почкѣ настаивать? Земляки обомлѣютъ.

— Черносмородинную почку на подоконникѣ выращивать будешь? Не ерунди. Да и кто тебѣ въ комнатѣ разливать позволитъ? А капиталъ? Чудакъ Ивановичъ! Бутылокъ на шесть хватитъ, самъ же съ гостями подъ Новый Годъ разопьешь... Идея въ основѣ единственная: настоящее дѣло должно не эмигрантовъ обслуживать, а весь, такъ сказать, земной шаръ.

— То-есть?

— Напримѣръ... — Флипсъ задумался. — Мазь для вызыванія роскошныхъ сновъ! Мнѣ знакомый хиромантъ объяснилъ, что если нѣсколько симпатическихъ запаховъ смѣшать на свиномъ салѣ и втирать передъ сномъ, допустимъ, въ затылокъ или въ спинной предпослѣдній хрящикъ, то и сонъ соотвѣтствующій приснится. На научномъ основаніи. Для богатыхъ можно въ фарфоровыхъ баночкахъ, для простыхъ кліентовъ въ простоквашныхъ горшечкахъ. Прейсъ-курантъ соотвѣтствующій тиснемъ: сны для пожилыхъ, сны для несовершеннолѣтнихъ. Для дамъ съ высшимъ образованіемъ... понаучнѣе. Постояннымъ подписчикамъ скидка.

— Отчего же твой хиромантъ самъ этимъ не займется?

— Ему ни къ чему, разъ своя профессія есть. А секретъ онъ за сто франковъ продастъ съ удовольствіемъ.

Переплетчикъ скептически свистнулъ.

— Я тебѣ и за пятьдесятъ продамъ и тоже съ удовольствіемъ. Нашелъ занятіе... Да первый французъ-

кліентъ, допустимъ, послѣ твоей мази во снѣ разведенную жену увидитъ. Сейчасъ на тебя доносъ и въ 24 часа на люксембургскую границу, какъ нежелательнаго иностранца высадятъ.. Вѣрнѣе, другъ, на американцевъ компасъ держать! Нація съ золотымъ обрѣзомъ, шагреневый корешокъ! Изобрѣту я, скажемъ, алкогольный зубной порошокъ. Вернется мой кліентъ въ Нью-Іоркъ, изъ жилетнаго кармана порошокъ вынулъ, зубы почистилъ, сельтерской запилъ — и весь день пьянъ, какъ каучукъ... Вотъ я и Ротшильдъ. Что-съ? «Король алкогольныхъ порошковъ». Такъ и на визитной карточкѣ напечатаю.

Кондитеръ въ отместку отнесся сдержанно:

— Мужчина ты, Федоръ Павловичъ, сравнительно трезвый, а фантазія у тебя девяностоградусная. Этакъ можно по самоѣдски сушенаго мухомора наѣсться, тоже пьянъ будешь, нутро вывернетъ. Не пройдетъ. Идея, конечно, въ томъ правильная, что разъ американцы со всего свѣта въ себя монету всосали, изъ нихъ и высасывать надо... Допустимъ, откроемъ мы для нихъ вблизи Мадленъ сандуновскія бани съ висячимъ мостомъ черезъ улицу. Въ передней гипсовая Статуя Свободы съ лучами въ головѣ и вѣнчикомъ подъ мышкой... На шайкахъ русско-американскія пословицы: «Грязь — не китовое сало, потеръ и отстало». — «Жукъ въ навозѣ копается, американецъ въ банѣ купается»... Банщики такъ по-американски и чешутъ... Въ раздѣвальной русскій билліардъ съ лузами, на ножкахъ ихніе вашингтонскіе банты. Вышелъ джентльменъ изъ-подъ душа, соединенные свои штаты подтяжками подтянулъ, а мы ему сейчасъ сухарнаго квасу....

— Квасу? — Гуськовъ насмѣшливо пососалъ мокрый усъ. — Пятьдесятъ сантимовъ ты на своемъ квасѣ

заработаешь... Бутылочки надо, чтобъ надъ каждымъ раздѣвальнымъ диваномъ съ потолка для приманки на шнуркахъ свѣшивались! Сода-виски. Безплатно. Съ горячаго пара его въ два счета развезетъ, а ты его шампанскимъ для охлажденія и окатывай. Мумъ!! Цыганки, чтобъ съ пѣньемъ подъ гитару откупоривали. Вотъ тогда и расторгуешься.... Капиталу только для открытія гдѣ возьмешь?

— Найдемъ. Тысячъ семьсотъ всего для начала потребуется. Тебя въ долю возьму. Объявленіе только напечатай, капиталы къ намъ сами попрутъ...

Переплетчикъ задумался и вспомнилъ:

— Что жъ объявленіе можно и въ долгъ напечатать. У меня въ ґазетѣ знакомый корректоръ есть. Мелкое только дѣло, братъ, американскія спины намыливать, — полета настоящго не вижу... Читалъ я во французскомъ журналѣ для дѣтей техническаго возраста, будто радіо теперь не только звуки издаетъ и распространяетъ. Можетъ оно, скажемъ, и фотографію любимой собаки передать, автографъ Наполеона или даже фальшивую подпись на векселѣ. Почему бы ему и алкогольную струю, пущенную, допустимъ, съ Эйфелевой башни въ Парижѣ, въ распыленномъ видѣ въ Нью-Іоркъ не передать?.. А тамъ тайные воспріемнички...

— Тьфу, Господи! Никакой у тебя, кромѣ алкоголя, и игры въ головѣ нѣтъ.

— Зачѣмъ же?.. обиженно повернулся къ Флипсу переплетчикъ. — Игра есть! Были мы, скажемъ, на докладѣ: «Роль тяжелыхъ танковъ въ будущей міровой войнѣ». На душѣ у насъ тяжесть. Люди мы съ тобой мирные. Доѣхали мы въ полночь на номерѣ 123 до своей остановки у рю Дидо. Бистро и аптеки всѣ закрыты. А намъ скорая помощь требуется... Вотъ, значитъ, я къ

трамвайнымъ столбамъ автоматы и приспособлю для такихъ случаевъ: полтинничекъ вбросилъ, сейчасъ оттуда и накапаетъ тебѣ въ ротъ... полрюмочки.

— Придумалъ! Уволокутъ твой автоматъ ночью со столбомъ вмѣстѣ... Гарсонъ! Въ томъ же родѣ еще по одной.

Флипсъ мечтательно поднялъ къ потолку голубоватые выцвѣтшіе глаза. Поднесъ тонкія ладони къ губамъ и сталъ покусывать ногти... Дневной кавардакъ съ рѣзкой цукатовъ, съ мелкой сахарной пылью и тошнымъ запахомъ сладкаго тѣста отошелъ отъ него прочь, точно онъ никогда къ нему и близко не прикасался. Развѣ только тотъ поэтъ, кто по гладенькимъ клавишамъ польку рубитъ? Кто знаетъ, что у скоропостижнаго кондитера-эмигранта въ душѣ въ вечерній часъ копошится?

Подъ большимъ никелевымъ столбомъ посвистывалъ сиреневый газъ, кипятилъ кофе.

Флипсъ прислушался и перевелъ глаза на грязную потолочную розетку. Иногда, вѣдь, въ самомъ, можно сказать, плюгавомъ предметѣ источникъ вдохновенія сидитъ.

— Да-съ... Кислый квасъ.... Возьмемъ хоть газъ этотъ... Свиститъ и грѣетъ. Два дѣла дѣлаетъ: безполезное и полезное. Для души и для тѣла. Изобрѣлъ же этотъ самый Тереминъ электрическій контрабасъ. И подъ контральто можетъ и подъ бѣлугу. Вотъ и надо бы всѣ домашніе звуки обработать. Сидишь въ ваннѣ: кранъ тебѣ надъ головой «Крейцерову сонату» высвистываетъ. Варитъ жена супъ съ клецками, газъ ей для успокоенья ноктюрнъ напѣваетъ. Телефонъ мазурку мурлычетъ. Радіо — похоронный маршъ задуваетъ. Вода въ корридорномъ депо бѣжитъ, тоже что-нибудь Гвадал-

квивирное журчитъ. Электрическая лампочка въ спальной грудному младенцу колыбельную пѣсню нажариваетъ. А центральное отопленіе по всей квартирѣ органомъ гудитъ, какъ атлантическій прибой... Подумай только: не квартира, а консерваторія!

Переплетчикъ Гуськовъ энергично дернулъ себя за чубъ, качнулся и хлопнулъ ладонью по столу:

— Воображаю я, какими тогда всѣ алкоголиками станутъ!.. Органъ, говоришь, гудитъ?.. Гарсонъ, еще по одной въ томъ же направленіи... А я думаю, Флипсъ, ежели въ тебѣ такой зловредный музыкальный уклонъ намѣчается, выходишь ты вродѣ врага рода человѣческаго. И слѣдовало бы тебя на всякій случай изолировать... Можетъ, ты будущій Калигула, міровая бестія? А?

Дверь хлопнула и затряслась, какъ въ желтой лихорадкѣ. Вкатился плотный и жизнерадостный монтеръ-эмигрантъ Брудершафтъ. Фамилія его была другая, но никто ее не помнилъ. А Брудершафтомъ его прозвали, потому что онъ со всѣми очень скоро на ты переходилъ.

Начнетъ спорить, пуговицу оторветъ и сразу на ты.

Подошелъ онъ на замшевыхъ ногахъ валкой походкой къ столику, къ землякамъ подсѣлъ и пухлыя ручки потирать сталъ.

— Ухъ, холодно! Что вы тутъ, изобрѣтатели, сосете? Кальвадосъ? Спасибо, спасибо. Колючую проволоку въ уксусѣ настоять — вкуснѣй будетъ... Гарсонъ! Кофе съ круассаномъ.

— Сто лѣтъ прожить хочешь? — спросилъ Гуськовъ.

— И на 99 согласенъ. А меня, между прочимъ, поздравить можете...

Флипсъ и Гуськовъ по тону голоса почувствовали, что Брудершафтъ не вретъ, и придвинулись тѣснѣе.

— Ты что жъ, практикъ, патентъ на приборъ для доенія мышей взялъ?

— А вотъ и взялъ!

— На что же именно? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Флипсъ.

— Теперь ужъ не секретъ. Взялъ и крышка. Какъ въ сейфѣ лежитъ. Вотъ она штучка, пожалуйте.

Онъ раскрылъ портфель, вытащилъ то, что онъ называлъ штучкой, поправилъ пенснэ и тономъ гида, развозящаго по городу иностранцевъ, доложилъ:

— Леди и джентльмены! Не будемъ вдаваться въ подробности. Въ каждой интеллигентной квартирѣ имѣется центральное отопленіе, при помощи котораго жильцы согрѣваютъ всѣ части своего организма. Но неуклюжій рѣшетчатый столбикъ, напоминающій моржовую челюсть, совершенно не вяжется съ вашей мебелью въ стилѣ Людовика XX-го. Что же вамъ предлагаютъ? Вы видите, леди и джентльмены, аллюминіевый, вытянутый, какъ Офелія, подносъ съ изящными дырками, который, при помощи двухъ лапокъ, прикрѣпляется вродѣ летучей мыши къ отопительному столбику. Вокругъ подноса переливается роскошная бисерная бахрома, цвѣта подходящаго къ крашенымъ волосамъ хозяйки дома. Такимъ образомъ, столбикъ при помощи легкаго тѣлодвиженія превращается въ роскошный столикъ съ изящными дырками. Сидя въ креслѣ возлѣ отопленія и грѣя свои мечтательныя кости, вы можете дополнительно и совершенно безплатно на означенномъ подносѣ подогрѣвать ваши собственные утренніе суха-

ри и имѣть постоянно теплую воду для прополаскиванія вашихъ внутренностей...

Брудершафтъ поперхнулся, прополоскалъ свои собственныя внутренности кофе и перевелъ духъ.

— И дальше? — иронически спросилъ Гуськовъ, совершая свой маникюръ при помощи вынутой изъ жилетнаго кармана зубочистки.

— Очень просто. Выставилъ я эту штуку на выставкѣ изобрѣтеній по домашнему хозяйству, запродалъ патентъ одному универсальному дому и даже получилъ кое-какой авансъ. Въ воскресенье покорнѣйше прошу ко мнѣ, новорожденный подносъ вспрыскивать!...

Флипсъ холодно разсматривалъ потолочную грязную розетку. Гуськовъ развелъ руками:

— Думалъ я все, что ты Брудершафтъ, а ты, оказывается, Эдиссонъ! Замѣчательно. Отчего же тебѣ дополнительно не изобрѣсти электрическіе стеганные ватные штаны? Влѣзъ въ нихъ по самыя уши, подъ мышками бантомъ перевязался, чтобы не падали, штепсель въ себя вставилъ, а другой конецъ къ трамвайной проволокѣ прикрѣпилъ. И тепло тебѣ и по всему городу на роликовыхъ конькахъ кататься можешь. Эхъ, ты, изобрѣтатель целюлоидный!

Надо сказать правду: ни въ молчаніи Флипса, ни въ ехидныхъ словахъ Гуськова ни капли зависти не было. Просто, знаете: столкнулся прудъ съ океаномъ. Гдѣ имъ другъ друга понять?..

Парижъ, 1927

Иллинойскій богачъ

Художникъ Кандыба перемѣнилъ оріентацію. Пейзажи послалъ къ чорту. Мужья домашней эстетикой вообще не завѣдываютъ, а знакомыя парижскія дамы покупаютъ, не торгуясь, кушетки «а ля Рекамье», подграммофонные столики «рюстикъ», трехспальныя кровати негоціантскаго барроко. Но въ простѣнкахъ вѣшаютъ пятифранковую дешевку: похожую на лошадь лэди, прислонившуюся щекой къ похожей на лэди лошади; литографскую Венеру, наказывающую розгой купидона; въ лучшемъ случаѣ, гипсовую маску Бетховена, которую русскій обойщикъ, обивающій по воскреснымъ днямъ м-мъ Рекамье, вымажетъ бронзовымъ риполиномъ. Какіе ужъ тутъ пейзажи...

Кандыба навелъ справки и рѣшительно перешелъ къ портрету. Выставилъ, рекламы ради, три безплатныхъ каллиграфическихъ полотна: маститаго антрепренера съ міровой скорбью на скулахъ, знаменитаго кинsocребенка съ полнымъ собраніемъ Шекспира на колѣняхъ и портретъ извѣстной поэтессы, выпущенный имъ въ свѣтъ въ значительно исправленномъ и дополненномъ изданіи. Заказы пошли густо. Стиль Кандыба избралъ благоразумный — пріятный заказчику. Дѣтей писалъ подъ Сѣрова, — тотъ вѣдь дѣтей никогда не обижалъ. Дамъ по желанію — то подъ Сорина, съ ли-

лейной ручкой лебедью, то подъ Малявина, въ купленномъ по случаю густозеленомъ платкѣ съ махровыми розанами. Мужчинъ въ строгой музейной манерѣ, причемъ больше всего подчеркивалъ выраженіе энергіи и воли въ подбородкѣ и переливы пуговицъ на жилетѣ.

Помимо того, Кандыба раздѣлилъ заказчиковъ на двѣ группы. Мелкихъ, торгующихся кліентовъ, писалъ съ «лѣвымъ» уклономъ, за сходствомъ не гнался, лѣтъ не убавлялъ, краски нашлепывалъ разляписто и торопливо; неторгующуюся кліентуру бралъ на «правый» крючекъ: фонъ давалъ выигрышный, природные дефекты зализывалъ и къ капризамъ заказчиковъ относился съ торопливой предупредительностью. Вообще нашелъ себя. О художникахъ, которымъ подражалъ, сталъ отзываться пренебрежительно: «кустари». Изъ міровыхъ именъ, кромѣ себя, утвердилъ лишь Рембрандта и почему-то Джіотто (очень ужъ звучное имя!).

Черезъ полгода Кандыба, самодовольно теребя любимую волосатую бородавку на щекѣ, стоялъ посреди своей заново отдѣланной студіи и любовался. Телефонъ проведенъ, — ишь блеститъ, какъ лакированный жукъ... Коверъ, хоть и марокканская имитація, во весь простѣнокъ. По всѣмъ угламъ, носами къ стѣнѣ, начатые портреты... Днемъ работа, вечерами шумная болтовня въ кафе.

Кандыба отъ мелкой ротондной богемы не отвернулся. Во-первыхъ, гарниръ, во-вторыхъ, — даже и генію общество нужно. Но къ себѣ никого не звалъ: увидятъ заказчиковъ, разнюхаютъ, зачѣмъ же? А главное, былъ онъ непристойно скупъ. Послѣ голодной полосы методично накапливалъ валюту и на вечернія пиршества никогда больше пяти франковъ на себя не тратилъ.

Хотя самъ въ гости ходилъ охотно, и на именины и въ особыхъ случаяхъ, когда собратъ вспрыскивалъ проданную картину. Приходилъ, пилъ-ѣлъ и нимало не обижался, когда хозяинъ послѣ десятой рюмки говорилъ:

— Слушай, Кандыба... Захрюкай.

— Почему же, собственно, я долженъ хрюкать?

— Да вѣдь ты же свинья!

***

Кандыба подошелъ къ зеркалу. За висѣвшей на зеркалѣ вѣткой сухого перца въ сумеркахъ стекла выплыла квадратная кабанья голова хозяина студіи — мутнотабачные глазки, верблюжій войлокъ волосъ, погасшая трубка въ углу вялаго рта. Скучно. Заѣхать за Мариной и взять ее съ собой въ кино? Дорого и зря. Непроизводительный расходъ... Прошлый разъ угостилъ ее грогомъ и хотѣлъ было подъ столомъ руку пожать, а она вырвала и говоритъ: «Бросьте, Кандыба, руки у васъ, какъ у покойника... и вообще не надо...» Который разъ у него съ женщинами повторяется это «и вообще...»

И вдругъ на всю студію веселый звонокъ телефона. Кандыба щелкнулъ выключателемъ и подошелъ.

— Алло.

— Кандыба?!

— А то кто жъ. Кто говоритъ?

— Болдыревъ. Кандыба, слушайте, былъ у васъ уже Мишка?

— А почему, собственно, онъ у меня долженъ быть? — подозрительно спросилъ Кандыба.

— Хо! Такъ вы еще ничего не знаете?! Да объ васъ же весь Парижъ говоритъ, комикъ вы голландскій!

Кандыба насторожился:

— Въ чемъ дѣло? Выставка?..

— Какая тамъ къ псу выставка... Такъ вы ничего не знаете?!. Отъ души васъ, Кандыба, поздравляю. Ну, тамъ болтаютъ, что вы сухарь, карьеристъ чугунный и все такое прочее. А я имъ всегда говорилъ, что вы человѣкъ первоклассный, — вставьте Кандыбу въ хорошую раму, онъ во какъ развернется... Вотъ и вставили, нечего сказать.

Сомнѣваться было трудно. Стряслось нѣчто оглушительно- большое и радостное, слишкомъ ужъ искренній и веселый былъ у Болдырева голосъ.

— Да что жъ такое, чортъ?! Слово-то хоть одно вы можете сказать?

— Одно могу. А-ме-ри-ка! Стопъ. Больше ни-ни. Сейчасъ беру такси и ѣду къ вамъ. Мишка, должно быть, уже выѣхалъ...

Что за гиль? Болдыревъ и такси. Да онъ и въ метро, кажется, только по воскреснымъ днямъ катается. И почему «Америка»? Онъ подумалъ, вспомнилъ о коекакихъ своихъ сумасбродныхъ надеждахъ и поблѣднѣлъ. Неужели?!..

Черезъ десять минутъ въ двери ввалилась вся артель: безработный офортистъ Болдыревъ, плакатныхъ дѣлъ мастеръ Мишка, кошачій скульпторъ Шафгаузенъ и съ ними два безыменныхъ, знакомыхъ по Ротондѣ персонажа.

Жали руки сердечно и напористо. Цѣловали въ губы, въ носъ и въ бородавку... Хлопали по плечу: «Ай-да Кандыба! Надо ему, лѣшему, фамилію перемѣнить.... Съ Моргономъ будетъ въ клубѣ на билліардѣ играть, неловко съ такой фамиліей!»

Кандыба растерялся:

— Да въ чемъ же дѣло, съ ума вы что ли посходили?

И вдругъ, какъ по командѣ, всѣ смолкли.

Мишка выступилъ впередъ, бережно вынулъ изъ конверта съ американской маркой газетную вырѣзку и медленно, сдержанно волнуясь, прочелъ:

«Чикаго. Новыя Русскія Вѣдомости. 10 декабря 1925 г.

Скончавшаяся въ возрастѣ 68 лѣтъ въ городѣ Спрингфильдъ, въ штатѣ Иллинойсъ, наша соотечественница Ирина Кливэлендъ, урожденная Кандыба, завѣщала все свое состояніе въ 90 тысячъ долларовъ, не считая усадьбы, мелкаго инвентаря и завода сушеныхъ фигъ, своему племяннику Федору Кандыбѣ, котораго почившая безуспѣшно разыскиваетъ съ 1917 года. Въ случаѣ нерозыска наслѣдника въ теченіе полугода, состояніе, по волѣ покойной, перейдетъ на улучшеніе кролиководства въ ея родномъ штатѣ».

Кандыба тяжело сѣлъ на стулъ.

— Она? —спросилъ участливо Мишка.

— Она. — Кандыба боднулъ головой. — Я же тебѣ разсказывалъ. Я только не зналъ, что она въ Иллинойсѣ и что у нея... такія средства.... Что же это, милые, такое? Что такое, я спрашиваю?!

Онъ жадно перечелъ газетную вырѣзку, конвертъ, письмо пріятеля Мишки, который прислалъ ему замѣтку изъ Чикаго, и вдругъ, во все побагровѣвшее лицо, точно его смазали прованскимъ масломъ, залоснился безсмысленной улыбкой.

— Какъ что? — встрепенулся Мишка. — Завтра Болдыревъ поѣдетъ съ тобой въ американское консульство, ты же по-англійски ни въ зубъ. Удостовѣришь личность, получишь визу — и досвидансъ! — поѣдешь

въ свой Иллинойсъ, чортъ поросячій!... Ну, а теперь вспрыски. Вспрыски, братчики, нечего дурака валять.

— Какіе вспрыски? — тупо спросилъ еще не пришедшій въ себя иллинойскій богачъ.

— Какіе?! — подскочилъ Мишка. — Случай - то твой, плюшкинская твоя душа, вспрыснуть надо или нѣтъ? Да и совпаденіе-то какое: русскій, вѣдь, сочельникъ сегодня! А?..

Болдыревъ всталъ, плюнулъ, напялилъ свое кургузое пальтишко и постучалъ по звонкой китайской курильницѣ трубкой:

— Брось, Мишка! Чего распѣлся? Намъ съ милліонеромъ какая же компанія? Пусть самъ по американскимъ консульствамъ бѣгаетъ, а я для него не свиной гидъ. Облупятъ его переводчики, какъ яичко, будетъ радъ... Валите ко мнѣ: ромъ есть, халвы по дорогѣ купимъ, какого дьявола съ нимъ валандаться!

Но Кандыба очнулся и превзошелъ себя. Вынулъ изъ корельской шкатулки сто франковъ и заступилъ Болдыреву дорогу:

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ, какой Кандыба Плюшкинъ! Миша, будь другомъ, возьми тамъ, что надо...

Мишка переглянулся съ Болдыревымъ и отстранилъ щедрый даръ.

— Ничего не надо... Студню я что ли куплю на твои сто франковъ?

— А сколько еще надо?

— Давай еще сто. Спрашиваетъ! Разъ въ жизни друзей угощаетъ, которые можно сказать, какъ вѣстники счастья, его безкорыстно поздравить пришли, а онъ... сто франковъ!

Кандыба покраснѣлъ, отчаянно махнулъ рукой и сдался.

— Марину позвать? — спросилъ въ дверяхъ Мишка.

— Зови. — Кандыба подсѣлъ къ Болдыреву и съ почтительной предупредительностью сталъ выспрашивать, какъ получаютъ американскія наслѣдства и съ чего надо начать. Болдыревъ небрежно объяснилъ.

Минутъ черезъ двадцать вернулся Мишка съ двумя своими адъютантами, нагруженными до подбородка свертками и бутылками. Сдвинули ломберные столы, накрыли ихъ персидской легкой набойкой и развернули на столахъ такое фламандское сооруженіе, которое развѣ въ музеѣ на старомъ полотнѣ увидишь: коричневый гусь въ бѣлыхъ сборчатыхъ штаникахъ, широкая ослиная колбаса-салами, мандарины, ромъ, зубровка — словомъ на всѣ двѣсти франковъ, — за такси Мишка дополнительно получилъ. Прилетѣла и Марина. Мишка изъ бистро по телефону ее вызвалъ. Долго трясла Кандыбину руку, поздравляла, а сама почему-то все губы кусала... Дальше что жъ, дальше дѣло извѣстное.

Жилецъ подъ студіей, кроткій французъ старичекъ, поднялся было къ Кандыбѣ справиться, не пожаръ ли у него, что за грохотъ такой? Но ему объяснили, что русскіе художники справляютъ русскій сочельникъ и потому надо шумѣть и что «мосье» Кандыба теперь самый богатый человѣкъ въ Сѣверной Америкѣ, а, пожалуй, и въ Южной... Французъ ничего не понялъ, вѣжливо улыбался, но отвѣдать зубровки согласился, да такъ и застрялъ до утра.

Проснулся Кандыба поздно. Долго протиралъ глаза и ничего не могъ понять. Почему у китайскаго драко-

на бѣлый носокъ на головѣ? Почему изъ зубровой бутылки зубная щетка торчитъ? Почему на его котелкѣ слонъ сидѣлъ?.. Но вдругъ вспомнилъ и ахнулъ. Грузный и взхломаченный заплясалъ въ розовомъ трико по студіи, бросился было одѣваться и невзначай покосился на зеркало. Что за прокламація на немъ виситъ?

Подошелъ, да такъ съ задранной сквозь неподатливую фуфайку рукой и застылъ. Посланіе было короткое:

«Спасибо, Кандыба! Сочельникъ провели очень уютно, въ теплой семейной обстановкѣ. На счетъ американскаго наслѣдства будь спокоенъ: на конкурсѣ дураковъ въ Ротондѣ получишь первую премію. Замѣтку изъ чикагской русской газеты набралъ въ Парижѣ знакомый наборщикъ за 10 франковъ, которые мы уплатили сообща и претензій къ тебѣ больше никакихъ не имѣемъ. А волосатую твою бородавку остригла на предметъ сувенира Марина, когда ты въ 3 ч. 15 мин. ночи (по парижскому времени) подъ столъ свалился. Съ иллинойскимъ привѣтомъ, любящіе тебя кентавры».

. . . .

Воробей, сквозь широкое окно глазѣвшій на Кандыбу, вдругъ шарахнулся въ сторону и взлетѣлъ: съ ума что ли сошелъ жилецъ? Чего онъ въ розовомъ трико по комнатѣ, какъ бѣшеная лошадь, носится и бутылки ногами лягаетъ?...

Диспутъ

Въ ноябрьскій, слякотный вечеръ шестнадцатаго года пришелъ въ госпиталь лазаретный батюшка о. Василій. Маленькая, русая бородка клинушкомъ, глаза, какъ у пятилѣтней дѣвочки.

Дождевикъ въ парадной повѣсилъ, съ часовымъ у денежнаго ящика поздоровался (что батюшкѣ по уставу какъ будто и не полагается) и вприпрыжку по широкой лѣстницѣ пошелъ въ корридоръ.

— Ну, воины, добрый вечеръ, — давайте читать будемъ.

И книжечку тоненькую изъ ряски вынулъ.

Сначала, какъ всегда, граммофонъ завели: кэкъ-уокъ, да прочее, что повеселѣй, сестрица подсунула, чтобы осеннюю госпитальную скуку развѣять. Граммофонъ, признаться, былъ дрянный — хрипунъ и удавленникъ. Но гдѣ жъ другой возьмешь.

Приползли изъ палатъ въ корридоръ раненые изъ выздоравливающихъ, больные-гриппозники, дежурный ординаторъ на шумъ вышелъ, — раненые потѣснились. Присѣлъ и онъ на край скамьи, тоже вѣдь человѣку не весело по угламъ шагать.

А потомъ — чтеніе.

Оглядѣлъ батюшка добрыми глазами верблюжьи халаты, знакомымъ лицамъ улыбнулся и началъ:

— Сочиненіе Николая Васильевича Гоголя. Вій. Къ ночи бы вамъ, господа воины, этой страшной исторіи читать не слѣдовало. Да ужъ знаю, вы, какъ дѣти, страшное любите. Или, можетъ, что другое почитать, повеселѣе, ась?..

— Страшное, батюшка. Просимъ про страшное. Ужъ, пожалуйста, почитайте.

— Ну, ужъ, конечно...

«Какъ только ударялъ въ Кіевѣ поутру звонкій семинарскій колоколъ»...

Читалъ о. Василій внятно и завлекательно. Разговоръ на разные голоса велъ, гдѣ нужно басомъ, а въ иныхъ мѣстахъ до бабьяго писка подымалъ. А какъ дошелъ до страницы, какъ Вія въ церковь ведутъ, такъ такимъ пронзительнымъ шепотомъ чеканить сталъ, да съ остановками, чтобы каждое слово проняло, — такъ иные въ окна съ опаской посматривать стали. Капли стучатъ, за стеклами мгла, гулъ и свистъ, — ужъ не Вія ли къ нимъ ведутъ въ 17-й полевой запасный госпиталь? Тьфу, тьфу, сохрани и помилуй!

Долго читалъ батюшка. Забыли солдаты о своей неласковой судьбѣ: кому въ окопъ возвращаться, ждать съ часу на часъ шальной пули между глазъ, кому домой инвалидомъ со скрюченной ногой добираться. Притихли. Ушли въ страшную повѣсть, съ тревожнымъ участіемъ прослушали о горькой долѣ Хомы Брута, жуть полевая къ мокрымъ стекламъ приникла, тѣснѣе придвинулись халаты другъ къ другу на корридорныхъ скамьяхъ.

Кончилъ батюшка, ухмыльнулся, усталое лицо платкомъ обмахнулъ и книжку въ рукавъ сунулъ.

— Прощайте, воины. Поздно ужъ... Чего насупи-

лись? Говорилъ, что страшное къ ночи бы не читать. Да, вотъ...

Пожалъ доктору руку, подмигнулъ ему на солдатъ и мышиной побѣжкой исчезъ въ корридорномъ сумракѣ.

***

Въ четвертой палатѣ, гдѣ тяжело раненыхъ и больныхъ не полагалось, у стѣны на койкахъ разлеглась тихая компанія и, поглядывая на затѣненную зеленой тафтой электрическую грушу, вполголоса разговорилась.

Согнувъ горбомъ подъ теплымъ одѣяломъ колѣнки, невидимый ефрейторъ Костяшкинъ, по исторіи болѣзни мышечный ревматикъ, по характеру человѣкъ спокойный и обстоятельный, въ дѣловитомъ раздумьи покрутилъ головой:

— Исторія. Ему бы самую малость удержаться, а онъ, дурень, смякъ. Зракъ выпучилъ, всѣ труды пропали даромъ. Ужъ, конечно, сотникъ бы ему отвалилъ по обѣщанію. Може и въ экономы къ нему бы попалъ, жилъ, бы, лучше не надо. Баранъ и есть, стойкости, братцы, въ человѣкѣ не хватило.

— Тебя не спросилъ, — сипло отозвался сосѣдъ раненый и, раскуривъ потаенно зажатую въ кулакѣ папироску, озарившую на мигъ щетинку усовъ и сердитые глаза, тяжело перевелъ духъ, — Ты елова голова, того и не понялъ, что бурсакъ этотъ русскій настоящій характеръ въ себѣ обнаружилъ. Стойкость русскую проявилъ, а не то, чтобы смякъ... Нутренній голосъ ему приказываетъ: «не гляди, погибнешь, с... сынъ».. а онъ наперекоръ. Наплевать. Хоть погибну, а взгляну, оченно я вашего Вія испужался. А ты про деньги... награжденіе... Эва, очень онъ про это думалъ. Нѣмецъ, чи скажемъ, австріецъ какой, конечно, до конца бы постарал-

ся, свою линію бы довелъ: и живъ бы остался, и панскимъ арендаторомъ бы сталъ. Ему это первый интересъ. Да жену бъ себѣ изъ Германіи выписалъ, страна вольная, дураковъ много, живи. А нашъ хлопецъ настоящій оказался. Разъ, и готово. Самъ погибъ, да и чертямъ крышка: ишь головами, какъ летучія мыши, въ церквѣ позастряли. Тоже вещь не сладкая.

— И чего это онъ не убѣгъ отъ халуевъ этихъ? — задумчиво спросилъ сидѣвшій въ ногахъ солдатикъ. — Предчувствіе тяжелое имѣлъ, чего же тутъ въ самомъ дѣлѣ. Какъ они въ корчмѣ перепились, ему бы не пить, а на полъ лить. А потомъ — ходу. Съ плѣну бѣгутъ, лѣсами-полями сотни верстъ отхватываютъ... Ужели пьяныхъ казакобъ не обмануть? Постегали бъ его въ бурсѣ, конечно, эка важность, а тѣмъ временемъ чертовку бъ эту и зарыли. Жалость какая.

— А ты на войну хотѣлъ итти? — спросилъ, гася о подошву туфли папироску, раненый.

— Кто жъ хочетъ...

— Такъ чего жъ ты не спрятался? Коли надо, такъ и въ стогу, братъ, разыщутъ. Да и не оченно онъ боялся. Неохота была эту чертовку отпѣвать, точно, но долгъ свой сполнилъ, онъ же ее и жизни лишилъ. Ну, и думалъ: свой грѣхъ замолю, можетъ и ей спасеніе вымолю. Да вонъ по-иному вышло. А бѣжалъ онъ такъ... для очистки совѣсти. Развѣ такъ бѣгутъ по настоящему-то?

Писарь управленія военныхъ сообщеній фронта, человѣкъ образованный, лечившійся въ госпиталѣ не отъ какой-нибудь тамъ чесотки или ревматизма, а отъ болѣзни можно сказать офицерской, — застарѣлаго ишіаса, давно снисходительно прислушивался къ солдатской болтовнѣ и не выдержалъ:

— Косолапость какая! Господинъ Гоголь для упражненія въ стилѣ хохлацкое повѣрье обработалъ. Фольклоръ называется, спеціальная наука по совокупности народной брехни — а вы и уши поразвѣсили. Бурсакъ, какъ человѣкъ высшаго развитія и даже до философіи причастный, на женщинѣ верхомъ ѣздить не могъ, это во-первыхъ. И бить ее по чемъ попало, какъ въ вашемъ сѣромъ быту полагается, не сталъ бы. Это во-вторыхъ. Что касается полета гроба внутри церкви съ поднятіемъ до потолка, то это несуразность, ибо какъ же гробъ безъ пропеллера и бензиномотора летать можетъ? А Вій съ прочей чепуховиной чистая, можно сказать, беллетристика. Просто бурсакъ, подъ вліяніемъ алкоголизма, принятаго внутрь для ободренія чувствъ, впалъ въ галлюцинацію, по причинѣ которой и скончался, какъ дуракъ, отъ разрыва сердечной аорты.... Про умершую тоже понимать надо. Можетъ, она въ летаргическомъ снѣ вставала, — поскрежещетъ и опять на мѣсто. Наукѣ такіе случаи доподлинно знакомы. А вы, обломы, и рты пораззѣвали. Публика.

Вокругъ сдержанно покашливали. Ишь, наговорилъ, чертъ гладкій. Точно сѣрной кислотой полилъ. Да и какъ же такъ: станетъ сочинитель мужицкую сказку пересказывать, — чай не баба на печи... Не глупѣе писаря былъ.

— А позвольте васъ спросить, господинъ писарь, вы въ Господа Бога вѣруете? — спросилъ кто-то темный тихимъ баскомъ изъ глубины коекъ.

Солдаты повеселѣли.

—Вопросъ несуразный. Отвѣчать бы тебѣ, идолу, не слѣдовало, да ужъ...

— Соблаговолите...

— Конечно, вѣрую... По долгу службы и присяги

и сообразно со Священнымъ Писаніемъ, какъ на вселенскихъ соборахъ отцами церкви и святителями установлено.

— Тэкъ-съ. А въ дьявола вѣруете?

— Ты что жъ экзаменъ мнѣ производишь? Самъ словъ никакихъ не знаешь, а произносишь. Да знаешь ли, моржова голова, что есть дьяволъ? Алле-го-рі-я.... Только и всего. Понялъ?

Басъ сплюнулъ, сѣлъ на койку, и твердо перемѣнилъ тонъ.

— Ты, другъ, ученыхъ словъ не загибай. Кака-така аллигорія? Я тебѣ русскимъ языкомъ спрашиваю: въ дьявола ты вѣруешь? Евангеліе читалъ? Кто Христа на горѣ искушалъ? Дьяволъ. Простому бѣсу такое дѣло несподручно, рыломъ не вышелъ. Такъ что жъ, тебѣ этого дьявола надо по штабнымъ спискамъ провести, да на казенное довольствіе зачислить, — безъ того не повѣришь. Далѣе. Кто въ свиней бѣшеныхъ вонзился, когда онѣ въ море поскакали? Бѣсы. Стало-быть, и дьяволъ есть и подручные его: бѣсы, лѣшаки, вѣдьмы и протчая. Одному дьяволу не управиться, да и по мелкимъ дѣламъ ему возжаться не съ руки.

— Къ чему это ты гнешь-то?

— Къ тому гну, что и Вій этотъ, стало быть, одинъ изъ его старшихъ чертей.

— Это что же, вродѣ начальника штаба корпуса? — съязвилъ писарь.

— Ну, ужъ если ты иначе понимать не можешь, пусть вродѣ начальника штаба. Его, вишь, и позвали, когда мелкота съ бурсакомъ не сладила.

— А ты его видалъ? — пренебрежительно спросилъ писарь.

— Може и видалъ. Что къ ночи поминать... Да вы-то сами гдѣ до войны проживать изволили? — басъ вѣжливо перешелъ на «вы», очевидно, готовясь къ новому подкопу.

— Мы-то? Въ столицѣ, конечно, — съ достоинствомъ отвѣтилъ писарь. — Народъ мы непонимающій, у насъ этихъ чертей, да вѣдьмъ летающихъ, можно сказать, и съ пьяныхъ глазъ не увидишь. Не удостоились.

— Въ томъ-то и дѣло. Въ городѣ, другъ, нечисти этой, точно — не водится. Да и что въ городѣ черту дѣлать, когда люди тамъ хуже чертей. Тамъ Вія этого и не узнаешь: манджеты нацѣпилъ, да и орудуетъ себѣ по коммерческой, либо по адвокатской части. А можетъ и въ писаряхъ околачивается, ты, другъ, не обижайся... Въ деревнѣ же, да еще въ стародавней жизни, которую сочинитель этотъ описывалъ, — имъ раздолье, полная, можно сказать, жизнь. Лѣса, буераки, омуты, народъ свѣжій, непорченый, въ нечисть вѣруетъ, она ему себя и оказываетъ... Такъ-то...

Въ дверь, звеня мензуркой и аптечными склянками, вошла сестра, сняла зеленую тафту съ лампы, посмотрѣла по угламъ: всѣ на мѣстахъ. Знаетъ она эти штучки.

— Опять шушукались? Другимъ спать не даете. Вотъ, скажу завтра главному врачу, чтобъ разговорщиковъ этихъ по другимъ палатамъ распредѣлилъ.

— Да мы, сестрица, ничего... — хрипло шепнулъ съ койки у прохода, блестя веселыми глазами, солдатикъ, — поговорили, точно... Очень ужъ занятную вещь о. Василій прочитали... А какъ вы полагаете, сестрица, между прочимъ: есть вѣдьмы, или это такъ, темный народъ распространяетъ?..

Сестрица усмѣхнулась.

— Вотъ не выпишу тебѣ завтра порціи, тогда и уз-

наешь. Спи, а то лампу потушу!.. Тоже, умникъ какой...

Солдатъ нырнулъ подъ одѣяло и притворно захрапѣлъ. Кругомъ разсмѣялись. А басъ, отчитывавшій писаря, зѣвнулъ и, обращаясь къ сестрѣ, возившейся у аптечнаго шкафика, сказалъ:

— Идіетъ онъ, сестрица... Какъ вѣдьма женскаго сословія, то неделикатно даже у женщинъ про нихъ и спрашивать... Спокойной ночи, сестрица.

— Вѣрно, вѣрно, — разсѣянно отозвалась сестра, взбалтывая склянку и глядя на нее на свѣтъ усталыми, кроткими глазами.

Патентованная краска

Въ тихомъ отелѣ на окраинѣ Парижа сидѣлъ въ своемъ номерѣ русскій мальчуганъ Дима и скучалъ. Настоящее его имя было Вадимъ, но у шестилѣтняго человѣка все, вѣдь, маленькое: и башмачки, и курточка, и самое имя. Въ номерѣ отеля не очень-то развлечешься. Дима открывалъ и закрывалъ краны съ горячей и холодной водой, выдвигалъ и задвигалъ ящики комода, — понюхалъ завалявшійся въ комодѣ колбасный хвостикъ... Неинтересно. Нажалъ кнопку звонка у дверей. Разъ придѣлана, значитъ, надо нажать. Но пришла горничная и сказала, что если онъ еще разъ позвонитъ, то придетъ пожарный солдатъ и откуситъ Димѣ носъ. Странные пожарные въ Парижѣ! Подставилъ онъ стулъ къ центральному отопленію, сѣлъ на него и сразу соскочилъ. Почему? А вотъ вы сядьте, такъ узнаете.

Тетя Маша все не возвращалась. Ушла послѣ обѣда по какимъ-то своимъ дѣламъ въ городъ. Почему у взрослыхъ всегда «дѣла»? Да еще дѣла такія несуразныя. Прилетѣла изъ Марселя съ Димой, чтобы закупить въ Парижѣ партію дамскихъ нарядовъ прошлаго сезона. Въ Марселѣ въ бѣдныхъ кварталахъ мода всегда отстаетъ на полгода, и для тети Маши это было почему-то выгодно. Хорошо все-таки быть мужчиной: носи себѣ свою курточку и пиджачекъ до безконечности и никакая мода тебя не касается...

Вотъ и сиди и дожидайся, какъ скучающій пудель какой-нибудь, котораго изъ Марселя только потому и привезли, что не на кого было тамъ оставить.

И вдругъ за окномъ... О, это очень интересно! Стали въ кружокъ люди, на цыпочки подымаются, другъ другу черезъ плечо куда-то заглядываютъ, а изъ середины звонкій голосъ, веселый такой, что-то разсказываетъ. Натянулъ Дима свой беретъ на голову, — швы такъ и затрещали, — слетѣлъ съ лѣстницы леопардовыми прыжками и на улицу.

***

Когда мальчикъ ростомъ съ табуретъ, — танцевать за спиной взрослыхъ на цыпочкахъ не очень-то весело. Дима нырнулъ подъ локоть какой-то полной дамы, наступилъ ей на туфлю, не успѣлъ даже сказать «пардонъ» и сразу очутился въ первомъ ряду.

Плотный румяный французъ, склонясь надъ походнымъ столикомъ, грѣлъ на керосинкѣ воду и купалъ въ маленькихъ жестянкахъ какія-то тряпочки. И все говорилъ, говорилъ, говорилъ, точно его завели на цѣлыя сутки, — губами, руками, ногами... Даже чубъ помогалъ, прыгалъ въ тактъ словамъ и поддакивалъ: да, да, да!

«Мои краски ничуть не похожи на тѣ безполезные дрянные порошки, которые вы можете купить въ любой лавочкѣ! Выбрасывать франки въ Сену никому не воспрещается: Сена не станетъ отъ этого богаче, но вы обѣднѣете! Мои краски красятъ все: шелкъ, сукно, гипсъ, дерево, бумагу, волосы, слоновую кость, мѣха и даже гусиныя перья. Кипятить не надо. Вы высыпаете въ теплую воду краску — разъ! — и окунаете туда вашу вещь, — два! — черезъ пять минутъ вы облегченно

вздыхаете. Ваша вещь разъ навсегда становится красной, какъ пѣтушиный гребень, зеленой, какъ морская волна, лиловой, какъ фіалка, черной, какъ внутренности негра... Что кому нравится... Если вы хотите сдѣлать любимому существу сюрпризъ, вы покупаете пакетикъ — одинъ стоитъ франкъ, два — франкъ шестьдесятъ пять, — и красите гипсоваго поросенка или шелковый платочекъ или брезентовыя туфли въ любой цвѣтъ, какъ я это дѣлаю на вашихъ глазхъ, господа! Вы хотите купить? Нѣтъ? Ничего, черезъ двѣ минуты вы купите! Вы хотите купить? Благодарю васъ. Два пакета?... Одинъ. Еще кто? Торопитесь! Завтра я уѣзжаю въ Мадридъ, и это послѣдній случай въ вашей жизни, когда вы можете запастись такими изумительными красками!..»

Дима стоялъ у самаго ящика, носъ его почти касался дымящейся кастрюльки. Разноцвѣтные бульоны такъ вкусно и ѣдко пахли... И вдругъ одна его рука вытащила изъ кармана франкъ, а другая дернула болтающаго человѣка за пальто (иногда, вѣдь, руки дѣйствуютъ раньше головы). А языкъ сказалъ робко и почтительно: «дайте мнѣ пакетикъ!...».

— «Какого, другъ мой, цвѣта?» — «Лиловаго...» — «Мерси, до свиданья! Видите, господа, даже дѣти не могутъ устоять!».

И только на лѣстницѣ своего отеля Дима понялъ, зачѣмъ ему эта краска. «Онъ же сказалъ, что можно сдѣлать любимому существу сюрпризъ... Тетя Маша мое любимое существо, я ей и сдѣлаю сюрпризъ!»

Дима скользнулъ въ свой номеръ съ пакетикомъ въ рукѣ, — вотъ и развлеченіе нашлось. А за нимъ пушистый толстякъ, бѣлый отельный котъ. Утромъ онъ отъ

Димы ломтикъ ветчины получилъ, — коты такія услуги цѣнятъ и помнятъ... Заперъ мальчикъ поплотнѣе дверь, рукава засучилъ и за работу. На столѣ лежала тетина вязаная салфеточка, старенькая и вся въ рыжихъ пятнахъ, — какъ же ее не покрасить? Тетѣ Машѣ такой сюрпризъ и во снѣ не приснится!

Напустилъ Дима горячей воды въ умывальникъ, литра два. Всыпалъ въ воду тонкой струйкой порошокъ, и вода стала лиловая-лиловая, лиловѣй сирени, прозрачнѣй аметиста. И сталъ купать салфеточку аккуратно и осторожно, чтобъ брызги, не дай Богъ, паркета не закапали: вѣдь, отель!

Выкупалъ, отжалъ, лиловую воду въ трубу сплавилъ, а чтобъ не слышно было, какъ вода бурчитъ, сталъ громко кашлять. Умывальникъ начисто вымылъ. Не салфетка, а фіалковый коврикъ!.. Разостлалъ на полу толстую оберточную бумагу, сверху газету, сверху опять бумагу — и разложилъ, расправилъ салфеточку, — пусть сохнетъ. А бѣлый котъ кругомъ ходитъ, о комодъ трется, о стулъ трется, о Димины ноги, и все ближе къ салфеткѣ на пружинныхъ лапкахъ подбирается: любопытно, никогда въ отелѣ онъ такихъ штукъ не видалъ. Носомъ кислый воздухъ потянулъ и вдругъ, не успѣлъ мальчикъ ахнуть, прыгнулъ котъ на салфетку, перевернулся на спину и давай валяться и урчать. У котовъ всякія, вѣдь, фантазіи бываютъ...

Дима смѣется: пусть, пусть поваляется, салфетка скорѣе просохнетъ. Но когда котъ всталъ, мальчикъ чуть со стула не свалился: лиловый котъ! Вся спина, какъ темносиреневый кустъ... Да, вѣдь, теперь весь отель сбѣжится, что будетъ?! Вѣдь, тетя же просила, чтобы онъ, не дай Богъ, чего не натворилъ. Развѣ жъ

это онъ натворилъ? Это котъ натворилъ. Что дѣлать, что теперь дѣлать?!

А въ дверь стучатъ. Это всегда такъ бываетъ: чуть несчастье, сейчасъ тебя тутъ и накроютъ... « Сейчасъ, Господи...» Дима кота подмышку и скорѣй его въ ночной шкафикъ, котъ лапы растопырилъ, еле удалось втиснуть. Вошла горничная. (Дима лиловыя руки за спину, салфетку успѣлъ подъ кровать ногой задвинуть) и спрашиваетъ мальчика: «Нашъ котъ не у васъ?» — «Нѣтъ... онъ на улицу гулять пошелъ. Сегодня такая хорошая погода!» — Посмотрѣла она во всѣ углы — и вышла.

Благородный котъ, представьте себѣ, даже не мяукнулъ.

Вытащилъ его Дима, сталъ газетой вытирать. Куда тамъ! Еще ярче сталъ, краска и на животъ пошла и вдоль лапъ и по ушамъ: прямо лиловая зебра. Продавецъ же ручался, что краска прочная, до самой смерти не сойдетъ. А котъ къ нему на колѣни нацѣливается прыгнуть..

Заметался Дима, но крѣпко помнитъ, что дѣла такъ нельзя оставить. Завернулъ кота въ бумагу, носъ въ корридоръ высунулъ — никого. Побѣжалъ въ конецъ корридора, кота на полъ опустилъ и скорѣй къ себѣ. У дверей оглянулся, — все въ порядкѣ: крашеный котъ въ чью-то полуоткрытую дверь шмыгнулъ — жилецъ, очевидно, на минутку вышелъ.

Главное сдѣлано. Салфетку съ бумагой съ чернаго хода вынесъ и проѣзжему молочнику подбросилъ, — пусть себѣ кашнэ сдѣлаетъ.

Вернулся въ номеръ, руки теръ-теръ и мыломъ и тетинымъ одеколономъ и о каминные кирпичи. На по-

ловину отмылъ. Что жъ онъ вралъ, что краска не отходитъ?

Сѣлъ у стола и сталъ тихо-претихо самъ съ собой въ домино играть.

Играетъ и однимъ ухомъ прислушивается: когда же въ корридорѣ сраженіе начнется? И началось! Хозяйка закричала басомъ, жилецъ дискантомъ, потомъ горничная, потомъ хозяйская дочка, потомъ всѣ жильцы посыпались сверху и снизу.

Нельзя было Димѣ оставаться въ сторонѣ. Выскочилъ и видитъ: всѣ у жильца въ комнатѣ столпились, на бѣломъ одѣялѣ фіалки расцвѣли — все въ пятнахъ. Любимый котъ въ старое полотенце завернутъ, мяучитъ, ничего не понимаетъ: онъ, вѣдь, одинъ не зналъ, что онъ лиловый.

— Кто такъ посмѣлъ надъ нимъ надругаться? Вы мнѣ, сударь, и за кота и за одѣяло отвѣтите!..

— Я?! — завизжалъ жилецъ. — Я?! Онъ ко мнѣ вошелъ крашеный, я вамъ, мадамъ, не кошачій красильщикъ... Я у васъ третій годъ живу, нога моя здѣсь не будетъ послѣ вашихъ словъ!...

Другіе жильцы заступились, стали на хозяйку кричать, и хозяйка заплакала. Отельныя хозяйки плачутъ рѣдко, но случай былъ такой особенный.

И всѣ стали свои предположенія высказывать: выкрасили ли кота въ насмѣшку, или онъ самъ по легкомыслію выкрасился.

А Дима впередъ просунулся и вѣжливо говоритъ: «Вы, мадамъ, извините. Я — маленькій, но кое-что понимаю. Внизу изъ аптеки въ бакъ на черной лѣстницѣ всякую дрянь выбрасываютъ, можетъ быть, вашъ котъ тамъ и перемазался...

— Ахъ, какой умный мальчикъ! — Конечно, конеч-

но. Вѣдь это же анилиновая краска... — и побѣжала хозяйка аптекарю сцену дѣлать.

Развѣ Дима совралъ? Во-первыхъ, котъ самъ выкрасился, а во-вторыхъ, могъ же онъ и въ бакѣ выкраситься... второй разъ.

Убѣжалъ опять къ себѣ. Представленіе было окончено, — и сѣлъ въ домино доигрывать.

***

Тетя Маша вернулась поздно. Все въ порядкѣ. Носомъ только потянула: «почему это въ комнатѣ воздухъ такой кислый?» — «Это ты утромъ лимонъ рѣзала» — сказалъ Дима. Выпилъ свою порцію молока и раньше обыкновеннаго въ постель. — «Ты что же, Дима, нездоровъ?» — «Нѣтъ, тетичка, просто спать хочется». — «Ну, спи: Богъ съ тобой!»

Ходитъ тетя по комнатѣ и все думаетъ, привезла она съ собой салфеточку или ей только показалось, что она утромъ на столѣ лежала? Не стоитъ, впрочемъ, о такихъ пустякахъ и думать.

А Дима лежитъ въ постели и соображаетъ: тетя не разъ смѣялась, что онъ во снѣ разговариваетъ. Вдругъ онъ ночью все и разболтаетъ?

И тихонько - тихонько вытянулъ изъ курточки носовой платокъ и завязалъ себѣ ротъ. Ночью и черезъ носъ дышать можно.

Полная выкладка

(Подлинное происшествіе).

На водѣ ноги жидки, а на винѣ жиже того.

(Поговорка).

Въ кабачкѣ «Мистраль» было шумно, мутно и весело. Спустились съ холма въ приморское мѣстечко похожіе на першероновъ въ широченныхъ плисовыхъ штанахъ, бормскіе каменщики — народъ грузный и спиртуозно-емкій. Не мало было и мѣстныхъ рыбаковъ, враговъ рыбьяго царства отъ Тулона до Сенъ-Рафаэля, пьющихъ рѣдко, да мѣтко. Забрелъ кое-кто и изъ пограничныхъ итальянцевъ: шоссейные рабочіе, темноглазые веселые ребята — они еще на порогѣ, не хвативши ни одной рюмки, казались въ легкомъ подпитіи... Такая ужъ безпечная, птичья порода.

Лукавая, смуглая, словно гранатъ, хозяйская дочка Жильберта чувствовала себя за стойкой, какъ на капитанскомъ мостикѣ. Наливала капля въ каплю, соразмѣрно рюмкамъ и бокаламъ, аперитивы, вермутъ и терпкое мѣстное винишко, успокаивала взмахомъ бровей горлановъ и улыбалась фонтаномъ улыбокъ налѣво - направо, до самыхъ дальнихъ угловъ.

Передъ стойкой, бережно, словно хрупкій фарфоръ, поддерживая другъ друга, покачивались русскій агрономъ изъ сосѣдняго залива Арнаутовъ и застрявшій въ мѣстечкѣ русскій художникъ Рѣдько. Электрическія груши въ мутномъ радужномъ сіяніи дробились въ глазахъ. Аперитивные плакаты корчили рожи и уплывали подъ потолокъ. Пестрая галдящая толпа сливалась въ ухмыляющуюся многоголовую харю... Порой, то та, то другая посторонняя лапа добродушно хлопала русскихъ по плечу, прикасалась рюмкой къ рюмкѣ, проливала капли яблочной водки на свинцовую стойку.

Арнаутовъ и Рѣдько нагрузились до ватерлиніи: вермутъ «Капъ Корсъ», на вермутъ безсчетныя рюмки острозеленаго пипермента, а сверху джинъ. Джинъ!.. Въ одномъ звукѣ — шестьдесятъ градусовъ. Да еще на французскій манеръ — безъ закуски, въ теплой низкой залѣ, на утренній фундаментъ, въ которомъ тоже никто рюмокъ не считалъ.

Пріятели съ трудомъ разсовали по карманамъ сдачу — (Жильберта не обманетъ!), — вѣжливо раскланялись со своими двойниками въ туманномъ зеркалѣ и кое-какъ продрались сквозь камышевыя висюльки сквозной завѣсы на улицу.

Двѣ луны... Качаются мохнатыя звѣзды. Съ угла потянуло олеандромъ и дохлыми креветками. Подъ ложечкой.... морской спрутъ. Вообще — Капъ-Корсъ!

Коренастый художникъ крѣпко уперся въ землю, привелъ вихляющаго агронома въ перпендикулярное къ шоссе отношеніе и вспомнилъ:

— Полуоборотъ напра- во!.. Направленіе на домъ съ острой крышей. Только ты, Павлушка, сними въ корридорѣ свои броненосцы.... Пансіонъ у насъ семейный, приводить четвероногихъ можно только на неслыш-

номъ ходу... А то хочешь я тебя въ купальной будкѣ устрою? Кофе сваримъ со сгущенной... коровой. Я - жъ почти не совсѣмъ пьяный...

Но у агронома только ноги развинтились, голова еще кое-куда годилась: .

— Чтобъ я на свое рожденіе безъ башмаковъ по корридору унижался? Ты что жъ, дезертирская твоя душа придумалъ? Въ кусты?.. Кофе съ молочкомъ?... Рѣдько! Кто старше по службѣ?

— Ты.

— Полуоборотъ налѣ-во! Направленіе на пристань... Шагомъ арршъ!.. Лодку мы зря сюда пригнали? Ѣдемъ ко мнѣ. Я посреди залива при лунномъ освѣщеніи... хоромъ пѣть буду. Французскіе законы не воспрещаютъ.

— Брось. Ты и на твердой землѣ самъ себѣ на языкъ наступаешь.

— Я - то? Отпусти, хлюстъ, руку, — посмотримъ, кто кого ведетъ...

Арнаутовъ рванулъ руку и къ своему удивленію тотчасъ же очутился на крылечкѣ булочной шагахъ въ трехъ въ противоположномъ направленіи.

— Случайность. По причинѣ полнолунія... На водѣ я зато, какъ... несгораемый шкапъ. Ѣдемъ.

Характеръ у агронома былъ сталелитейный. Рѣдько зналъ, что теперь его отъ воды и зубами не оттащишь. Не то перепилъ, не то недопилъ. Надо ему разворачиваться дальше... Да почему бы въ четыре весла не докатиться до сосѣдняго залива? Море тихенькое. Двѣ луны... Маякъ на мысу подмигиваетъ, путь указываетъ. Даже два маяка какъ будто... Спокойнѣе, значитъ, ѣхать. И арнаутовскій глинтвейнъ съ ромомъ изъ-за да-

лекихъ скалъ душѣ свѣтитъ. А море что-жъ? Жидкость и больше ничего.

У мостковъ лодочная цѣпь долго не давалась въ руки, и ключъ никакъ не попадалъ въ замочную скважину. Отъ электрическаго фонарика тоже помощь небольшая, особенно когда его уронишь въ воду, и онъ со дна свѣтитъ. Лодка прыгаетъ, вода танцуетъ, подъ носомъ луна расплывается. По бокамъ пьяныя яхты чайками покачиваются... Капъ-Корсъ!..

Намоталъ агрономъ цѣпочку на руку, дернулъ — звено пополамъ. На четвереенькахъ сползли съ мостковъ въ вертлявую лодку. Разобрали весла. Арнаутовъ смазалъ лопастью по затылку художника, но гдѣ жъ тамъ, въ темнотѣ, послѣ джина затылки различать. Особливо, если хлопнувшій — старше по службѣ.

Нескладно заплескались по водѣ весла. Рыбакъ, даже не изъ старожиловъ, по звуку сразу разобралъ бы, что гребцы растворившейся въ лунной мглѣ лодки провели вечеръ въ «Мистралѣ». Но гдѣ же это сказано, что по Средиземному морю одни только трезвые кататься должны?...

***

Морская прохлада, легкій соленый вѣтерокъ смывали на мгновеніе хмель, проясняли глаза, но колыханіе лунной дороги, толчки отъ безтолковой гребли развозили все больше, гнали муть отъ подложечки къ мозгамъ и обратно.

Берегъ качался вдали ниточкой фонарей. А можетъ это и не берегъ, а бортъ марсельскаго парохода? Весла цѣплялись ребромъ за ребро. Гребцы то командовали другъ другу, вспоминая «кто старше по службѣ», то начинали вразъ, стараясь не зарывать лопасти подъ са-

мую лодку, какъ суповыя ложки въ лапшу. Но что жъ стараться, если весла пьяныя?

Агрономъ машинально изъ всѣхъ небесныхъ и земныхъ огней держалъ направленіе на маякъ и время отъ времени покрикивалъ:

— Лѣвымъ весломъ круче!.. Лѣвымъ... Той рукой, на которой пальца нѣту... Лѣвой!!! Въ Алжиръ тебя тянетъ, что ли? Голову оторву!.. Ты чего жъ въ другую сторону грести сталъ, сельдь керченская?

— Для перемѣны кровеобращенія.

— Я тебѣ перемѣню! Художникъ ты, Степа, говорятъ, замѣчательный, а морякъ изъ тебя, какъ изъ кактуса зубочистка... Лимончика-бъ теперь пососать. Ползалива бы за этотъ фруктъ отдалъ.

Художникъ въ поискахъ за воображаемымъ «лимончикомъ» заглянулъ подъ скамью. Весла столкнулись, рукоятки, какъ крабы въ корзинкѣ, сцѣпились другъ съ другомъ.... Пролетавшія надъ лодкой чайки, хотя русскаго языка онѣ не знали, шарахнулись отъ словеснаго дуэта сконфуженно въ сторону...

Кое-какъ, однако, съ полдороги отмахали. И когда на поворотѣ къ лѣсистому мыску надъ лодочными сараями въ комнатѣ стараго рыбака Фоліаса тускло заблистала далекая знакомая лампа — гребцы перевели духъ, бросили весла и потянулись къ папиросамъ.

Арнаутовъ сползъ со скамьи и вытянулся вдоль дна на сквозной рѣшеткѣ... Въ головѣ поплыла звѣздная карусель. Однако, онъ не сдался. Затянулся, сплюнулъ за бортъ и раскрылъ пасть:

— «Изъ-за вострова на стержень»...

Пѣлъ онъ «хоромъ» рѣдко, но когда пѣлъ, дѣйствительно казалось, что на прибрежныхъ скалахъ реветъ цѣлое стадо влюбленныхъ моржей. И въ любимой своей

пѣснѣ темное слово «стрежень» всегда замѣнялъ болѣе понятнымъ «стержень»...

Рѣдько сидѣлъ на кормѣ и взволнованно шарилъ по карманамъ.

— Стой, чертъ, быкъ іерихонскій! Вѣдь вотъ какая досада.

— Подтяжки лопнули?

— Хуже... — Художникъ сердито шлепнулъ весломъ по водѣ. — Капли я свои сердечныя въ пансіонѣ забылъ... Вѣдь вотъ, связался чертъ съ младенцемъ. Надо было ѣхать...

Арнаутовъ оглушительно заржалъ.

— Какія же тебѣ, душечка, капли помогутъ, когда отъ тебя джиномъ на два километра несетъ.

— Врачъ предписалъ. Даромъ я что ли пятьдесятъ франковъ за визитъ загубилъ?

— Пить онъ тебѣ тоже предписалъ? Охра ты стоеросовая...

— Капли и джинъ другъ друга... нейтрализуютъ. Ты человѣкъ сѣрый, агрономъ. Удобрять землю можешь, а въ высшую медицину лучше не вдавайся. Спичку лучше дай. Мои подмокли.... Что же я теперь, убей меня Богъ, безъ капель дѣлать буду?

Рѣдько, грузно навалившись вбокъ, потянулся за спичками. Въ тотъ же бокъ завалился и шарящій по дну Арнаутовъ.

И... съ фантастической быстротой высокій медицинскій разговоръ оборвался... Словно грузная утка, лодка перевернулась съ борта на бортъ и всплыла килемъ кверху. Лунная рябь неистово заплясала и изъ воды показались двѣ, раздѣленныя лодкой, обалдѣвшія до неузнаваемости головы.

— Стоишь?! — отплевываясь, прохрипѣлъ ошеломленный Арнаутовъ.

— А ты?..

— Стою.

— Почему же мы стоимъ? — скользя рукой по лодкѣ, спросилъ, заикаясь первый разъ въ жизни, но трезвымъ голосомъ Рѣдько. — Вѣдь до берега, Гос-по-ди, кусокъ-то ка-кой...

— Болванъ, шапку сними! — сердито черезъ лодку крикнулъ агрономъ.

Испуганный художникъ послушно сбросилъ съ головы прилипшую кэпку.

— Богъ спасъ! На подводной скалѣ стоимъ... На единственной подводной скалѣ между двумя заливами... Понялъ? Здѣсь, братъ, средней глубины этажей на двадцать хватитъ... съ гакомъ.

Художникъ оторопѣло перекрестился и застучалъ зубами.

— Ничего, ничего, Степушка. Не робѣй, живы будемъ. Весло перейми... Справа! Да справа же, песъ! Кто старше по службѣ?! Ну вотъ. Не сходи съ мѣста! Голову оторву....

Арнаутовъ нырнулъ подъ лодку и вынырнулъ рядомъ съ Рѣдько. Подвели вмѣстѣ руки подъ бортъ, рванули.. жить захочешь, силы вдвое прибудетъ — и оторвавъ бортъ отъ воды, перевернули грузную лодку скамьями кверху. Въ лодкѣ маслянисто колыхалась вода. Выкачивали шапками и всплывшей у кормы жестянкой. Работали молча и быстро, какъ на пожарѣ. Отъ вермута, пиперманта и джина въ головѣ ни одного градуса не осталось.

Сначала полѣзъ въ лодку коренастый художникъ, — Арнаутовъ по горло въ водѣ придержалъ вертлявый

бортъ. За художникомъ, отогнавъ его къ другому краю, осторожно балансируя, перенесъ въ лодку ноги, обутыя въ тяжелые американскіе ботинки-утюги и Арнаутовъ.

Молча взялись за весла. Гребли молча и быстро. Весла плавно ложились одно въ одно, съ вывертомъ разворачивались, уходили назадъ во всю длину до отказа и рвали воду словно на морскихъ гонкахъ... По ногамъ гулко переливалась черная вода. Маякъ уже не двоился и излучалъ съ перебоями на далекомъ выступѣ серебряный снопъ.

Шапокъ не надѣвали до самого берега. И съ каждымъ броскомъ, приближавшимъ къ залитому луннымъ дымомъ лѣсистому мыску, въ душахъ разгоралась неукротимая радость: живы!

***

Въ два часа ночи на русскомъ хуторѣ за прибрежными соснами вскинулись съ лаемъ собаки, но тотчасъ же, подобострастно повизгивая, смолкли: пришли свои.

Тетушка Варвара Петровна встрепенулась на своей скрипучей койкѣ, зажгла свѣчу и прислушалась.

— Брандахлысты пришли. Ну теперь до зари карнавалъ пойдетъ... Не могли, идолы, въ мѣстечкѣ допиться.... По всѣмъ заливамъ нелегкая носитъ....

Но «карнавалъ» вышелъ не совсѣмъ обычный. Въ лунное стекло робко постучалъ, справлявшій третьи сутки день рожденія, племянникъ агрономъ и подъ сурдинку заскулилъ покорно и ласково:

— Тетя Варя, отомкните... Утонули мы со Степой, честное слово. Прямо къ вамъ изъ подводнаго царства верхомъ на веслѣ доплыли.

Второй брандахлыстъ заискивающе добавилъ:

— Пожалуйста, тетя Варя... Блаженъ, иже и скоты милуетъ.

Варвара Петровна замоталась наскоро въ свое одѣяло на манеръ римскаго сенатора, бросилась къ окну и надставила ладони къ глазамъ.

Дѣйствительно... утопленники. Со штановъ горные потоки, пиджаки и сорочки облипли, волоса словно морскія водоросли по циферблатамъ размазаны...

Что за исторія?!. Ливня, кажись, не было — дворъ сухой. Гдѣ же это они такъ намокли?

— Переодѣться бы намъ, тетя Варя... — снова занылъ художникъ. — Добрѣй васъ во всемъ Варскомъ департаментѣ женщины нѣтъ. А я ужъ за это завтра портретъ вашъ въ одѣяльцѣ, съ родинкой на плечикѣ, во весь ростъ напишу...

— Тьфу, охальникъ!

Варвара Петровна запахнулась и кинулась къ комоду. Въ комнаты утопленниковъ не пустила, — тряпокъ не хватитъ лужи за ними подтирать. Выбросила въ окно на веранду двѣ сухихъ перемѣнки бѣлья, да капотъ свой съ хризантемами — художнику, да старую портьеру, что подъ рукой нашла, племяннику завернуться. Чѣмъ не карнавалъ?...

Брандахлысты переодѣлись и сконфуженно вошли въ комнату, стараясь не стучать по асфальтовому полу своими американскими копытами. Пыхтя и чертыхаясь, долго развязывали набрякшіе на шнуркахъ ботинокъ узлы, и смущенно, точно самимъ себѣ не вѣря, какая бѣда прошла надъ головой, — разсказали тетѣ Варѣ, что съ ними стряслось въ морѣ.

Тетя Варя только пухлыми ладошками всплескивала, ахала и крестилась... Голоса трезвые, глаза кроткіе, испуганные. Какъ у горлинокъ послѣ грозы.

— И сильно выпивши были? — недовѣрчиво спросила она.

— Полная выкладка! — авторитетно доложилъ племянникъ. — Сама Жильберта точку поставила. Ни въ кредитъ, ни за наличныя. Чего уже больше... Только подъ водой въ себя и пришли.

— Чудо Господне... Ангелъ Хранитель мѣсто выбралъ, не иначе, — задумчиво произнесла Варвара Петровна.

— Его или мой? — любознательно обратился къ тетѣ Варѣ Рѣдько.

— Ты что жъ, басурманъ, никакъ надсмѣхаешься?

— Я... ничего, тетя Варенька. Ужъ и спросить нельзя?

— Твой ли ангелъ, либо его, либо оба вмѣстѣ, — не вашего ума дѣло. По мнѣ и заботы вы такой не стоите.... Достойнѣйшіе люди тонутъ, младенцы невинные, а захочетъ Господь — шелудивую овцу изъ пучины вытянетъ.

— Спасибо, Варвара Петровна.

— Не на чемъ, изумрудъ мой. Вы бъ теперь оба, по настоящему, покаяніе на себя наложить должны. Совѣсть-то не однимъ джиномъ обмывается...

Племянникъ рѣшительно крякнулъ.

— Мы, тетя Варя, окончательно теперь пить зарекаемся.

— Отъ Вознесенья до новаго поднесенья?

— Будьте покойны. Послѣ сбора винограда чуть-чуть, ужъ это не въ счетъ, чтобъ сосѣди не обижались. А вообще... мухи не обсосемъ.

— Давай Богъ. А что жъ это дружокъ твой дрожитъ? — тетя Варя покосилась на художника.

— Промокли мы, какъ кефаль. Да потомъ въ мокромъ платьѣ гребли, вспотѣли. Каждый дрожать будетъ.

— Ладно. По рюмкѣ перцовки, такъ и быть, дамъ.

— Очень ужъ промокли... — задумчиво подтвердилъ художникъ. — По стаканчику бъ слѣдовало.

— А зарокъ?

— Что жъ... Вѣдь это жъ не пьянство, а вродѣ лекарства въ предупрежденіе подводнаго гриппа.

Тетя Варя разсмѣялась, отмѣрила брандахлыстамъ по стаканчику и пошла въ чуланчикъ прятать перцовку въ потаенное мѣсто.

Вернулась и строго сказала:

— Спать пора. Сбрую вашу мокрую я уберу. Ступайте съ Богомъ, не до зари тутъ съ вами файфъ-о-клоки перцовые распивать.

***

Въ надконюшенной пристройкѣ пріятели долго ворочались на пѣвучихъ пружинныхъ матрацахъ и вздыхали. На птичьемъ дворѣ заскрипѣла спросонья цесарка. Сквозь качавшіяся сосновыя лапы проплывало въ окнѣ блѣдное облако... Глухо шлепнуло невидимое море. Перцовка теплыми струями пробѣгала подъ кожей. Хорошо на твердой землѣ!

Рѣдько оторвалъ прилипшую выше локтя ленточку морской водоросли и подумалъ вслухъ:

— Да-съ. «И въ распухнувшее тѣло раки черные впились»... А тетя Варя, пожалуй, права. Я бы, напримѣръ, на мѣстѣ Ангела-Хранителя очень и очень подумалъ — стоило ли спасать такое золото, какъ мы съ тобой.

Агрономическій басъ сонно и кисло отозвался у противоположной стѣны:

— Тебя, можетъ быть, и не стоило. А о другихъ попросилъ бы не выражаться.

Февраль. 1928.

Колбасный оккультизмъ

(Разсказъ дѣлового человѣка).

Человѣкъ я не суевѣрный, некогда въ эмигрантской жизни такимъ пустякамъ предаваться. И по логикѣ разсуждая, черному коту, либо проѣзжающему покойнику, либо католическому попу поперекъ прохожихъ передвигаться по Парижу приходится. Не на аэропланахъ же имъ перелетать.

Тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыхъ поръ русскія объявленія за салатомъ пробѣгая, сталъ я задумываться. Печатаютъ же. Не зря Гутенбергъ свой наборный шрифтъ изобрѣлъ....

«Предсказываю прошедшее, разсказываю настоящее, заглядываю въ будущее. Брюнетамъ скидка. Имѣющимъ свою квартиру — льготныя условія платежа. Съ оккультнымъ привѣтомъ, Веранда Брахмапутра». И личико изображено соотвѣтственное.

Въ скидкѣ я (хотя и бывшій брюнетъ) не нуждаюсь. Подкожные франки, слава Богу, не перевелись. Перфектумъ и презенсъ меня тоже не интересуютъ. И даромъ извѣстно: несла наша курица въ прошломъ золотыя яйца; курицу зарѣзали, яйца разбили, пухъ по вѣтру гуляетъ... А кто ее зарѣзалъ, до сихъ поръ на диспутахъ спорятъ. Можетъ интеллигенція, а можетъ и неграмотные...

Настоящее наше вродѣ братской могилы. Что въ ней зря ковыряться? Но вотъ будущее, футурумъ, какъ выражались древніе греки, — вещь заманчивая. Вродѣ маяка на неизвѣстномъ островѣ. Можетъ тамъ финики сами въ ротъ падаютъ, можетъ тамъ вродѣ собачьей пещеры близъ Неаполя: тварь высокаго роста выживетъ, а низкорослая ноги протянетъ.

Дѣла разныя наворачиваются. Стоитъ передъ тобой какъ бы эмигрантскій столбъ, а на столбѣ написано: пойдешь прямо — послѣдній капиталъ потеряешь, пойдешь вправо — изъ Франціи вышлютъ, пойдешь влѣво — компаньонъ зарѣжетъ... Неразмѣннымъ рублемъ, однако, тоже не обзавелся. Ждать нельзя. Мысли, сомнѣнія, — какъ быть, съ кѣмъ посовѣтоваться? Вдовъ я, живу въ меблирашкахъ, на манеръ безплодной смоковницы... Сынъ одинъ въ Африкѣ фельдшеромъ, неграмъ піявки къ пупкамъ ставитъ; другой въ Ригѣ, въ танцклассѣ на какой-то собачьей кишкѣ играетъ. Отъ такихъ, хоть и по радіо, какой же совѣтъ.

Отъ французовъ тоже толку на сантимъ. «Са-ва, са-ва».. Какъ, молъ, поживаете? А чуть ты ему начнешь про ишіасъ свой разсказывать или что вчера во снѣ видѣлъ, его и званія не осталось. Такъ больше для упражненія въ вѣжливости спрашиваютъ.

Со своими земляками тоже разговоръ короткій. Каждый, какъ котъ въ океанѣ, барахтается въ неизвѣстномъ направленіи. Компасъ въ ломбардѣ, во рту горькая соль. Станетъ тебѣ такой совѣтовать...

Сталъ я свое довоенное образованіе перетряхивать. Окончательнымъ интеллигентомъ сдѣлаться не успѣлъ, пришлось въ Рязани послѣ отца переплетное дѣло разворачивать. Кормился — ничего. Тогда книги переплетали, теперь только зачитываютъ... Прогимназію успѣлъ

все-таки кончить: векселя и любовныя письма писалъ безъ ошибки.

Сталъ я вспоминать. Вѣрили же классическія разныя личности въ ауспиціи, по кишкамъ-внутренностямъ гадали. Гороскопы тоже астрологи составляли: по планетѣ, проходящей черезъ меридіанъ дня рожденія, всѣ штатскія и военныя операціи предсказывали. А ужъ пифіи совсѣмъ вродѣ гадалокъ были. Только безплатно работали и сѣрой отъ нихъ пахло. Да еще сидѣли не на четвероногомъ акажу-креслѣ, а надъ пропастью на трехъ ножкахъ. Разница не существенная. Александръ Македонскій на счетъ плана кампаній гадалъ, Клеопатра, можетъ, на внутренностяхъ любовниковъ въ будущее заглядывала... Самъ Конанъ-Дойль, міровой авторъ полнаго собранія похожденій, у загробныхъ сыщиковъ, на счетъ подброшенной младенческой ноги неизвѣстной національности, мнѣнія спрашивалъ. Ужели я, Иванъ Трофимовъ, рязанскій переплетчикъ, скептическіе вензеля выводить буду? Глупо.

Взялъ я карту Парижа, разложилъ на сомье. Улицу разыскалъ, метро краснымъ карандашемъ обвелъ, котелокъ рукавомъ навощилъ, съ ботинокъ меблированной салфеткой пыль вѣковъ смахнулъ — поѣхалъ. Потому подробно все описываю, что случай, дѣйствительно, выдающійся...

По дорогѣ все думаю, — правильно ли я къ ней, къ Брахмапутрѣ, въ коричневой тройкѣ, какъ парикмахеръ на панихиду, заявлюсь. Можетъ визитку бы рязанскую надѣть (она у меня вродѣ муміи Тутанхамона, безъ износу!). Случай все же торжественный, все равно, что судьбѣ визитъ наносишь. Да и дама вѣдь она, пифія-то

эта монмартрская. Докторъ оккультныхъ наукъ, почетный членъ бабелмандебской теософской академіи, — песъ натощакъ не выговоритъ... Про хвостъ ничего не сказано: съ хвостомъ она, какъ по Гоголю вѣдьмѣ полагается, или, такъ сказать, въ уровень съ модой — отрубила..

Выскочилъ изъ метровой дырки. Совѣстно. Будто голый въ витринѣ лежишь, а на грудяхъ этикетка: «вотъ старый дуракъ къ гадалкѣ собрался». Идти, — не идти? Рѣшилъ положиться на оккультную арифметику: если первый автомобиль на три дѣлится, — перстъ судьбы, надо идти. Гляжу изъ-за угла выкатываетъ, и сзади, такъ я и ахнулъ: 567. Четыре раза, подлецъ, дѣлится! Не пойдешь, — рыбьей костью, чего добраго, въ наказаніе за обѣдомъ подавишься...

Поднялся я на третій этажъ; лѣстница тухлой консьержкой припахиваетъ. Ткнулъ въ кнопку, дверь, какъ дверь, — ничего магнетическаго.

Отворяетъ этакая Агаша, домашняя рабыня россійскаго привоза. Глазъ голубой, веселый, вся въ припухлостяхъ. И румянецъ естественный, — арбузъ астраханскій въ разрѣзѣ. Даже отодвинулся я немного. Не за тѣмъ-съ пришелъ.

— Погадать, батюшка? Пожалуйте въ ожидальную, номерокъ я вамъ очередной выдамъ.

— Да тамъ много народу ли?

— Слава Богу. Табуретъ дополнительный изъ кухни принесла.

— Ну, мать моя, я послѣ зайду. Некогда мнѣ въ хвосты гадальные у васъ становиться...

Конфузно стало. Не предбанникъ тутъ, градъ ихъ побей... Буду я себя, солидный человѣкъ, ножки подъ табуретомъ поджавши, на общій позоръ выводить.

Рабыня, однако, свое дѣло знала. Дверь за спиной щелкъ, сама у меня палку и котелокъ изъ рукъ, словно у грудного младенца, беретъ, голосокъ подъ сурдинку перевела:

— У насъ, сударь, многіе изъ мужчинъ стѣсняются. Не сомнѣвайтесь. Корридорчикомъ я васъ въ столовую проведу. Ужъ васъ тамъ и водолазъ не найдетъ. А если вы мнѣ пять монетъ на сберегательную книжку пожалуете, я васъ промежъ двухъ барынь внѣ очереди втисну.

Втискивай. Что- жъ подѣлаешь, если самъ въ пятьдесятъ лѣтъ сдуру въ гадальную мышеловку влетѣлъ.

— Занятіе ваше — спрашиваетъ, — какое?

— Тебѣ зачѣмъ?

— Да такъ... На капитана одного черноморскаго очень вы въ профиль похожи.

— Гмъ... У меня, душа моя, и профиля почти нѣту: разнесло отъ меблированной сидячей жизни. Занятіе мое въ прошломъ сухопутное... Переплетное дѣло въ Рязани держалъ. А теперь къ колбасному производству тяготѣніе имѣю. Впрочемъ, тебѣ это ни къ чему. Поворачивай пятки.

Вхожу въ столовую. Дѣйствительно, кромѣ летающей моли, никого. Да въ дальнемъ углу на мои шаги проснулся на жердочкѣ ревматическій попугай, пѣгій старикъ. Почесалъ себя меланхолически клювомъ подмышкой и этакъ отчетливо, барственнымъ баскомъ порусски на всю столовую хрипло выразился:

— Еще одинъ.

Я отъ удивленія даже пиджакъ на верхнюю пуговицу застегнулъ.

— Кто-же это, — спрашиваю, — еще одинъ?

А онъ въ отвѣтъ безъ всякаго стѣсненія (развѣ жъ онъ, дьяволъ носатый, не на деньги кліентовъ свои насущныя сѣмячки лущитъ?) — прямо мнѣ въ носъ традиціонно ляпнулъ:

— Дурракъ.

***

Впрочемъ, въ дуракахъ я, слава Богу, не оказался. Совсѣмъ наоборотъ. Провела меня Агаша сквозь коридорныя Ѳермопилы, въ дверь по телеграфному коду постучалась: мужчина, молъ, — солидный — съ икрой.

Впустили. Сидитъ въ обыкновенной вѣнской качалкѣ этакій куличъ необъятный. Щечки — земляничное желе, грудь на пульмановскихъ корсетныхъ рессорахъ, глаза двѣ коринки, — ничего мистическаго. Что жъ, можетъ у нея главная сила внутри скрыта. Какъ жемчугъ въ устрицѣ... На столѣ тоже ни череповъ, ни змѣй въ банкѣ. Самая ординарная бутылка мадеры, да халва на блюдечкѣ.

Поздоровалась за руку и завела сразу. Весь свой гадательный прейсъ-курантъ выложила:

— Желаете на картахъ въ двѣ колоды съ варіяціями? За прошлое десять франковъ приплаты. Или по-болгарски на кофейнотурецкой гущѣ? Спеціально для пожилыхъ особъ, которыя еще не погасши... Можно и по рукѣ, по разверзтой ладони, полная хиромантія души со всѣми буграми, линіями и перекрестками за 25 франковъ. Многіе тоже по почерку, какъ на рентгеновской скелетной фотографіи, обнаруживаются. Способъ особо научный... Выбирайте.

Я ее сразу и укоротилъ. — Если я къ вамъ, какъ къ врачу по внутреннимъ душевнымъ болѣзнямъ пришелъ,

съ какой стати я самъ для себя леченіе выбирать буду? Банки ли мнѣ наружныя ставить, или цитварное сѣмя внутрь принимать? Это, простите, вашу фирму не рекомендуетъ.

Она насупилась, зубами и корсетомъ скрипнула и говоритъ:

— Я и безъ васъ знаю, какой способъ кому соотвѣтствуетъ. Мнѣ только надо было тембръ голоса вашего услышать, чтобъ фибры ваши сообразить. Голосъ у васъ тихій, но несимпатичный... А гадать я вамъ по книжной рулеткѣ буду... Покажите, между прочимъ, вашу руку. Гмъ... Бугоръ Юпитера у васъ вонъ какъ выпячивается. Властолюбіе.

— Дѣйствительно, — отвѣчаю. — Каракалла во мнѣ тайный сидитъ, только наружу выйти не можетъ. Французскіе законы не позволяютъ.

Покосилась она на меня вбокъ, насмѣшки не поняла, образованіе не такое...

— Можетъ быть, желаете десять франковъ доплатить, попугай вамъ изъ урны билетикъ съ настоящимъ вытянетъ.

— Спасибо, матушка. Онъ мнѣ въ столовой безплатно уже все изустно сообщилъ. Прошедшимъ не интересуюсь: подобно оно одуванчику на могильной плитѣ. А настоящее, пока мы болтаемъ, зря изъ пустого въ порожнее въ прошедшее переливается. Дѣло мое серьезное, отвѣтственное. Одна нога здѣсь, другая тамъ, посрединѣ Рубиконъ. Либо изъ меня золотой телецъ выскочитъ, либо собачій хвостъ въ репейникѣ. Не томите, матушка, прошу васъ покорно.

— Такъ бы сразу и сказали.

Снимаетъ она съ полочки надъ головой пузастень-

кую книжечку. Жестъ франкмасонскій сдѣлала, открыла, гдѣ попало, и спрашиваетъ:

—Правая страница или лѣвая? Отвѣчай сразу, не подумавши, будто кто тебя шиломъ въ бокъ колетъ.

— Правая.

— Строка какая?

— Двѣнадцатая.

— Сверху или снизу?

— Снизу...

Повела она пальцемъ, нашла и... читаетъ:

— **«Свиную щетинку въ кудри не завьешь».**

Скажи на милость! Вѣдь это жъ прямо намекъ. Валите, говорю, дальше. Опять она раскрыла.

— Страница?

— Правая!

— Строка?

— Семнадцатая!

— Слѣва?

— Справа!

«Около кости мясо слаще»..

Такъ я и взвился. Ясный намекъ на колбасное производство. Ну, до трехъ разъ... валите. Веранда, какъ васъ по батюшкѣ... Брахмапутровна.

И, представьте себѣ, по третьему разу полное, можно сказать, подтвержденіе:

«Свинья чешется — къ теплу, а визжитъ — къ ненастью»...

Вотъ тебѣ и суевѣріе! Прямо въ мою свиную мишень всѣ три стрѣлы.

Выпилъ я воды, паузу сдѣлалъ, — взволновался очень. Что въ самомъ дѣлѣ за колбасный спиритизмъ?...

А она сидитъ, перстами играетъ, улыбка во весь

медальонъ: что ,молъ, фирма моя теперь тебѣ нравится?

— Какъ же, — говорю, — сударыня, вы такъ навели, что всѣ мои колбасныя мечтанія передъ вами, какъ на ладони, вскрылись?

— Кто, милый, какимъ товаромъ торгуетъ: одинъ обыкновенными сосисками, другой высшимъ животнымъ гипнотизмомъ... Теперь я вамъ самое существенное за тотъ же гонораръ и предскажу. Недорогую подержанную машину для производства, небось, ищите?

— Ищу.

— И мастера, который непьющій, изъ русскихъ?

— Господи! Третью недѣлю по всѣмъ газетамъ объявленія тискаю.

— Помѣщеніе тоже, поди, требуется? Бай на девять лѣтъ, да на окраинѣ, чтобъ колбасные твои ароматы жильцамъ не мѣшали?

— Прямо въ точку!

— Ну ладно. Открывай смѣло. Моя рука полевого вѣтра легче. Какъ имя?

— Иванъ Трофимовъ.

— Въ крутомъ буеракѣ лютыя собаки. Въ лѣсъ дорога, на пупкѣ тревога, внутри ярмарка... На морѣ, на взморьѣ, на бѣлой салфеткѣ, въ бурой жилеткѣ сидитъ рабъ Иванъ подъ деревомъ-лозою, торгуетъ ливерною колбасою... Ступай теперь домой, а вечеромъ навѣдайся. На счетъ непьющей машины, подержаннаго мастера и всего прочаго все тебѣ точно обскажу...

Устала бѣдная, отъ напряженія фибръ, — заговариваться стала и глаза прикрыла. Даже сѣрой, могу сказать, запахло... Сунулъ я ей за ошейникъ двойную противъ таксы мзду и на цыпочкахъ вышелъ. Съ лѣстни-

цы отъ радости козломъ скатился... Вотъ тебѣ и суевѣріе!

**
*

Дѣло мое (тьфу, тьфу!) теперь на мази. Мастеръ только тогда и пьетъ, когда я самъ запиваю — надо жъ хозяина уважить. Машина подержанная попалась прямо, какъ новобрачная. И помѣщеніе — ателье первый сортъ. Все она — Брахмапутра....

Чайная, ливерная, охотничьи сосиски, полендвица такъ залпомъ и расходятся. Не то, что среди эмигрантовъ, этихъ не удивишь, — французы, народъ гастрономическій, нарасхватъ берутъ. А что процентъ гороховой муки въ чайной колбасѣ у меня свыше нормы, наплюйте тому промежъ глазъ, кто говоритъ. Изъ зависти. Горохъ — не стрихнинъ... Хоть розовое масло клади, все равно брехать будутъ...

Гадалкѣ, конечно, каждое первое и пятнадцатое разнаго свинства посылаю: она для меня все равно, что Муза, все дѣло направила, нельзя свиньей себя оказать. И Агашѣ перепадаетъ. Разживусь еще, перетяну ее въ свой розничный — кассиршей. Руно ей на головѣ подстричь, совсѣмъ вродѣ пасхальнаго поросенка, — симпатичная дамочка выйдетъ.

А книжку, по которой гадалка колбасную мою судьбу мнѣ раскрыла, по дружбѣ я у нея на подержаніе взялъ. «Томъ второй, пословицы русскаго народа, собранныя Далемъ».

Пробовалъ было на разные случаи самъ себѣ гадать, — фасонъ не тотъ. Я о скоропостижной любви къ примѣру загадаю (въ 55 лѣтъ въ Парижѣ только бодрая осень разворачивается, особливо кто при своемъ дѣлѣ), а по книжкѣ, бѣсъ его знаетъ, что выходитъ:

«Будетъ корова, будетъ и подойникъ».

Или:

«У кого голосу нѣтъ, тотъ и пѣть охочъ».

Какъ будто вродѣ насмѣшки. Нѣтъ, стало быть, во мнѣ этого самого оккультнаго перцу. И придется ужъ, видно, къ пифіи моей по спеціальному этому вопросу опять обращаться.

1928.

Купальщики

1.

Мулъ

Въ конюшнѣ душно. Сквозь настежь распахнутую верхнюю половинку двери влетаетъ и вылетаетъ ласточка. У нея надъ дверью гнѣздо — пять пискливыхъ ртовъ, работы до вечера хватитъ.

Мулъ косится на ласточку и нетерпѣливо лязгаетъ цѣпью. Почему верхняя поперечная половинка распахнута? Рядомъ въ сараѣ не гремѣла высокая двуколка, не скрипѣли ворота, не хлопались черезъ порогъ выкатываемыя колеса, хозяинъ не чертыхался на незнакомомъ языкѣ. Соломенная съ дырками шляпка и конусообразный, похожій на кактусъ, хомутъ висятъ на своихъ колкахъ... Мулъ хлопаетъ плсскимъ копытомъ въ асфальтъ — нервничаетъ.

— Купаться, такъ купаться... Чего зря томить? Въ спину пыль въѣлась, а почесать нечѣмъ...

Знакомая кудлатая голова въ шляпѣ лопухомъ показывается въ солнечномъ квадратѣ двери.

— Ну, ты, лѣшій!

Мулъ улыбается: какъ старая кокетка, поджимаетъ губу и оттопыриваетъ ее ковшикомъ. «Лѣшій»... Должно быть, это самое ласкательное слово на незнакомомъ языкѣ.

Онъ выходитъ за человѣкомъ во дворъ. Человѣкъ, не оборачиваясь, идетъ среди сосенъ, заложивъ за спину руки. Мулъ за нимъ съ сосновой кисточкой въ зубахъ, — любимая его закуска на свѣжемъ воздухѣ. Сейчасъ за поворотомъ сквозь сосновыя лапы мелькнетъ синезеленая полоса: верхняя краска — небо, нижняя — море. Словъ этихъ мулъ не знаетъ, но на синее такъ пріятно смотрѣть послѣ конюшенной мглы, а въ зеленую, прохладную жидкую краску онъ сейчасъ окунетъ бока.

Человѣкъ по дорогѣ раздѣлся, — подъ можжевельникъ бросилъ штаны, подъ старую лодку — куртку. Въ полосатыхъ, болтающихся, какъ на ходуляхъ, трусикахъ, костлявый и жилистый, въ шляпѣ шлыкомъ, человѣкъ самъ сталъ похожъ на лѣшаго, но мулу не до него. Вошелъ, томно подбирая копыта, въ зеленое лоно по самое пузо и застылъ.

Рука съ черпакомъ нагибается и подымается, окатываетъ спину. Спина блеститъ, словно автомобильный кузовъ, и вздрагиваетъ послѣ каждой порціи свѣтлой влаги. Мулъ опускаетъ въ воду морду. Пьетъ?... Развѣ можно средиземную воду пить, — полынь съ солью? Куцый и жидкій хвостъ, похожій на вставленную изъ озорства затертую метелку, ходитъ во всѣ стороны: мулъ наслаждается, — онъ полощетъ ротъ.

Человѣкъ швырнулъ черпакъ на песокъ, напялилъ на мула свою острую шляпу и поплылъ къ камню, вскидывая граблями руки. Мулъ, наконецъ, свободенъ. Безъ класснаго наставника.

Осторожно пробуя копытами дно, онъ входитъ въ море по самую шею, останавливается, глубоко вздыхаетъ и смотритъ. На далекій, расплывающійся въ солнечной ряби островъ, на выплывающій изъ-за мыса

фрегатъ, на похожую на розоваго мула тучу, на чайку, съ наглымъ крикомъ пролетающую взадъ и впередъ мимо морды....

Косится на прозрачную, тихую воду: треугольникъ за треугольникомъ плывутъ къ нему подъ водой косяки игольчатыхъ свѣтлыхъ рыбокъ. Проплываютъ подъ пузомъ, — мулъ повернулъ голову, — выплываютъ съ другой стороны... Жукъ! Мулъ прислушался и застылъ. И кто его знаетъ, если бы снять въ этотъ моментъ его глазъ, только одинъ глазъ, показать вамъ и спросить: чей это глазъ? — вы бы, пожалуй, отвѣтили: «это глазъ поэта, который сочиняетъ стихотвореніе въ прозѣ»...

Да. Но изъ моря выходитъ человѣкъ и слизываетъ катящіяся съ носа на губу соленыя капли. Мулъ огорченно вздыхаетъ, поворачиваетъ подъ водой свое охлажденное до самой селезенки крѣпкое тѣло и покорно идетъ за человѣкомъ на берегъ.

2.

Молодая собака.

Мальчикъ и дѣвочка сидятъ у воды и сохнутъ. Сквозь закрытыя вѣки мутно дрожитъ въ глазахъ оранжевая мгла солнца. Сохнуть ли дальше или опять полѣзть въ воду, разбрасывая колѣнками веселыя брызги?

Но за спиной льстивый, осторожный визгъ. Дѣти переглядываются и на невидимыхъ шарнирахъ поворачиваются спиной къ морю.

— Хэпи, Хэпи, Хэпи! Иди сюда, душечка.

Но душечка Хэпи, собачій недоросль и комикъ, не хочетъ. Онъ смертельно боится воды. И онъ до сердце-

біенія, до судороги въ ногахъ обожаетъ мальчика и дѣвочку.

Закативъ глаза и горестно повизгивая, проползъ онъ къ нимъ нѣсколько шаговъ на брюхѣ, оставивъ въ пескѣ широкую борозду....

...Дальше не рѣшается. Ни за что на свѣтѣ! Вѣдь онъ знаетъ, чѣмъ это можетъ для него кончиться.

— Хэпи, Хэпи, Хэпичка!

Онъ страдаетъ. Извивается, какъ грѣшникъ на раскаленной сковородѣ, подобострастно вертитъ хвостомъ и скулитъ:

— Пожалуйста... Умоляю васъ... Подойдите лучше вы ко мнѣ! Я оближу ваши руки и пятки, перевернусь черезъ голову два и еще два раза... Отнесу домой въ зубахъ ваши купальные костюмы, хотя соленая вода такъ противна... только не зовите меня къ себѣ...

Онъ третъ лапой переносицу, — убѣдительнѣй жеста у него нѣтъ, — и смолкаетъ. Шоколадная помѣсь гіены съ таксой, лягаша съ кенгуру, онъ очень некрасивъ, бѣдный Хэпи, но преданнѣе и нѣжнѣе сердца вы не найдете отъ Тулона до Ниццы.

Дѣти снова переглядываются и встаютъ на невидимыхъ пружинкахъ. Дѣвочка заходитъ справа, мальчикъ — слѣва. Они притворяются, что ищутъ на пескѣ наперстокъ, который бабушка потеряла вчера на пляжѣ. Но Хэпи понимаетъ, какой это наперстокъ... Все круче заворачиваютъ къ собакѣ загорѣлыя дѣтскія пятки. Удрать? Но развѣ Хэпи смѣетъ? Онъ закрываетъ лапами глаза и дрожитъ: жарьте меня, рѣжьте меня, ѣшьте меня — я покоряюсь...

Гибкіе дѣтскіе пальцы просовываются подъ брюхо, песокъ вѣдь подрыть не трудно, и отрываютъ Хэпи отъ милой, твердой земли. Несутъ...

Дѣвочка на ходу поддерживаетъ вытянутыя заднія собачьи лапы. Хэпи слабо ими подергиваетъ, вѣдь онъ не смѣетъ по-настоящему сопротивляться. Все кончено, все погибло. Но благородное сердце стало еще благороднѣй: Хэпи по дорогѣ вскидываетъ голову и пытается острымъ языкомъ лизнуть мальчика въ глазъ, въ ухо, въ переносицу — куда попадетъ.

—Хэпи, перестань! Хэпи, кому я говорю...

Видите, — даже цѣловаться въ такую минуту запрещаютъ...

Внизу хлопаетъ страшная, необъятная вода, вверху надъ мордой качается облако.

Дѣти зашли въ воду по грудь и разжали пальцы. Вскипаетъ бѣлозеленый пузырь, и сразу съ мѣста въ карьеръ Хэпи поворачиваетъ къ берегу. Остервенѣло гребетъ лапами... Пѣны, какъ отъ колеснаго парохода! Выпученные глаза впились въ берегъ, еще шагъ, еще полъ шага...

Подъ лапами зашипѣлъ песокъ... Хэпи, словно мокрый Петрушка, съ визгомъ вылетаетъ на пляжъ, брызги — стеклярусомъ, и мчится, пронзительно скуля, къ гигантской соснѣ.

Подъ сосной — передышка. Хэпи не желаетъ, чтобы на немъ хоть одна капля морской воды осталась: зарывается въ песокъ, прорываетъ въ немъ, раскинувъ по-тюленьи лапы, траншею и долго валяется за можжевельникомъ на любимой падали, старой бараньей шкуркѣ.

А потомъ поворачивается къ морю и начинаетъ лаять. Не на дѣтей, нѣтъ, — развѣ онъ смѣетъ? На море.

— Ты зеленая лужа! Гадость, гадость, гадость!

Дѣти снова сохнутъ на берегу. На лай Хэпи вскаки-

ваютъ, смѣясь, и дѣлаютъ видъ, что опять хотятъ къ нему подобраться.

Хэпи не выдерживаетъ: поджимаетъ хвостъ къ животу и галопомъ мчится къ дому сквозь колючіе кусты напроломъ, оглашая заливъ отчаянной собачьей жалобой:

— Второй разъ купаться?!.. Мучители, терзатели, купатели!

А за спиной подлаиваютъ дѣвочка и мальчикъ. И до того имъ вдругъ стало весело и смѣшно, что они, совсѣмъ уже во второй разъ высохшіе, снова бросились въ свѣтлозеленую воду и стали другъ друга серебрянымъ морскимъ стеклярусомъ окатывать.

3.

Мальчикъ съ селезнемъ.

Самый маленькій житель въ русской приморской усадьбѣ — Бобъ. Очень дѣловитый, очень хозяйственный мальчикъ и заботъ у него больше, чѣмъ у министра земледѣлія. Жаба у ручья пчелъ лопаетъ, — непорядокъ. Кошка у колодца лучшую дыню выѣла — надо поймать и наказать. Не для кошекъ сѣмена изъ Риги выписывали... Старый кроликъ, когда Бобъ его вчера кормилъ кочерыжками, отгрызъ у бобиной курточки пуговку и проглотилъ.... Что теперь съ нимъ будетъ? Касторки ему дать, что ли?

Но одна забота даже и во снѣ Боба мучитъ. Колодцы пересохли, въ цистернахъ вода на донышкѣ. Утки на птичьемъ дворѣ стучатъ клювами въ сухой, врытый въ землю бакъ и скучаютъ. Перепонки на лапкахъ потрескалась... Вѣдь этакъ у нихъ чахотка развиться можетъ.

И додумался. Взялъ старшаго селезня и понесъ подмышкой къ морю. А сзади сдобный, ухмыляющійся дѣдушка въ синежелтомалиновомъ халатѣ тѣлохранителемъ поплелся.

Селезень не Хэпи, птица солидная, лапами не дергаетъ. Сидитъ важно подмышкой и покрякиваетъ: мальчикъ знакомый, несетъ — значитъ, такъ надо.

У воды Бобъ птицу на песокъ спустилъ, къ лапѣ бечевку привязалъ, другой конецъ дѣдушкѣ въ руку сунулъ:

— Ты, дѣдушка, не давай уткѣ заплывать... А то она увлечется, до самой Корсики поплыветъ! Знаемъ мы ихъ...

Боже мой, до чего утка разволновалась... Крылья вверхъ, на цыпочкахъ подымается, восклицанія какія-то утиныя издаетъ... Сколько воды, ахъ, сколько воды! И вошелъ селезень въ воду, поплылъ, бечевку натянулъ, шейку выгибаетъ — лебедемъ прикидывается, ныряетъ, крыльями себя окачиваетъ.. Совсѣмъ одурѣла съ радости птица.

Дѣдушка, само собой, свое дѣло исполняетъ: ходитъ по берегу, веревочку подергиваетъ, пасетъ въ морѣ утку.

А Бобъ сбоку въ водѣ изъ старой консервной жестянки селезня поливаетъ, какъ утромъ человѣкъ мула поливалъ.

Однако, скоро понялъ селезень, что воды много, да нехорошая какая-то вода: жесткая, соленая, въ горло попала, не отчихаешься никакъ... Потянулъ селезень къ берегу. Бобъ его назадъ загоняетъ. а онъ упирается. Бобъ кричитъ, селезень кричитъ, дѣдушка кричитъ... Добрался все-таки селезень до берега. Присѣлъ на земь и завялъ. Зачичканный какой-то сталъ, словно облѣзлая

галка. Клювъ раскрылъ, тяжело дышетъ, крыло по песку волочитъ. Еще, не дай Богъ, въ обморокъ упадетъ...

И поплелась процессія обратно къ дому. Впереди синій Бобъ съ селезнемъ, оба мокрые, оба дрожатъ. Сзади сердитый дѣдушка. А совсѣмъ сзади ползкомъ за кустами любопытный Хэпи:

— Что?! Докупались?

Буйабесъ

Родители поѣхали впередъ. А дядя Петя отважно взялся везти дѣтскую команду: Гришу, Савву, Надю и Катеньку (восьми, девяти, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ).

Изъ Парижа до Тулона добрались благополучно. Попутчикъ по купэ третьяго класса, толстый негръ съ сѣдой паклей на головѣ, такъ разоспался, что все норовилъ во снѣ положить свою ногу Саввѣ на плечо, но Савва не сдался, — пять разъ сбрасывалъ негритянскую ногу и, наконецъ, побѣдилъ... Негръ спалъ съ широко разинутымъ ртомъ; Гриша хотѣлъ было заткнуть ему ротъ алюминіевымъ яйцомъ для заварки чая, однако, дядя Петя не позволилъ и заявилъ, что это «некультурно».

Въ Тулонѣ дядя Петя оплошалъ. Багажъ — уйму пакетовъ и пакетиковъ съ дачной рухлядью — по-русскому обычаю везли въ вагонѣ — и вотъ не догадался дядя, переправляясь въ Тулонѣ съ большого вокзала на узкоколейный, сѣсть съ дѣтьми въ трамвай, а багажъ на переднюю площадку впихнуть.

Вмѣсто того, взялъ извозчика. Лошади — два прилизанныхъ одра въ соломенныхъ шляпахъ, коляска — заглядѣнье — надъ головами бѣлый балдахинъ съ висюльками, сидѣнья вязаными салфеточками покрыты...

Сѣсть даже боязно, какъ бы такой чистоты пыльными штанами не испачкать.

Зато и содралъ извозчикъ: пятнадцать франковъ за десятиминутную черепашью рысь! Дядя Петя раньше не сторговался въ суматохѣ и очень былъ огорченъ. Не такъ цѣной, гдѣ ужъ наше не пропадало, сколько свинствомъ. Городъ такой симпатичный, на Севастополь даже чуть-чуть похожъ, а извозчикъ такой неблагодарный попался.

Не выдержалъ дядя и сказалъ:

— Въ Парижѣ, сударь, шофферъ за такой конецъ втрое дешевле беретъ, а у васъ въ Тулонѣ простому извозчику столько платить приходится... Надо же и границу знать.

А извозчикъ, черноусый моржъ, обернулся, дерзко дядѣ подмигнулъ и отвѣтилъ:

— Въ Парижѣ? Хо! Зато у насъ есть «буйабесъ»!

***

Слово пріятное, что и говорить... Но что оно значитъ, даже дядя Петя не зналъ, даромъ что когда-то ветеринарный институтъ окончилъ и имена всѣхъ жуковъ на свѣтѣ зналъ.

Надюша рѣшила, что «буйабесъ» — это, вѣроятно, тулонская наклонная башня... Почему бы и Тулону не имѣть такой башни для туристовъ? За входъ по три франка, а упадетъ — будутъ развалины осматривать. Старшая, Катенька, самая умная, высказала догадку, что «буйабесъ» должно быть тулонское матросское ругательство; кучеръ былъ нахалъ — это ясно, а въ приморскихъ городахъ кучера ругаются по матросски.

Гриша и Савва даже поссорились. Гриша увѣрялъ

всѣхъ, что такъ называется по-провансальски бой быковъ, — онъ самъ видѣлъ на афишѣ, когда извозчикъ проѣзжалъ мимо, — два быка изъ лошади внутренности выпускаютъ, а сбоку стоитъ «быкадоръ» со шпагой и на груди у него надпись «буйабесъ».

Савва клялся, что никакой афиши не было и въ доказательство щелкнулъ Гришу кодакомъ по головѣ, дядя Петя, конечно, разсердился и заявилъ, что это некультурно...

Словомъ, только въ провансальскомъ рыбачьемъ поселкѣ, когда пріѣхали на мѣсто — все разъяснилось. У синяго залива старикъ - рыбакъ варилъ на опушкѣ прибрежной рощицы знаменитую провансальскую похлебку изъ красной рыбы и прочихъ морскихъ жителей, заправленную... чѣмъ только не заправленную! Дачники похваливали — и называлась эта похлебка «буйабесъ»...

Такое кухмистерское открытіе сперва разочаровало дѣтей. Французская уха, эка невидаль, нашелъ чѣмъ извозчикъ хвастать! Если бы еще мороженое какое-либо особенное изъ кактусовъ или изъ китовыхъ сливокъ — это дѣйствительно достопримѣчательность не хуже пирамиды, а супъ изъ рыбы.... кушайте сами.

Однако, почему же всѣ ѣдятъ, не наѣдятся? Американцы пріѣзжали на зеленомъ автомобилѣ, заказали къ воскресенью восемь порцій, знакомый инженеръ говорилъ, что это не блюдо, а «лунная соната».. Можетъ быть, рыбакъ въ этотъ супъ жемчугъ кладетъ для вкуса? Ну нѣтъ, развѣ тогда продашь порцію за четыре франка?

Надо было попробовать... Можетъ быть, дѣйствительно, не стоитъ тогда ѣсть ни китайскихъ орѣшковъ, ни леденцовъ-сосулекъ, ни фисташковаго мороженаго, — только одинъ «буйабесъ», чтобы потомъ было о

чемъ въ Парижѣ вспоминать... Это тебѣ не Па-де-Кале съ бульономъ изъ прошлогоднихъ костей!

Но отецъ сказалъ: « ни въ какомъ случаѣ». Во-первыхъ, перецъ вредно вліяетъ на дѣтскій организмъ, — хотя Гриша и божился, что у него организмъ «мужественный», и что онъ въ доказательство готовъ проглотить цѣлую чайную ложечку перца даже безъ облатки. Во-вторыхъ, сказалъ отецъ, въ «буйабесъ» кладутъ какихъ-то морскихъ таракановъ, ежей и головастиковъ... Дѣти пошептались и рѣшили, что головастики туда-сюда, изъ любопытства отчего бы не съѣсть. Но морской ежъ... Проглотить его дѣло не легкое, а что съ нимъ потомъ дѣлать?

**
*

Внукъ рыбака, маленькій, загорѣлый, словно его въ шоколадѣ выкупали, Пьеръ, открылъ Надѣ секретъ: никакихъ головастиковъ, никакихъ морскихъ ежей... Надя Пьеру очень нравилась, — она вышила его дѣдушкѣ закладку для библіи съ надписью на русскомъ языкѣ «рыбакъ рыбака видитъ издалека», она остригла по дружбѣ Пьеру волосы, правда, грядками, «вродѣ виноградника», какъ говорилъ дѣдушка, — но все-таки остригла... Уши остались цѣлы, а вѣдь это самое главное.

Пьеръ открылъ Надѣ секретъ, какъ готовить «буйабесъ», только взялъ съ нея слово, что когда она выраcтетъ и вздумаетъ стряпать это кушанье для американцевъ-туристовъ, то чтобъ она не дѣлала этого на ихъ берегу, а то дѣдушка не выдержитъ конкурренціи и прогоритъ.

Надя поклялась, и Пьеръ сидя верхомъ на старой опрокинутой лодкѣ, все ей разсказалъ, какъ умѣлъ.

«Въ буйабесѣ главное — красная рыба... Колючая морда, выпученные глаза, — красносѣрая чешуя, красные плавники и хвостикъ. Для навара, чтобы крѣпче моремъ пахло, подбавь маленькихъ крабовъ, мулей, бѣлыхъ ракушекъ, креветокъ, маленькихъ осьминоговъ... Дѣдушка старъ, плохо видитъ, онъ иногда и морскую звѣзду въ котелъ бухнетъ, а разъ мнѣ целлюлоиднаго дельфина знакомая дѣвочка подарила, такъ онъ и дельфина сварилъ. Приправа — лавровый листъ, шафранъ, чеснокъ, перецъ, лукъ, соль... Ты дѣвочка, что жъ тебѣ объяснять... Всего восемнадцать специй. Вышей дѣдушкѣ еще одну закладку, онъ тебѣ самъ все разскажетъ. А шафранъ продаютъ въ аптекѣ, въ пакетикахъ — порошкомъ. На каждаго американца — по одному пакетику. Полчаса кипитъ, полчаса черезъ край бѣжитъ, полчаса дѣдушка трубку прочищаетъ. Поняла?

***

Надюша поняла. Позвала сестру и братьевъ, шептались, шептались и дошептались. Родители все говорятъ — «будьте самостоятельны». Хорошо! Прекрасно! Вотъ и приготовятъ буйабесъ сами и принесутъ родителямъ попробовать. Пусть тогда не выдумываютъ про головастиковъ и морскихъ ежей и свинокъ... и не бранятъ знаменитаго блюда, не попробовавши.

Ковшикъ красной рыбы и всякую морскую мелочь далъ сосѣдъ-рыбакъ, — дѣти ему не разъ помогали сѣти въ лодку укладывать и рыбу разбирать. Среди красной попалась и «тигровая» рыбка — зеленая съ оранжевой ленточкой вдоль боковъ... Чѣмъ зеленая хуже красной? Сойдетъ.

Мальчики вырыли подъ берегомъ ямку, выложили ее внутри и оградили вокругъ отъ вѣтра камнями, а по-

перекъ вмѣсто плиты приладили два куска ржаваго обруча отъ старой бочки. Очагъ всегда строятъ мальчики, и пока онъ не былъ готовъ, дѣвочки не имѣли права подходить ближе двадцати шаговъ, — такое условіе поставилъ Гриша.

Въ чемъ варить? Савва принесъ было найденную имъ въ водоросляхъ жестянку изъ-подъ керосина, но дѣвочки разсердились и посовѣтовали Саввѣ сдѣлать себѣ изъ этой жестянки цилиндръ и носить по воскресеньямъ. Къ счастью, у сарая для лодокъ стояло старое ведро и такъ какъ на немъ не было написано, кому оно принадлежало, то дѣти рѣшили, что они «нашли» это ведро, — а найденное старое ведро, какъ извѣстно, пріятнѣе всякой кастрюли.

Катя принсла изъ аптеки пять пакетиковъ съ шафраномъ: по полъ пакетика на дѣтскую порцію и по пакету на родителей и дядю Петю. Чеснокъ, соль и перецъ вымѣняли у сосѣда рыбака на портретъ Лермонтова изъ хрестоматіи, который рыбакъ немедленно приклеилъ надъ койкой между фотографіями своихъ ближайшихъ родственниковъ.

Чистили рыбу всѣ вмѣстѣ, — чешуя, впрочемъ, только вставала подъ ножемъ ежикомъ и шипѣла, но почти вся оставалась на своемъ мѣстѣ. У каждаго была своя манера: Гриша срѣзалъ у рыбъ только хвосты. Савва только головы, Надюша — и головы и хвосты, а Катя отдала строгое распоряженіе на счетъ рыбьихъ внутренностей и сама ушла за прѣсной водой...

Дѣти обидѣлись:

«Принцесса нидерландская! Мы должны кишки чистить, а она на каблучкахъ вертится... Ни за что»!

Такъ рыба съ кишками въ ведро и полетѣла. А у ра-

кушекъ и кишокъ, слава Богу, нѣтъ, сполоснули и въ воду....

Пламя лизало ведро, вода забулькала и забурлила по краямъ буграми. Снимали пѣну и сторожили ведро всѣ по очереди и, понятно, каждый по очереди подсыпалъ то перца, то соли, а Гриша, когда остался одинъ, даже горсть китайскихъ орѣшковъ подбросилъ, — пусть и они свой наваръ дадутъ...

Каждую минуту пробовали: на «лунную сонату» все еще не было похоже, но не варить же цѣлыя сутки. Это, наконецъ, скучно! Сняли ведро съ огня, продѣли сквозь ручку корягу и понесли вчетверомъ свой дымящійся «буйабесъ» — угощать родителей и дядю Петю.

***

Мама оказалась хитрѣе, чѣмъ можно было ожидать.

— Сами сварили? Настоящій буйабесъ? Вотъ и чудесно... Я сегодня, кстати, изъ-за головной боли и обѣда не готовила... Вы вѣдь еще не ѣли а?

— Нѣтъ, мы только пробовали....

Дѣти переглянулись: мать налила каждому по полной тарелкѣ, налила и себѣ. Попробовала, закашлялась и похвалила.

— Очень, очень вкусно! Что же вы не ѣдите?

Пришлось ѣсть... Савва потомъ увѣрялъ, что у него въ животѣ точно пороховой складъ взорвался... Гриша чуть ракушкой не подавился, а Надя только тѣмъ отъ буйабеса и спаслась, что усердно принялась Гришу по спинѣ колотить, — это вѣдь первое средство, когда кто-нибудь поперхнется.

А дядя Петя пришелъ, попробовалъ и сказалъ:

— Амброзія! По настоящему рецепту въ буйабесъ для навара еще парочку резиновыхъ каблуковъ кладутъ... Въ слѣдующій разъ, когда будете варить, возьмите у меня въ ночномъ столикѣ.

И трудно было понять, серьезно онъ это говорилъ или только такъ... дразнился.

Замиритель

Въ углу этапнаго двора, на крышѣ земляного погреба, густо пробивалась изумрудная весенняя щетина.

Кирпичныя стѣны казармъ цвѣта побурѣвшей говядины, съ четырехъ сторонъ обрамляли этапный пунктъ.

Возвращавшійся на фронтъ съ побывки ефрейторъ Егоръ Пафнутьевъ, развалясь у насыпи погреба, поправилъ свалявшійся подъ головой вещевой мѣшокъ и, пустивъ въ чистое васильковое небо густой клубъ махорочнаго дыма, хлопнулъ по погону валявшагося рядомъ однополчанина-земляка.

— Не спалъ я, Федоръ Ивановичъ, цѣльную ночь. Такое въ голову лѣзетъ, что и сказать боюсь. Воюемъ второй годъ, народу изничтожена прорва, а толку на грошъ. Конешно, я не герой, человѣкъ кроткій, въ развѣдчики и то не гожусь. Но башкой меня Богъ не обидѣлъ. Котелокъ работаетъ! Ужели мозгъ противъ кулака ничего не можетъ? Не спалъ, ворочался и надумалъ, братъ, такое, что первымъ человѣкомъ въ Россіи буду, да и Европѣ носъ утру. Съ тобой мы дружки, человѣкъ ты молчаливый, въ лѣтахъ — должонъ тебѣ свое дѣло открыть... Очень я, братъ, стревоженъ, вещь такую задумалъ, что только Суворову впору

Придемъ мы теперь на позицію. Первымъ дѣломъ

— черезъ фельдфебеля ротному докладаю: «Ваше Высокоблагородіе, хочу способствовать полной побѣдѣ безъ пролитія крови, представьте меня въ штабъ арміи по секретной важности дѣлу». — Да, что ты, послѣ контузіи рехнулся, что ли? — Никакъ нѣтъ, въ полномъ сознаніи. Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе, на ухо въ полной тайности доложить. И доложу! Ротный ажъ побѣлѣетъ!.. Ай да, Егоръ Пафнутьевъ! Въ большіе люди выйдешь — меня не забудь!

И сичасъ меня ходами сообщенія изъ блиндажа въ полковой штабъ. Автомобиль по полевому телефону вызванъ: цопъ! Ѣду въ штабъ, а тамъ ужъ волненіе. Дежурный генералъ меня сичасъ въ полевой кабинетъ.

— Ты — Егоръ Пафнутьевъ? — Такъ точно, Ваше Превосходительство! Дозвольте на ухо доложить. Дежурный геенралъ ажъ побѣлѣетъ: Ну, Егоръ Пафнутьевъ! Въ большіе люди выйдешь, — меня, старика, не забудь... Сичасъ зазвонилъ въ ставку, снесся по особо секретному проводу съ кѣмъ надо. Оттуда приказъ: дать Егору Пафнутьеву, что потребуетъ, ни въ чемъ ему не прекословить.

Вызываю я къ себѣ самолучшаго летчика. Хоша я ефрейторъ, а онъ поручикъ, однако, онъ у меня въ полномъ подчиненіи. — Ваше благородіе, добудьте чѣмъ свѣтъ нѣмецкій еропланъ, веревки англійской сажень со сто, бульону французскаго въ бутылочкѣ, да германскаго обмундированія полный комплектъ на двѣ персоны. — Слушаю-съ! Еропланъ, говоритъ, мы русскій перекрасимъ, желѣзный крестъ съ исподу выведемъ, планки уширимъ, — сойдетъ.... Ну, дѣлайте, какъ знаете... Карта при васъ? — Такъ точно, господинъ ефрейторъ! — Мертвымъ петлямъ, курбетамъ всякимъ, спиральному спуску турманомъ и подъему по прямой ли-

ніи обучены? — Такъ точно, все могу-съ. — Ну, ладно... Мы, Ваше Благородіе, завтра съ вами весь свѣтъ замиримъ, и Россію на первое мѣсто поставимъ. — Радъ стараться!... И портсигаръ раскрылъ: разрѣшите, молъ, предложить папироску? Хлюстъ!

А дежурный генералъ мнѣ все обсказалъ: солдатскій слушокъ по окопамъ не зря прошелъ, — парадъ точно германскій назначенъ супротивъ нашего фронта. Самъ Вильгельмъ принимать будетъ, потому фронтъ нашъ сичасъ самый главный, всѣмъ фронтамъ голова.

Ладно. Чуть свѣтъ, въ полномъ секретѣ садимся съ поручикомъ въ еропланъ. Начальникъ штаба намъ для теплоты по большой рюмкѣ коньяку вынесъ, потому сырость, а летѣть далеко. Слезу обшлагомъ старикъ вытеръ, платкомъ помахалъ. Взвились! Мать честная...

Низко летѣть невозможно, потому наши батареи перекрестнымъ шрапнельнымъ огнемъ сшибутъ, еропланъ съ виду-то германскій. Я поручику командую: Ваше Благородіе! Берить еще повыше, облака пробьемъ, а тамъ, какъ за дымовой завѣсой, валите прямо скрозь нѣмецкій фронтъ, прямо къ фольварку, гдѣ ихъ парадъ нынче. Безъ пяти восемь ровно, чтобъ поспѣть, потому Вильгельмъ нѣмецъ аккуратный, ровно въ восемь къ войскамъ выйдетъ.

Летимъ, братецъ, летимъ. Внизу облака, какъ студень, колышутся, вверху солнышко... Птички, которыя за нами увязались, всѣ къ черту поотстали.

Нагнулся поручикъ къ картѣ, по барометру перчаткой щелкнулъ: здѣсь, говоритъ, въ самый разъ. Спускаться? — Вали, Ваше Благородіе... Мать честная!..

Сталъ онъ кольцами, какъ ястребъ-тетеревятникъ, кружить, да все ниже, да ближе. Облака прошли, дыра за нами лохматая, словно сапогомъ перину продрали. И

вся, можно сказать, панорама, какъ на бильярдѣ. Кавалерія, понтонный батальонъ, пѣхота по-ротно въ походной колоннѣ. А на пригоркѣ самъ Вильгельмъ: въ дальнобойный бинокль весь, сукинъ котъ, какъ на ладони, виденъ. Усы — штыками кверху закручены, шинель вродѣ нашей николаевской, каска — пикой, ровно хвостъ у кобеля. Отдѣльно отъ другихъ стоитъ. Въ томъ и вся суть!

Ну, нѣмцы ничего. Никакого подозрѣнія не обнаруживаютъ. Свой еропланъ спускается, можетъ, съ какимъ донесеніемъ секретнымъ въ собственныя руки.

А я канатъ въ кольца выложилъ, размоталъ конецъ, петлю ружейной смазкой протеръ, кричу поручику: какъ на пятьдесятъ саженъ подлетимъ, на самую малость задержись! Ну, мой поручикъ знаетъ: котелокъ работаетъ. Въ самый разъ потрафилъ, надъ головой Вильгельма замеръ... А я — разъ! Арканъ метнулъ.... Прямо Вильгельма подъ мышки, зыкнуть онъ не успѣлъ. «Подымай-съ!» — кричу... Мать честная!

Дернули мы въ поднебесье, едва изъ-подъ заду еропланъ не ушелъ.... Ахъ, ахъ! Заелозили нѣмцы, суета, стрѣлять нельзя, потому въ своего императора попадешь... А онъ на веревкѣ, какъ стерлядь, повисъ, вѣтромъ чуть вбокъ отнесло, шинель парусомъ вздуло. — До-бы-ча!

Вознеслись мы за облака, летчикъ назадъ направленіе держитъ, въ нашъ штабъ арміи. Я, значитъ, полегоньку Вильгельма подтянулъ, портянки ему фланелевыя на бечевкѣ спустилъ: подложите, молъ, подмышки, Ваше Величество, а то веревка натретъ, неудобно вамъ! А онъ вверхъ покосился и меня русскимъ словомъ понѣмецки обложилъ. Ругайся! Это ничего — облегчаетъ! Подвелъ я подъ него трапецію: пусть отдохнетъ, поси-

дитъ, хрѣнъ съ нимъ, а то не смякъ бы совсѣмъ, тогда и все дѣло мое къ лѣшему. Бульону ему французскаго спустилъ на шнуркѣ. Пусть питается — тоже, вѣдь, вродѣ человѣка. Поручикъ мой обернулся: смѣется, чертъ, — какъ не радоваться. Такую вещь удрали....

Глянулъ я внизъ. Вижу Вильгельмъ изловчился, мундиръ разстегнулъ, защитнаго цвѣта, бумажникомъ намъ помахиваетъ, знаки подаетъ, по своему лопочетъ.

— Ваше Благородіе, чего ему надоть? Я ихнего длиннаго разговору не понимаю.

Прислушался мой летчикъ, — вижу насупился, покраснѣлъ.

— Онъ, стерва, намъ два милліона жертвуетъ, чтобы мы на нѣмецкую сторону его свезли, да къ нему бы на службу перешли.

— Ахъ, онъ гадъ усатый! Да я ему самъ три дамъ. Чтобъ русскій человѣкъ свою родину продалъ, — съ роду этого не бывало....

Втянулъ наверхъ бутылочку съ бульономъ. Коли такъ, сиди голодный, разговоръ съ тобой въ штабѣ будетъ.

* *
*

Подлетаемъ, стало быть, къ штабу. А ужъ тамъ усмотрѣли, кто на трапеціи сидитъ. Солдатня выстроилась. Музыка гремитъ... Слушай на краулъ! Только мы земли коснулись, подхватили насъ, еропланъ на рукахъ несутъ... Егору Пафнутьеву! Ур-р-ра!

Самъ командующій съ коня слѣзъ, въ губы меня чмокнулъ, съ себя офицерскій Георгій снялъ, да мнѣ на грудь. Хоть и не по уставу — да ужъ подвигъ больно выдающійся.

Первымъ долгомъ я докладаю: Ваше Высокопревосходительство, дозвольте съ Вильгельмомъ короткій разговоръ имѣть.

— Говори. Ты его добылъ, твой и разговоръ первый.

— Ваше Величество, кряхти не кряхти, дѣло кончать надо. Сичасъ посылай своимъ телефонограмму: «долой войну, замиреніе полное». Обмѣнъ плѣнными немедленно. На счетъ контрибуціи тебѣ въ ставкѣ полный счетъ напишутъ, будешь доволенъ.

Что жъ ему дѣлать? Рванулъ усъ, сѣлъ на барабанъ приказъ писать. Слезы изъ подъ каски такъ бисеромъ и текутъ. А изъ ставки звонокъ: «По Высочайшему повелѣнію, Пафнутьева Егора черезъ всѣ ступени въ полные генералы произвести, землей надѣлить по десятинѣ за версту, сколько онъ туда леталъ и обратно и, сверхъ того, золотомъ два подсумка верхомъ насыпать. Ловко!

Только отзвонили, по безпроволочному телефону депеша: Французской Президентъ шлетъ на выборъ Егору Пафнутьеву портреты двѣнадцати красавицъ. Очень за него замужъ желаютъ, потому онъ и свою страну вызволилъ и ихъ отечеству помогъ, и самъ Наполеонъ передъ нимъ все равно, какъ младшій унтеръ-офицеръ. Спрашиваютъ только, какой изъ себя Пафнутьевъ, на счетъ цвѣта волосъ и протчего.

Ну я, конешно, противъ своей націи не пошелъ: вѣжливо отвѣчаю, что, молъ, красавицъ благодарю и въ презентъ имъ по серебряному самовару посылаю, а на счетъ волосъ не ихъ дѣло, — у меня своя русская обрученная невѣста есть, деревни Васькино Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Авдотья Спиридоновна Мякишева. Съ тѣмъ и отъѣхали.

Нарядился я, стало быть, въ полный генеральскій парадъ, распоряженіе далъ, чтобъ солдатъ по домамъ распустили... Подали автомобиль въ восемь самолучшихъ лошадиныхъ силъ, тебя, друга моего закадычнаго, впереди съ шофферомъ посадилъ... и покатили мы, братъ, въ свой уѣздъ... Ухъ ты!...

***

— Все?

Федоръ Ивановичъ, бородатый коренастый дядя, больше похожій на степеннаго лѣшаго, чѣмъ на армейскаго пѣхотнаго рядового, кончилъ свое художество: на холщевомъ исподѣ фуражки чернильнымъ карандашомъ вывелъ полкъ, роту, имя-фамилію, а подъ ними двѣ винтовки на-крестъ, на манеръ знака «за отличную стрѣльбу». Надѣлъ фуражку на ухо и хлопнулъ заскорузлой ладонью по травѣ.

— Ну и шутъ ты, Пафнутьевъ, даромъ что ефрейторъ! Голова у тебя генеральнаго штаба, а мозги телячьи... Да рази ротный твой съ тобой на ухо шептаться будетъ? Сичасъ тебѣ руки за спину и на испытаніе на распредѣлительный пунктъ съ фельдшеромъ: провѣрить, молъ, Егора Пафнутьева, точно ли онъ человѣкъ психическій, либо такъ — отъ фронта отлыниваетъ.

А ежели бъ сдуру тебя ротный до дежурнаго генерала допустилъ и генералъ бы твоей брехнѣ повѣрилъ, ни шиша бы у тебя, милый другъ, не вышло. Сталъ бы ты на ероплане со своимъ поручикомъ надъ Вильгельмомъ кружить, со всѣхъ бы сторонъ караульные чепелины, отколь ни возьмись, еропланъ твой подъ микитки — и ау, нѣтъ больше Егора Пафнутьева!

— И ужъ, если точно такое твое дурацкое счастье, ты бъ его, Вильгельма, за хлястикъ, либо подмышку за-

цѣпилъ, онъ сичасъ шашку вонъ, по веревкѣ цокнулъ, — а ему бъ снизу брезентъ растянули, чтобъ невредимо спустился, какъ пухъ на репейникъ. И вдогонку тебѣ вкатили бы полную порцію... какъ въ галку! Ты что жъ полагаешь, что они съ мѣста по подвижной цѣли палить не умѣютъ?...

— Доставай, Ваше Превосходительство, котелокъ.. Вишь земляки на обѣдъ бѣгутъ. А то съ твоимъ автомобилемъ, да съ имѣніемъ, да съ французскими красавицами — и безъ борща останешься.

Сырная пасха

(Разсказъ эмигранта).

До войны жили мы съ женой на Крестовскомъ. Тотъ же Петербургъ, но знакомые, перебравшись къ намъ весной черезъ горбатый мостъ по конкѣ откуда-нибудь съ Гороховой, все бывало удивлялись. Черемуха у насъ въ саду цвѣла, — прямо не дерево, а Монна Ванна. Райская яблоня блѣднымъ румянцемъ разгоралась... Рѣчка своя была противъ дачи градоначальника, Крестовка. Пристань, лодченка. Наберешь знакомыхъ и повезешь ихъ лимонную водку пить подъ Елагинъ мостъ. Вверху копыта гудятъ, а внизу мы сидимъ, покачиваемся и закусываемъ. Соловьи въ кустахъ аккомпанируютъ. Гдѣ ужъ мнѣ, — только Фету впору описать...

Помню, бывало Пасха поздняя и теплая выпадетъ, предпасхальные дни одинъ другого краше пойдутъ. А въ домѣ, — флигелекъ у насъ бѣлый въ саду стоялъ, — битва русскихъ съ кабардинцами! Чухонка Дарья съ дворникомъ ковры волокутъ, другъ на друга огрызаются, стулья всѣ вверхъ ножками на столахъ, портретъ Достоевскаго на кровати, халатъ — самъ Шерлокъ Холмсъ не сыщетъ.

Придешь изъ банка, живому человѣку посмотрѣть на живое любопытно: жена съ Дарьей замазку съ двой-

ныхъ рамъ сдираютъ, кислоту и вату съ гарусомъ прочь уносятъ, суконка по стекламъ, какъ кенарейка, заливается. Подъ ватой песокъ набрякшій. Поколупаешь, потрогаешь пальцемъ, — надо же хоть разъ въ году развлечься. У ногъ котъ, Брандмайоромъ прозывался, выгибается. Тоже ему удовольствіе: на свиданія теперь не черезъ кухню будетъ бѣгать, а прямо изъ окна въ садъ. Въ старой оранжереѣ у него по вечерамъ цѣлый гаремъ собирался....

Жена, конечно, меня за дверь, сердится, словно я всю ея стратегію нарушилъ:

— Брось, Васюкъ! Что ты, какъ семилѣтній.... Только мѣшаешь. Возьми «Рѣчь», поди въ садъ почитай...

И уйдешь. Хоть эту «Рѣчь» я ужъ въ банкѣ два раза насквозь прочиталъ, читаю въ третій. А то подложишь ее подъ себя на сырую скамью и на скворешницу смотришь: Прилетѣли, милые! Брандмайоръ о плечо трется, тоже на скворцовъ любуется. Я, такъ сказать, безкорыстно, а онъ гастрономическую лирику разводитъ, урчитъ.

О самомъ главномъ толкомъ и вспомнить не могу. Потому къ этому дѣлу меня и на пушечный выстрѣлъ не подпускали....

Въ кухонной лабораторіи жена съ Дарьей засядутъ. Толкутъ, цѣдятъ, мѣсятъ, лучше и носу не показывай. Иной разъ изловчишься, изюму немного стянешь, миндаля. Пожевать, вѣдь, сладкаго хочется.

Жена сейчасъ на дыбы:

— Ты что, чучело, жуешь? Покажи, покажи карманъ! Да уходи ты отсюда, Бога ради. Нечего за кули-

сы зря соваться. Потерпѣть не можетъ, мальчикъ какой.... Возьми свою «Рѣчь» и ступай въ садъ.

Добрый, вѣдь, человѣкъ, росту маленькаго, уютнаго, глаза — васильки, а какъ она меня этой «Рѣчью» допекала....

И ужъ дѣйствительно! Вернешься домой съ компаніей послѣ пасхальной заутрени, посмотришь на столъ — голландскій пейзажъ. Куличи не какіе-нибудь кособокіе, съ головой набекрень, а крѣпкіе, ровные, бѣлой глазурью отливаютъ, пестрымъ сахарнымъ бисеромъ посыпаны. Барашекъ съ флажками кротко копытце впередъ вынесъ... Анемоны, гіацинты вокругъ бутылокъ цвѣтутъ, — не нарадуешься. И пирамидками — сырныя пасхи, заварныя, цукатныя, — неизбывная гордость моей жены... Не ѣда, а романсъ Чайковскаго, переложенный на сахарно-творожную музыку нѣжными и милыми женскими руками.

Не чревоугодникъ я, что зря на себя клепать, но скажу по совѣсти: что краше весенняго пасхальнаго стола? Завтракъ, обѣдъ, ужинъ — ежедневная, такъ сказать, повинность. Хлѣбъ нашъ насущный и больше ничего. Перловаго супа хлебнешь, отодвинешь, въ зразахъ поковыряешь. Ну кисель еще туда-сюда, люблю. А пасхальное пиршество — можно ли сравнить? Краски, благоуханіе, архитектура... Въ вымытомъ окнѣ облака, словно взбитыя сливки, проплываютъ, банка точно и не бывало... Люди всѣ такіе кроткіе, который скотина — и тотъ себя сдерживаетъ, улыбка съ утра до вечера во все лицо, и столъ весь день накрытъ... Полюбуешься, походишь, побурчишь, яичко, которое неровно окрашено, облупишь, рюмку шустовскаго «Спотыкача» опростаешь, и медленно сырной пасхой закусишь.

***

Въ эмиграціи, какая ужъ жизнь. Ни двойныхъ рамъ, ни бѣлаго флигеля, ни рѣки Крестовки....

Подходила Пасха. Надо же чѣмъ-нибудь эмигрантскіе будни подцвѣтить, подобіе праздника наладить. Работаемъ мы оба съ женой, какъ битюги. Франковъ сто у насъ въ сгораемой корельской шкатулкѣ накопилось, думаю хватитъ.

Говорю женѣ: «какъ ты, Леночка, полагаешь? Шелъ я сегодня мимо русской лавки «Малиновый звонъ», видѣлъ въ окнѣ плакатъ — «принимаются заказы на сырныя пасхи, куличи и прочее»... Ты жъ сырную пасху обожаешь, не заказать ли?

Какъ вскинулась моя Елена:

— Ты что жъ, Васюкъ, совсѣмъ опустился? Совѣсть потерялъ?... Чтобъ я въ колоніальномъ вертепѣ сырную пасху покупала?! Да они вмѣсто творогу известку кладутъ, на кошачьемъ молокѣ замѣшиваютъ... Съ ума сошелъ! Нѣтъ, милый, у меня уже все предусмотрѣно.

Женщина — ничего не подѣлаешь. Ужъ если на ея сокровенную романтику грубымъ сапогомъ наступишь, душу словами проточитъ, а не сдастся. Посмотрѣла на меня глазами раненаго оленя и укоризненно отвер... лась.

Стыдно мнѣ стало: — «Хорошо, Леночка. Что... бу тамъ предусмотрѣно»?

— Видишь ли, я по своимъ бѣлошвейны... замъ бѣгаю, устаю, годы не тѣ, да и работы ... не могу. Ну, а у тебя занятіе періодическое... ли, на аукціоны въ залъ Друо бѣгаю, бронз... ка Девятнадцатаго для перепродажи покуп...

— Вотъ, — говоритъ, — тебѣ списокъ.

надо. Я тебѣ полный рецептъ дамъ. Время теперь такое: женщины должны все мужское умѣть, мужчины все женское.

Пошелъ покупать. Обороты французскіе всѣ на бумажкѣ выписалъ.

И сколько для этой сырной пасхи требуется, цѣлая энциклопедія! Сухой творогъ, сливочное масло лучшее, яйца «изъ-подъ куръ», густые сливки лучшіе, цукаты, миндаль сладкій, ромъ лучшій, ваниль лучшая, сахаръ въ пудрѣ... Кажется, все. Да еще форму добывалъ по всему Парижу, наконецъ, въ русской книжной лавкѣ, на рю Винэзъ, по случаю купилъ.

Сливочное масло, оказывается, нужно въ умывальномъ тазу до бѣлаго каленія растирать. Пестикъ? Искалъ, искалъ, нашелъ въ хозяйскомъ чуланѣ старую дѣтскую кеглю, — сойдетъ. Записку развернулъ, сѣлъ за работу.

Первое. Снялъ пиджакъ. Два часа творогъ сквозь рѣшето протиралъ.... Жилетъ насквозь измазалъ, — спрошу въ русской аптекѣ, чѣмъ творогъ выводятъ.

Второе. Снялъ жилетъ. Масло по умывальному та-
захбѣгаетъ, а я за нимъ съ кеглей. Цѣлый часъ бѣгалъ,
А пакраску съ кегли въ масло стеръ.... Сойдетъ! Дышу,
ки, блрузовикъ. Сорочка въ маслѣ, глаза, какъ у загнан-
лака, слбана.
но и не сье. Снялъ рубашку. Полтора часа мѣсилъ тво-
тина — ижелтками и сахарной пудрой. Рекомендовалъ
вечера во ьятіе для англійскихъ каторжныхъ тюремъ!
буешься, пгое. Снимать съ себя больше нечего... Смѣ-
но окрашенжную слякоть съ масломъ и сливками.
кача» опрослъ! Перемѣшивалъ!.. Кто этотъ рецептъ

выдумалъ, дай ему Богъ, чтобы его на томъ свѣтѣ такъ мѣсили....

Вымачивалъ цукаты въ ромѣ и для поддержанія силъ ромъ выпилъ. Не алкоголики же они, эти самые цукаты. Полежали минуту и будетъ!

Словомъ, что разсказывать... Сырная пасха вышла такая, что хоть пальчики оближи. Я ихъ, дѣйствительно, и облизалъ, когда къ вечеру работу кончилъ.

Жена пришла, попробовала и въ лобъ меня поцѣловала:

— Видишь, Васенька! Вотъ ты мужчина, а съ женскимъ дѣломъ отлично справился. Не такъ уже легко женщиной быть, какъ ты полагалъ...

Форму вымыла. Стряпню мою въ нее выложила, пирамиду перевернула остріемъ въ кастрюлю, а сверху на дощечку полный комплектъ «Архива русской революціи» для тяжести положила.

Одно мнѣ только обидно: приходили знакомые — ѣли, консьержкѣ кусокъ дали — ѣла, родственникамъ послали — ѣли. И всѣ хвалили жену.... Да какъ хвалили! Такого успѣха, думаю, и Шаляпинъ никогда не имѣлъ. А она всѣ похвалы и восторги съ сіяющимъ лицомъ принимала и хоть бы словомъ обо мнѣ обмолвилась... Справедливо ли это?

Вотъ подите жъ. Давадцать пять лѣтъ съ женщиной живешь и только на склонѣ дней, по такому, можно сказать, мизерному поводу узнаешь, до чего ее авторское самолюбіе заѣло...

Греческій самодуръ

Прошлой весной Александръ Александровичъ Яблоновскій раскрылъ какъ-то свой завѣтный ящикъ. Я съ любопытствомъ заглянулъ внутрь: щипцы, зажимы, аллюминіевыя коробочки, свинцовыя пластинки.

— Наборъ для печатанія англійскихъ фунтовъ? — подумалъ я и прикусилъ языкъ. Совсѣмъ, какъ будто, у Александра Александровича характеръ для такого занятія неподходящій.

Александръ Александровичъ поднялъ глаза, паскудную мою мысль перехватилъ и сурово отрѣзалъ:

— Рыболовныя принадлежности.

Но кроткое мое раскаяніе видя, смягчился и всѣ свои аллюминіевыя коробочки раскрылъ.

— Вотъ это крючки на кефаль, это на щуку, это на... камбалу.

Крючковъ съ тысячу разложилъ, въ глазахъ блескъ мягкій будто альбомъ лимитрофныхъ марокъ показываетъ.

До чего, думаю, рыбы интеллигентныя стали. Каждая въ мутной водѣ свой крючекъ находитъ и сама на себя научнымъ способомъ руки накладываетъ.

— А это что за обручальныя кольца?

— Это, сударь, чтобы на удилищахъ суставчики закрѣплять. Хирургическимъ шелкомъ ихъ обматыва-

ютъ, а сквозь кольца леску пропускаютъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ рыбъ подтягивать... Другая дура нервничаетъ. Во всѣ стороны дергается, какъ барыня въ чарлстонѣ. Такъ вотъ, чтобы удилища не обломали, и подтягиваешь ее аккуратненько на вертушкѣ сквозь кольца. Пока душу изъ нея не вымотаешь.

И глаза у него такіе зеленые стали, какъ.... у Торквемадо. Слава Тебѣ, Господи, думаю, что я все-таки не рыба, а писатель.

— Вотъ, — говоритъ, — другъ мой. Ѣдете вы къ Средиземному морю. Въ морѣ вода, а въ водѣ рыба. Человѣкъ вы немолодой, симпатичный. Чѣмъ лѣтомъ зря флиртомъ-спиртомъ заниматься, приспособили бы себя лучше къ рыбной ловлѣ. Сядете себѣ на утесъ, подъ себя противъ ишіаса «Послѣднія Новости» подложите....

— Почему же не «Возрожденіе»?

— Можно и «Возрожденіе». Вѣтерокъ продуваетъ, чайки мяучатъ, рыбка клюетъ... прохожіе завидуютъ. Къ вечеру у васъ, глядишь, на безплатный буйабесъ и наберется....

— Не умѣю я, Александръ Александровичъ.

— Чего жъ тутъ умѣть. Не ежа брить. Я вамъ самоучитель французскій подарю. Тутъ все есть: отъ кита до устрицы. Полное заочное руководство. Мулъ и тотъ пойметъ.

Намекъ довольно странный.

— Спасибо.. Но какъ же я самъ рыбу съ крючка снимать буду?

— А вамъ повивальная бабка нужна?

— Да нѣтъ же. Рыба, скажемъ, заглотаетъ крючекъ

до самой діафрагмы... Не Малюта же я Скуратовъ, чтобъ живую тварь тиранить. Морфій ей вспрыскивать, что ли?

— Глупости. Безъ морфія обойдется. Вотъ вамъ инструментъ. За милую душу любой крючекъ вытащитъ.

И подалъ мнѣ нѣчто вродѣ астролябіи для лилипутовъ.

— Откройте ротъ. Предположимъ, что вы бѣлуга... Я беру самый большой крючекъ и сейчасъ вамъ продемонстрирую.

Однако, я уклонился. Потому что у Александра Александровича глаза совсѣмъ свѣтло-зеленые стали.

— Впрочемъ, постойте... Есть у меня одна золотая снасть. Такъ рыба сама на нее и лѣзетъ. Когда мы въ Грецію изъ Крыма попали, у одного лодочника видалъ. Но только онъ, бестія, изъ авторскаго самолюбія, никому близко не показывалъ. Пришлось его накачать. Противъ русской зубровки какой же грекъ устоитъ?.. И пока онъ въ летаргическо - зубровомъ снѣ подъ лодкой валялся, мы съ прибора копію и сняли. Берите, съ Богомъ. «Самодуръ» называется.

Взялъ я въ руки длинный кусокъ пробковой коры. На немъ крючки съ перышками. Къ концу струны свинцовая груша привязана. Вродѣ эоловой арфы. Ни наживки не надо, ни удилища. Знай, разматывай за кормой струну, да пальцемъ поддергивай, словно на цитрѣ играешь. Свинцовая груша вертится-вертится, вальсируетъ. Перышки мигаютъ, рыба въ гипнозѣ, какъ одурѣлая, на крючки скачетъ... Словомъ, — не снасть, а безпроволочный телеграфъ съ ручкой.

Поблагодарилъ я сердечно. Теперь, думаю, до самой старости обезпеченъ. «Самодуръ» въ карманъ по-

ложилъ, рыбій самоучитель съ радости на каминѣ забылъ и домой. Когда, думаю, послѣднія издательства перелопаются, открою средиземный вегетаріанскій ресторанъ, — рыба своя. Чего жъ стѣсняться?... А ресторанъ такъ и назову «Греческій самодуръ». И въ красномъ углу портретъ Александра Александровича Яблоновскаго повѣшу въ золотой рамкѣ.

***

Пріѣхалъ я къ Средиземному морю. Въ знакомомъ мѣстѣ, у лафавьерскаго лукоморья, въ хижинѣ поселился. Хожу мимо камней, руки за спину заложивъ, наблюдаю. Знакомые русскіе дачники сидятъ, словно Будды, ноги поджавши, крючки на удочкахъ въ морѣ полощатъ.

Разъ! Полпорціи червяка на крючкѣ корчится, сардинка въ водѣ смѣется. Два! Въ такомъ же родѣ.

А то и похуже: крючекъ подъ камнемъ заѣстъ; снимай съ себя ту часть туалета, которую греческіе боги не носили и лѣзь въ воду отцѣплять. А въ водѣ либо на морского ежа наступишь, либо на свой же крючекъ напорешься, — сиди потомъ на берегу, задравши кочергой ногу, да палецъ зализывай.. Въ лучшемъ случаѣ часа за два пучекъ морской травы Богъ пошлетъ. Пока на матрацъ наловишь — и лѣто пройдетъ.

Хожу я мимо, ухмыляюсь. Наконецъ, не выдержалъ. Сѣлъ рядомъ и покровительственно по плечамъ ихъ похлопалъ:

— Люди вы немолодые, симпатичные. Вѣтеръ васъ продуваетъ, чайки мяучатъ, а толку на полсантима. Есть у меня золотая снасть — греческій самодуръ. Въ Греціи у одного адмирала на ведро рома вымѣнялъ. Завтра на разсвѣтѣ выѣдемъ въ лодкѣ... Рыбой, можно

сказать, по горло обложимся. Всѣ окрестные коты внутренностями обожрутся! Консервный заводъ откроемъ...

Знакомые мои и удить больше не стали... Видятъ, что оптовикъ пришелъ. И зрачки у меня тоже, должно быть зеленые, какъ у Торквемадо, стали. Сразу видно, что человѣкъ съ высшимъ рыбьимъ образованіемъ.

***

На зарѣ выѣхали. Земляки на веслахъ. Я на кормѣ съ самодуромъ. Крючковъ двадцать съ перышками, — это жъ полморя выловить можно. Три большихъ ведра взяли, чтобъ добычу было въ чемъ нести...

Море вокругъ лиловенькое, — пальцы полощешь, будто и не пальцы въ водѣ, а фіалки съ ногтями. Рыбкой вокругъ такъ и попахиваетъ. Чайки надъ нами спиралью вьются, стонутъ. Непріятно имъ, конечно: всю рыбу выловимъ, имъ то, что ѣсть?

Размоталъ я струну широкой рукой. Закрутились перышки, струна вглубь натянулась, грузило въ палецъ, какъ пульсъ отдаетъ.

Минутъ пять подергалъ, думаю — всѣ крючки полны. Господи, благослови. Подтянулъ. Гребцы рты раскрыли....

Однако... Закрыть пришлось. Рыба средиземная, должно быть, сразу къ самодуру не привыкла. Или туше у меня слишкомъ для нихъ рѣзкое? Однако, я не смутился. Не богини посуду обжигаютъ...

Второй разъ забросилъ. И третій... И шестой.... Гребцы мои профили въ разныя стороны отворотили. Можетъ, смѣются, а можетъ, вода подъ кормой булькаетъ. Н-да-съ!...

Не въ рыбѣ, конечно, дѣло. Рыба дрянь, въ кооперативѣ хоть вагонъ купить можно, но репутаціи своей жалко...

Человѣкъ немолодой, симпатичный, непьющій и вдругъ въ такую рыбью калошу сѣсть... Да еще самому и свидѣтелей пригласить!

Они же меня, чудаки, и утѣшать вздумали:

— А, можетъ, на вашъ самодуръ только въ лунную ночь русалки ловятся? Вазелиномъ, можетъ, крючки бы натереть? Морская рыба вазелинъ любитъ. Въ «Одиссеѣ», говорятъ, нѣтъ ли чего про греческій самодуръ? Древніе греки народъ дошлый. Можетъ, сначала рыбу въ сѣть поймать надо, а потомъ на самодурные крючки по одной насаживать?...

Свернулъ я свою снасть. Желчь подъ ложечкой такъ пузырями и вскипаетъ. Опусти меня тогда въ море, вода бъ кругомъ на сажень пожелтѣла... Молчу, какъ камбала. И только въ душѣ (согрѣшилъ, признаться) — милому Александру Александровичу по безпроволочному телеграфу лирическій привѣтъ послалъ.

Рыба, что ли, у греческаго архипелага, сплошная дура? Либо греки рыбье слово знаютъ, заговорное?

***

И только къ вечеру, при фонарѣ, сокрушенно укладывая проклятый самодуръ въ коробку, понялъ я, кажется, что калоша моя оказалась глубже, чѣмъ я предполагалъ:

на каждомъ крючкѣ, чтобъ въ смотанномъ видѣ пальцевъ не наколоть, насаженъ былъ бузиновый шарикъ.

А я, значитъ, такъ съ шариками въ воду всю снасть и бухнулъ...

Александръ Александровичъ Яблоновскій, конечно, не догадался, что новобранцу-солдату надо объяснять: когда саблей рубишь, нужно предварительно саблю изъ ноженъ вытаскивать.

***

Впрочемъ, Александра Александровича я все-таки огорчить долженъ. Для реабилитаціи своей долженъ сознаться, что я потомъ разъ пять забрасывалъ самодуръ — безъ шариковъ. По всѣмъ правиламъ высшей рыболовной науки.

Много ли наловилъ?

Изъ тысячи вычтите девятьсотъ, да еще девяносто девять, да еще единицу. Вотъ столько я и наловилъ.

Письмо изъ Берлина

Золотая Анна Александровна!

Извѣстный Вамъ Павелъ Николаевичъ Кузовковъ узналъ, что Вы въ Парижѣ и умоляетъ написать Вамъ. Самъ не можетъ. Сидитъ у меня на сундукѣ, нюхаетъ валерьяновую пробку и плачетъ. Слезы падаютъ на хозяйскій коверъ, — и я въ отчаяніи...

Чудакъ, видите ли, завелъ бѣлку. Жениться эмигрантамъ берлинскія хозяйки не разрѣшаютъ, но къ животнымъ онѣ снисходительны. При чемъ бѣлка обходилась Кузовкову только въ 15 золотыхъ пфенниговъ въ сутки. Развѣ на эти деньги жену прокормишь?

Позавчера утромъ, пользуясь послѣдними осенними ясными днями, бѣлка, нарушивъ предписанныя квартирныя условія, вылѣзла изъ клѣтки, отгрызла у гипсоваго Гинденбурга носъ и выскочила за окно.

Оттуда по карнизу жизнерадостнымъ курцгалопомъ понеслась къ сосѣднему балкону и прыгнула на дремавшую въ качалкѣ 70-лѣтнюю фрау Шмальцъ. Слыхали Вы когда-нибудь, какъ визжатъ старыя нѣмки? Уличное движеніе сразу остановилось... Старухина наколка полетѣла внизъ, а подъ наколкой, какъ у голой крысы. Можете себѣ представить удивленіе смотрѣвшихъ сверху жильцовъ?...

А бѣлка — хвостъ трубой, — опрокинула вазонъ

съ душистымъ старушкинымъ горошкомъ, шмыгнула въ угловое окно и, принявъ отдыхавшаго на перинѣ коммерціи совѣтника Баумгольца за дубовую колоду, начала танцовать на его животѣ лѣсные танцы.

Баумгольцъ проснулся и рѣшилъ, что онъ сошелъ съ ума. Но потомъ одумался, бросилъ въ проклятую бѣлку пивной кружкой и со страха наступилъ пяткой на слетѣвшее на полъ золотое пенснэ... Вы понимаете, чѣмъ это пахнетъ?

Пенснэ крякнуло... Бѣлка укусила совѣтника за третью складку на затылкѣ и, разбивъ по дорогѣ портретъ съ полнымъ комплектомъ семейства Вильгельма, понеслась собачьей рысью обратно къ Кузовкову.

Теперь представьте себѣ... Мальчишки подъ окномъ визжатъ: «Русскій! Русскій! Ферфлюхтеръ русскій!» Торговки потрясаютъ жестянками съ порошкомъ для чистки мѣдной посуды и орутъ басомъ: «Позоръ! Позоръ! Онъ держитъ дикихъ звѣрей!...» И вдобавокъ идіотъ сосѣдъ, принявъ, очевидно, мчавшуюся по карнизу рыжую бѣлку за развѣвающееся пламя, вызвалъ пожарную команду....

На заднемъ планѣ старуха лежитъ въ обморокѣ на своемъ балконѣ. Пожарные растираютъ ей виски. Снаружи Баумгольцъ лупитъ кружкой въ дверь. Въ спальнѣ хозяйка Кузовкова размахиваетъ передъ его носомъ безносымъ Гинденбургомъ. На кухнѣ шуцманъ разстегнулъ поясъ и, пососавъ карандашъ, составляетъ протоколъ. А бѣлка, какъ ни въ чемъ не бывало, забилась въ клѣтку и катаетъ каштанъ....

Результаты? Шуцманъ увезъ бѣлку въ каретѣ скорой помощи въ какой-то собачій крематорій для уничтоженія. Угловой провизоръ съ бѣльмомъ, который не любитъ русскихъ, клянется, что бѣлка была бѣшеная и

подсчиталъ уже всѣ убытки Баумгольца, если совѣтникъ взбѣсится. Вы понимаете, чѣмъ это пахнетъ?!

Хозяйка требуетъ за носъ Гинденбурга 10 золотыхъ марокъ, за поруганіе квартирной чести 28 марокъ и за порванную бѣлкой плюшевую фамильную портьеру 34 марки (хотя портьера была порвана еще въ прошломъ году хозяйкинымъ пьянымъ «шацомъ» — по вашему « ами»).

У лавочника напротивъ украли во время суматохи окорокъ довоенной заготовки. Жена его кричала на всю улицу, что раньше нѣмцы были всѣ честные, что это эмигранты ихъ развратили, и, что если бы не эмигранты, то не было бы и войны...

Старуху, если выживетъ, Кузовкову придется взять на пожизненную пенсію, — послѣ случая съ бѣлкой она трясетъ головой и никакъ не можетъ остановиться. Если не выживетъ, — Вы представить себѣ не можете, золотая Анна Александровна, до чего вздорожали въ Берлинѣ надробные камни и прочіе предметы первой необходимости!

Съ Баумгольцомъ еще ужаснѣе! Коммерціи совѣтникъ о деньгахъ и слышать не хочетъ и говоритъ, что дѣло не въ затылкѣ и не въ разбитой кружкѣ и даже не въ семействѣ Вильгельма, — а въ нагломъ засиліи эмигрантовъ, благодаря которымъ пиво вздорожало на 10 золотыхъ пфенниговъ литръ. Меньше 85 марокъ отступного онъ не возьметъ.

Въ общемъ, если Кузовковъ продастъ свою лавочку съ радіоаппаратами и патентованными несгибающимися подтяжками, то только-только ликвидируетъ эту гнусную исторію. Съ квартиры гонятъ. Строющіеся дома разобраны впередъ на 125 лѣтъ. И вдобавокъ, онъ, кажется, попадетъ въ категорію нежелательныхъ ино-

странцевъ, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой (1001 статья) и будетъ высланъ изъ Германіи.

Бѣдняга до того подавленъ, что сегодня утромъ, принявъ осеннюю муху на стѣнѣ за гвоздикъ, повѣсилъ на нее свои послѣдніе золотые часы. Часы, конечно, разбились. А въ ресторанѣ, когда хозяинъ подошелъ къ нему съ обычнымъ привѣтствіемъ «мальцайтъ» — несчастный поблѣднѣлъ и сталъ извиняться, что онъ совсѣмъ не Мальцайтъ, а Кузовковъ...

Что дѣлать? Ради Бога, напишите, что въ Парижѣ. Одинъ Кузовковъ на приростъ парижскаго населенія въ два съ половиной милліона человѣкъ не повліяетъ, а здѣсь онъ меня замучитъ.

И хозяйка моя уже косится: потому что онъ нервничаетъ, ходитъ по ея ковру, три раза уже садился на ея кресло, на которое даже я не сажусь, — и что ужаснѣе всего — положилъ окурокъ въ ея фамильную пепельницу.

Вотъ сейчасъ я вамъ пишу, а она черезъ замочную скважину смотритъ и счетъ составляетъ.

Кузовковъ клянется, что больше бѣлокъ заводить не будетъ. Знаетъ древнегреческій языкъ и украинскій. Умѣетъ разбирать пишущія машинки и, если нужно, научится и собирать....

Узналъ, что Вы въ Парижѣ и умоляетъ написать Вамъ, зная Ваше доброе сердце и прочее. Въ противномъ случаѣ, угрожаетъ открыть у меня въ комнатѣ газъ... А вы знаете, чѣмъ это пахнетъ?!

Попадать изъ-за этого осла въ нежелательные иностранцы я, слава Богу, еще не намѣренъ!

Хотѣли мы, кромѣ Васъ, обратиться къ Лигѣ Націй.

Но практикующій здѣсь харьковскій нотаріусъ Мурло взялъ за совѣтъ 15 золотыхъ марокъ и отсовѣтовалъ.

Цѣлую Вашу гуманную мраморную ручку и съ трепетомъ ожидаю отвѣта.

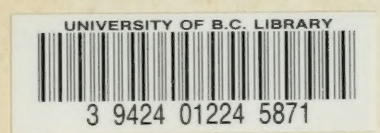
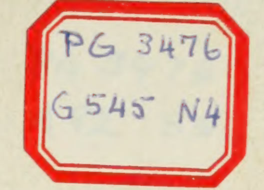
Иванъ Лось.

P. S. — Полотерное депо, въ которомъ я работалъ, лопнуло, потомъ немножко возродилось, потомъ окончательно лопнуло и открыло здѣсь ресторанъ подъ названіемъ «Аскольдова Могила». Но я не растерялся и затѣялъ свое самостоятельное дѣло: контору по перепродажѣ въ лимитрофы щетины изъ берлинскихъ парикмахерскихъ. Заказовъ еще нѣтъ, но у Кузовкова въ Нарвѣ большія связи, а, вѣдь, въ коммерческомъ дѣлѣ это самое главное.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Третейскій судъ 5
Московскій случай 25
Самое страшное 38
Испанская легенда 46
Экономка 54
Изобрѣтатели 62
Иллинойскій богачъ 70
Диспутъ 78
Патентованная краска 86
Полная выкладка 93
Колбасный оккультизмъ 105
Купальщики 116
Буйабесъ 124
Замиритель 132
Сырная пасха 140
Греческій самодуръ 146
Письмо изъ Берлина 153

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris.

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 01224 5871

PG 3476
G545 N4

